

Том 4, № 2, 2020

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

*COVID-19 и социально-политические
изменения: проблемы и возможности
в условиях новой реальности*

*Коронавирус и публичная коммуникация:
проблемы и тенденции*

*Постэпидемия. Основные изменения
в России и мире*

*Пандемия и политические институты:
специфика воздействия*

*Публичная политика и современные
угрозы государственному управлению*

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Том 4, № 2, 2020

ISSN 2541-8351

COVID-19 и социально-политические изменения: проблемы и возможности в условиях новой реальности

Учредитель: Межрегиональная общественная организация
«Гуманитарно-политологический центр "Стратегия"»

Главный редактор: Сунгуров А.Ю.
Редакция: Акопов С.В., Балаян А.А.
(ответственный секретарь), Горный М.Б.,
Тульчинский Г.Л., Щербак А.Н.

Адрес редакции: 190005, Санкт-Петербург,
7-я Красноармейская ул., 25/14, оф. 409
Телефон/факс: (812) 712-66-12,
e-mail: publicpolicyeditor@gmail.com
Электронная версия: <http://center-strategy.com>
ISSN 2541-8351

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65767 от 27 мая 2016 г.
Подписано в печать 28.01.2021 г.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 8,75.
Тираж 500 экз. Заказ 61825.
ООО «Типография АРСИ».
192236, Санкт-Петербург, ул. Б. Куна, д. 32.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

- Акопов С.В.** Доктор политических наук, профессор департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ
- Балаян А.А.** Кандидат политических наук, доцент департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ (ответственный секретарь)
- Горный М.Б.** Кандидат физико-математических наук, член правления Межрегионального гуманитарно-политологического центра «Стратегия»
- Малинова О.Ю.** Доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник ИНИОН РАН
- Морозова Е.В.** Доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, г. Краснодар
- Никовская Л.И.** Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, Москва
- Попова О.В.** Доктор политических наук, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ
- Сморгунов Л.В.** Доктор философских наук, заведующий кафедрой политического управления СПбГУ
- Сунгуров А.Ю.** Доктор политических наук, президент Межрегионального гуманитарно-политологического центра «Стратегия», профессор департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ, главный редактор
- Тимофеева Л.Н.** Доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, председатель правления РАПН
- Тульчинский Г.Л.** Доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор департамента государственного администрирования СПб филиала НИУ ВШЭ
- Щербак А.Н.** Кандидат политических наук, доцент, руководитель департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ

EDITORIAL BOARD

- Akopov S.V.** Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and International Affairs, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg
- Balayan A.A.** Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Affairs, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg (executive secretary)
- Gorny M.B.** Candidate of Physical and Mathematical Sciences, member of the Board of the humanitarian and political center “Strategy”
- Malinova O.Y.** Doctor of Philosophy, Professor of Higher School of Economics National Research University, Chief Researcher of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences INION RAN
- Morozova E.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Department of Public Policy and Public Administration of the Kuban State University, Krasnodar
- Nikovskaya L.I.** Doctor of Sociology, Chief Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow
- Popova O.V.** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Political Institutions and Applied Political Science Department, St. Petersburg State University
- Smorgunov L.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Head of Political Governance Department, St. Petersburg State University
- Sungurov A.Y.** Doctor of Political Sciences, President of the St. Petersburg Humanitarian and Political Center “Strategy”, Professor, Department of Political Science and International Affairs, Chief Editor
- Timofeeva L.N.** Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and Political Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chair of the Board of the RAPN
- Tulchinskii G.L.** Doctor of Philosophy, Professor, Honoured Worker of Science of Russian Federation, Professor, Department of Public Administration, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg
- Shcherbak A.N.** Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Political Science and International Affairs Department, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Бальцер Х. Ильин М.В.	Почетный профессор, Джорджтаунский университет, США Доктор политических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор МГИМО(У), руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, Москва
Гаман-Голутвина О.В.	Доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России, президент РАПН
Колебач Х.	Школа социальных наук и международных исследований, Университет Нового Южного Уэльса, экс-председатель Исследовательского комитета по публичной политике и администрации Международной ассоциации политической науки, Австралия
Крастев И.	Директор софийского Центра либеральных стратегий, София, Болгария
Кук Л. Макарычев А.С.	Профессор Brown University, USA Доктор исторических наук, профессор Института правительства и политики Университета г. Тарту, Эстония
Петерссон Б. Рубл Б.	Профессор Университета Мальме, Швеция Почетный научный сотрудник (distinguished fellow) Центра международных исследований им. Вудро Вильсона, Вашингтон, США
Серме Л.	Профессор Института политических исследований в Экс-Провансе (SciencesPoAix), Франция
Соловьев А.И.	Доктор политических наук, заведующий кафедрой политического анализа МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель редакционно-издательского совета РАПН
Стародубцев А.В.	Кандидат политических наук, доцент, декан факультета социальных наук и востоковедения, и. о. заместителя директора СПб филиала НИУ ВШЭ
Чернышов Ю.Г.	Доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского госуниверситета, директор Алтайской школы политических исследований, Барнаул
Якимец В.Н.	Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института проблем передачи информации РАН, профессор РАНХиГС, Москва

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Baltzer H.** Doctor of Political Sciences, Professor Emeritus, Georgetown University
- Ilyin M.V.** Doctor of Political Sciences, Tenured Professor, Higher School of Economics National Research University, Professor at MGIMO, Head of the Centre for Advanced Methodologies in Social Sciences and Humanities, INION RAN
- Goman-Goluvina O.V.** Doctor of Political Sciences, Head of Comparative Political Science Department, Moscow State Institute of International Relations. President of the RAPN
- Kolebach H.** Doctor of Political Sciences, Honorary Professor, School of social sciences and international research UNSV, Sydney, Ex-Chair, Research Committee on Public Policy and Administration, International Political Science Association Australia
- Krastev I.** Chair of the Center for liberal Strategies in Sofia, Sofia, Bulgaria
- Cook L.** Doctor of Political Sciences, Professor of Brown University, USA
- Makarychev A.S.** Doctor of Historical Sciences, Professor of Institute of Government and policy of the University of Tartu, Estonia
- Peterson B.** Doctor of Political Sciences, professor of the university of Malmö, Sweden
- Rubl B.** Distinguished fellow of Center of the Woodrow Wilson International Center, Washington, USA
- Serma L.** Doctor of Political Sciences, Professor of Institute of Political Researches in Ex-Provence, France
- Solovyov A.I.** Doctor of Political Sciences, Head of Political Analysis Department, Lomonosov Moscow State University, Chair of the Editorial and Publishing Council of the RAPN
- Starodubtsev A.V.** Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Science and International Affairs, Dean of St. Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Acting Deputy Director, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg
- Chernyshov E.G.** Doctor of Historical Sciences, Head of General History and international relations Department, Altai state university
- Yakimets N.Y.** Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher of Institute of Problems of Information transfer, Russian Academy of Sciences, Moscow

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции 7

ПАНДЕМИЯ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Тульчинский Г.Л. Публичный дискурс коронавирусной пандемии: запрос на ответственность 9

Сунгуров А.Ю. Новый мировой порядок после пандемии: возможно ли новое «новое политическое мышление»? 39

Носков М.Ю. Разбалансировка. Соотношение «свободы» и «справедливости» в ситуации пандемии (COVID-19) на примере Российской Федерации 60

Воробьева Е.Е. Влияние эпидемии COVID-19 на президентские выборы в США в 2020 году 81

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ

Попов Ю.А. Политические изменения в государственном развитии США: традиции и современность 90

*Балаян А.А.,
Томин Л.В.* Цифровая автократия. Институциональная специфика отношений государства и IT-компаний 101

Балобанов А.Е. К пониманию концепта «Публичная политика» 116

Томин Л.В. Политические сети в контексте неолиберальной правительности 128

Памяти Михаила Бениаминовича Горного 138

ОТ РЕДАКЦИИ

Представляемый читателям номер выходит в период, который еще долго будет ассоциироваться с пандемией COVID-19, массовыми локаутами как в России, так и в других странах мира. Новая коронавирусная реальность поставила перед нами множество проблем, от преодоления которых зависит очень многое. Вирус беспощадно вторгся в нашу действительность, изменив практически все сферы жизни современного человека. Живое общение, дальние путешествия, посещение массовых мероприятий и обучение в университете подверглись жестким ограничениям, привыкнуть к которым общество не может больше года. Современное академическое сообщество уже несколько месяцев пытается осмыслить социально-политическое, экономическое, социокультурное, философское и, конечно, биологическое значение глобальной эпидемии. Поэтому логично, что тема последствий этой пандемии была выбрана в качестве основной для данного выпуска журнала.

Открывает номер статья профессора Г. Тульчинского, в которой он рассматривает ситуацию пандемии (включающую реальную опасность смерти и самоотверженную борьбу за жизнь людей, которую ведут врачи и другие медицинские сотрудники) с несколько неожиданной позиции – как возможность выхода в публичной сфере за пределы ситуации постправды, где невозможно отличить правдивую информацию от фейка, на уровень ситуации *паррессии* – искренних публичных выступлений по каким-то проблемам, причем часто связанных с опасностью для жизни самого оратора. Иначе говоря, *паррессия* сопряжена с искренностью, критикой, опасностью и долгом. Тему *паррессии*, как известно, обсуждал Мишель Фуко в своих лекциях в Калифорнийском университете в Беркли в начале 1980-х гг.

Вторая статья номера принадлежит автору этих строк. Она родилась на основе тезисов выступления на онлайн-конференции в МГИМО в мае 2020 г. «Пандемия как двигатель трансформации» и представляет собой опыт пока краткого анализа тех идей и концепций, начиная с концепции ноосферы В.И. Вернадского, которые сегодня могут стать основой нового планетарного мышления, в рамках которого человечество могло бы справиться и с такими проблемами, как пандемия. В этой статье обобщен и опыт ее автора как биофизика и радиобиолога (первые 16 лет исследовательской работы) и как специалиста в области прикладных политических исследований и публичной политики.

Основную тему номера замыкают два небольших текста студентов из Санкт-Петербурга и Москвы, посвященных разбалансировке свободы и справедливости в ситуации пандемии (COVID-19) на примере Российской Федерации (текст М. Носкова, основой которого стало его сообщение на Молодежном

форуме октябрьских чтений 2020 г.) и влиянию эпидемии COVID-19 на президентские выборы в США в 2020 г. (текст Е. Воробьевой).

Как уже стало традицией в нашем журнале, содержание его номера не ограничивается основной темой каждого выпуска. Так, в нем представлены статьи аспиранта Забайкальского государственного университета Ю. Попова, посвященная политическим изменениям в государственном развитии США, и петербургских исследователей А. Балаяна и Л. Томина, фокусом внимания которых стала проблема цифровой автократии, особенно актуальная сегодня в связи с отключением от Twitter ведущих политических игроков некоторых стран.

Мне особенно приятно представить здесь также концептуальную статью «К пониманию концепта “Публичная политика”» заведующего кафедрой государственного управления и публичной политики РАНХиГС А. Балобанова, депутата Городского совета, председателя Комиссии по городскому развитию и самоуправлению г. Пущино в 1989–1991 гг., с которым у меня связана совместная деятельность в 1990–2000-е гг. по развитию конкретных практик публичной политики в различных российских городах.

Номер завершается текстом Л. Томина, где подробно анализируется динамика современных подходов к теории сетевой публичной политики в контексте трансформации новых концепций государственного управления.

Уже когда номер был готов к печати, пришла печальная весть о смерти М.Б. Горного – члена редколлегии и одного из основателей нашего журнала. Поэтому завершает номер некролог о нем.

А.Ю. Сунгуров, главный редактор

Тульчинский Григорий

Публичный дискурс коронавирусной пандемии: запрос на ответственность

Тульчинский Григорий Львович –

*доктор философских наук,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор департамента
государственного
администрирования СПб
филиала НИУ ВШЭ.*

*Для связи с автором:
gtul@mail.ru*

Для цитирования:

*Тульчинский Г.Л. Публичный
дискурс коронавирусной
пандемии: запрос
на ответственность // Публичная
политика. 2020. Т. 4. № 2.
[https://doi.org/10.31856/
jpp/2020.2.1](https://doi.org/10.31856/jpp/2020.2.1)*

Аннотация

Эпидемия коронавируса вызвала не только взрыв внимания в российской публичной коммуникации. Содержание публичного медиадискурса радикально трансформировалось за первые месяцы эпидемии 2020 г.: от недоверия и паники к ответственному сбалансированному контенту. Анализ этого феномена позволяет глубже понять характер эволюции ценностно-нормативных характеристик современного социума, транслируемых в медиа. Речь идет о тенденции перехода от непродуманной пропаганды прав к балансу прав и ответственности, о повышенном внимании в публичном дискурсе к свободному слову, переходу от доминирования постправды к проявлениям личностной свободы как ответственности. Динамика коронавирусного дискурса не только полностью вписывается в этот общий цивилизационный тренд, но она придала дополнительные импульсы его развитию. Такое смещение акцентов делает полезным обращение к концепту парресии – свободного и ответственного «взятия слова».

Ключевые слова: дискурс, коронавирус, медиа, ответственность, пандемия, парресия, социальные сети.

Tulchinskii Grigorii

Public Discourse in the Coronavirus Pandemia: Responsibility for Parrhesia

Tulchinsky Grigorii L. –

*Doctor of Philosophy, Professor,
Honoured Worker of Science
of Russian Federation, Professor,
Department of Public Administration,
Higher School of Economics National
Research University – St. Petersburg.*

*To contact the author:
gtul@mail.ru*

Abstract

The coronavirus epidemic caused not only an explosion of attention in Russian public communication. The media discourse content transformed radically during the first months of the 2020 epidemic: from distrust and panic to responsible balanced content. This phenomenon analysis allows a deeper understanding the evolution of the value-normative characteristics of modern society, broadcast in the media. This is about the trend of transition from ill-conceived propaganda of rights to a balance of rights and responsibilities, increased attention in public discourse to free speech, the transition from the dominance of post-truth to manifestations of personal freedom as responsibility. The coronavirus discourse dynamics not only fully fit into this general civilizational trend, but it gave additional impulses to its development. Such a shift in emphasis makes it useful to appeal to the concept of parrhesia – a free and responsible “word-taking”.

Keywords: coronavirus, discourse, media, pandemic, parrhesia, responsibility, social networks.

*Этот вирус в принципе не страшный,
но он смертельный...
В общем, всё ясно,
но ни фига не понятно.*

Коллективное творчество
в ЖЖ певицы Ольги Арефьевой

За базар ответишь!

Максима российской
криминальной культуры

Современное массовое информационное постиндустриальное общество подверглось в 2020 г. серьезнейшему испытанию в виде коронавирусной пандемии, фактически повергнувшей в шок глобализированную экономику, ставшей радикальным вызовом как национальным государствам, так и наднациональным политическим и общественным институтам. Остановка на карантин производств, сферы услуг, транспортного сообщения, перевод рабочих мест и образования в удаленный режим, самоизоляция и повсеместное дистанцирование глубоко трансформировали все сферы общественной жизни: политику, экономику, образование, досуг, личную жизнь. Столь масштабные изменения с неизбежностью сказались на способах реализации и, главное, содержании публичной коммуникации. В динамичной трансформации этого содержания ярко выразились и интенсифицировались давно зревшие главные тенденции эволюции публичного дискурса последних десятилетий.

Основная тема данной работы – ответственность публичного дискурса. Безответственные социальные коммуникации разрушают межличностное доверие, доверие к социальным институтам, которое необходимо для формирования и развития социума, для легитимности государственной власти, для бизнеса, гражданского общества, для личных отношений.

В качестве гипотетического допущения выступает утверждение, что в современном публичном дискурсе при общем тренде акцентуации позиционирования личностных эмоционально выраженных мнений и переживаний существует запрос на выражение ответственной публичной речи, который усиливается во время масштабных кризисных ситуаций.

В наши дни бурное развитие электронных технологий радикально изменило формат социальных коммуникаций. Конкуренция традиционных СМИ (пресса, радио, ТВ) и новых медиа (социальных сетей, блогосферы) довольно быстро сменилась созданием единого общего медиапространства на платформе интернета. Более того, новостные каналы в интернете, Facebook, Instagram, Twitter, «ВКонтакте», другие социальные сети, мобильная связь

с великим множеством приложений создали довольно неоднозначную ситуацию. Прежде всего речь идет о невиданной ранее возможности оперативной и достигающей глобальных масштабов презентации личного мнения, в том числе выраженного в яркой эмоционально-оценочной форме. В результате, если раньше СМИ транслировали институционально отобранную социально значимую (иногда – нормативную) информацию, то теперь медийное пространство полно личными мнениями экспертов и граждан, артистов и предпринимателей, спортсменов и писателей – вплоть до крупных политиков (аккаунты Д. Трампа, Б. Джонсона, Д. Медведева и пр.). При этом представители власти путаются и противоречат друг другу не меньше, чем блогеры. Отсюда и недоверие к власти, конспирологические интерпретации решений центральной и местной власти. И это еще один аргумент в копилку необходимости ответственного дискурса.

В результате, как отмечалось участниками круглого стола «Права человека и дисбаланс взаимной ответственности», проведенного Российской ассоциацией политической науки и Высшей школой экономики (Санкт-Петербург, 17–19.10.2019), в современном обществе четко диагностируется нарастающий диссонанс, если не противоречие, между правом личности на свободу слова (чреватым разрастанием фейковых новостей, постправды, практик травли и буллинга) и наносимым ущербом репутации, собственности, а то и жизни личности, контента [Кривенко 2019: 107–120], вынуждая органы власти и провайдеров вырабатывать и принимать меры (правовые и технические) ужесточения контроля за транслируемым контентом, его авторами и ретрансляторами. Не случайно еще до пандемии в публицистике, дискуссиях среди специалистов, законодателей на первый план вышла тема фейков, постправды, информационных войн и противодействия им. Коммуникации в ситуации коронавирусной пандемии резко проявили и обострили отмеченные выше процессы и их последствия [Agamben 2020; Общество 2020]. Концепция и практики обеспечения прав человека – великое достижение цивилизации. Более того, вопросы прав человека – неотъемлемая часть решения проблемы пандемии – от тайны личных данных до гарантий лечебной помощи и особой защиты социально и биологически уязвимых стариков и детей. В данной работе речь идет о дисбалансе между правом на свободу публичного мнения и правом на обеспечение безопасности, что ставит вопрос о соотношении свободы и ответственности – прежде всего применительно к публичной речи.

Как представляется, созревший запрос на ответственный публичный дискурс не может сводиться к ограничительным и запретительным мерам и нормативам. Важную роль играет самоорганизация сетевого сообщества и самоопределение авторов, «берущих слово» в медийном пространстве. В этой

связи, как представляется, может оказаться полезным вернуться к осмыслению античного концепта *парресии* – ответственной публичной речи (устной и письменной), начатому в свое время М. Фуко [Фуко 2020], который отказал парресии в существовании в условиях массовых коммуникаций, превращающих коммуникацию в безответственное говорение «обо всем», обилие сознательных и бессознательных фейков, фактически – безответственное публичное словоговорение. Хочется надеяться, что содержание данной работы позволит скорректировать эти выводы М. Фуко.

Таким образом, цель работы – обосновать наличие в современной социальной коммуникации тренда к ответственному публичному дискурсу и проследить этот тренд на примере медиакоммуникаций в России в период начала и пика коронавирусной эпидемии. Для достижения этой цели ставится ряд задач, предполагающих для их решения использование соответствующих концепций.

Во-первых, необходимо обосновать механизм доминирования эмоционально-оценочных мнений в современной публичной коммуникации, порождающий обилие фейковой информации. Для решения этой задачи привлекается круг идей социальной семиотики [Лотман 1967; Halliday 1978; Hodge, Kress 1988; Leeuwen 2005; Randviir 2004] и ее расширение в концепте «глубокой семиотики» (*deep semiotics*).

Во-вторых, надо проследить динамику содержания публичного дискурса в российских медиа в ходе коронавирусной эпидемии 2020 г. Для этого используется анализ популярных медиаресурсов. При этом можно было бы развести эти ресурсы по основанию политической (официальной) и общественной коммуникации и сопоставить правительственный дискурс в СМИ с общественным резонансом на них. Однако в случае данной статьи подобная раздельная аналитика традиционных медиа (как пример трансляции официальной точки зрения) и социальных сетей (как трансляции альтернативных позиций) представляется не столь существенной и уводящей рассмотрение в несколько иную плоскость. Как уже отмечалось выше, на платформе интернета фактически сложилось единое медийное пространство, интегрирующее традиционные СМИ и новые медиа. И в этом пространстве (не только в России) органы власти и их представители путаются и противоречат друг другу не меньше, чем пользователи сетей, журналисты и различные эксперты. Развитие событий в связи с пандемией проявило это с особой наглядностью. Поэтому такая «сверхинтеграция СМИ и соцсетей» в плане их общей невысокой ответственности, усиливающей социальный стресс, вполне соответствует главной теме исследования – выявления общего запроса на ответственный публичный дискурс от всех акторов публичного коммуникативного процесса. Раздельная аналитика (интересная сама по себе) увела бы в дивергенцию

рассмотрения частных позиций и снизила бы доказательный потенциал рассмотрения общей тенденции.

В-третьих, возникла задача интерпретации результатов проведенного рассмотрения динамики содержания COVID-дискурса в общем социально-культурном и социально-политическом контексте публичной социальной коммуникации. Для объяснения этой динамики использовалась ценностно-нормативная модель социогенеза и развития современного общества, включая российское [Inglehart, Welzel 2005; Welzel 2013; Политическая культура 2015], показывающая зависимость ценностно-нормативных установок от нормального или критического состояния социума. Осмысление также опиралось на модель общей эволюции (стадий) принятия неизбежного от повышенной (преимущественно негативной) эмоциональной оценочности к конструктивному позитивному принятию реальности критической ситуации [Kübler-Ross 2014]. Все эти стадии пронизывает запрос на ответственную информацию о необходимых действиях.

Тем самым, в-четвертых, возникает задача поиска баланса в публичной коммуникации между свободой и ответственностью, соотношения этих концептов. Для решения такой задачи привлекается методологически важная в данном контексте философия поступка как вменяемого (рационального и ответственного) действия, включая публичную речь, предложенная М. М. Бахтиным. Такое рассмотрение непосредственно выводит к идее парресии и возможности ее реализации в современной массовой коммуникации.

Фейки как результат позиционирования самости

Тема постправды, индустриального производства фейковой информации, возможности противостоять ей – тема сверхактуальная. Ей посвящаются конференции, круглые столы, масштабные аналитики. Между тем, как представляется, речь идет о глубокой изначальной особенности коммуникации, которая благодаря современным технологиям (в первую очередь интернету и социальным сетям) вышла на первый план, что позволяет не только по-новому, но и глубже понять природу коммуникативных процессов, транслируемого в них контента, реакций на него.

В терминах социальной семиотики и ее расширения в плане «глубокой семиотики» (*deep semiotics*), дополняющей традиционные векторы анализа знаковых систем (синтаксис, семантика и прагматика) личностным измерением [Тульчинский 2019], речь идет о переносе акцента с социальных значений (предметных и ценностно-нормативных) на личностные смыслы, то есть оценочно-эмоциональные компоненты представляемого и транслируемого смыслового содержания опыта. Если ранее социальная коммуникация преимущественно была связана с выделением и трансляцией социальных

значений – относительно устойчивых образцов, стилей, транслирующих ценностную культуральную нормативность, то в нынешней ситуации речь идет все больше о презентации и трансляции непосредственно самих уникальных личностных переживаний, иногда даже персонально не агрегируемых. Instagram, отчасти Facebook и YouTube являют поток репрезентаций личностных смыслов «от первого лица». Они направлены не столько на порождение некоего опыта сопереживания, сколько на презентацию самих переживаний и их распознавание.

По содержанию такой опыт представляет собой нарративную дискурсивную практику, которая является основой формирования и презентации самосознания – выстраивания наррации «от первого лица», в которой личность предстает актором своей биографии (*autobiographically myself*), а связность такой наррации представляет память [Damasio 2010; Dennett 2003]. Реализоваться такая наррация может только в коммуникативных практиках публичной и внутренней речи, описывающей социальный опыт и отношение к нему в процессе социализации и индивидуализации.

При этом важно отдавать отчет, что осмысленная информация, как контент социальной коммуникации, есть изначально именно порождение наррации «от первого лица». Любой конечной системе (а таковой является и человеческая личность) недоступно бесконечное разнообразие мира. Поэтому она вынуждена постигать это разнообразие всегда с какой-то позиции, в каком-то ракурсе, в каком-то отношении – в каком-то смысле. Осмысленная информация – принципиально есть порождение конечной системы, и в каком-то смысле она неизбежно «фейковая», если не изначально, то с возможной позиции оценивания кем-то.

В современной ситуации фактически речь идет о широчайших возможностях позиционирования самосознания (идентичности) «от первого лица», погружения его в контекст публичной социальной коммуникации, где оно предстает уже в формате «от третьего лица» (как идентификация), получая обратную связь в виде позитивных и негативных оценок – вплоть до институционального социального контроля [Тульчинский 2020]. Кроме того, возникает вопрос о спецификации роли социального статуса «взятого слова» на особенностях и масштаб формирования смысловой картины мира [Гройс 2016].

Не случайно современные дискуссии выявляют главный этико-правовой, если не антропологический, парадокс цивилизационных условий современной социальной жизни. Возможности и право личности на самовыражение своего мнения, своей позиции, порождают обилие информации спорной, неоднозначной, вызывающей сомнение в ее добросовестности. Такая ситуация стимулирует индивидуальные и институциональные способы фильтрации такой информации, все более жесткий контроль за сетевым контентом.

Поэтому все более пристального специального внимания заслуживает тема баланса прав и ответственности (моральной и правовой) в практике как пропаганды прав человека, так и организации сетевой коммуникации. Показательный материал для такого осмысления дает трансформация развернувшегося в 2020 г. дискурса коронавирусной пандемии.

Тренд коронавирусного дискурса к социальной ответственности

Материалом для осмысления такой трансформации публичного дискурса в русскоязычном секторе интернета может служить период с января по май 2020 г., когда в России пандемия COVID-19 постепенно, но все более очевидно подходила к пику.

Хронология событий этого периода всем памятна. Поэтому можно только вкратце напомнить последовательность событий, становившихся предметом публичного обсуждения. До января 2020 г. сообщения об обнаружении в конце декабря в столице китайской провинции Хубэй случаев заболевания пневмонией неизвестного происхождения в публичном информационном пространстве особого внимания не вызывали, так как воспринимались как уже ставшие привычными сезонные обострения респираторных инфекций, очагом которых выступают страны Юго-Восточной Азии. 22 января эпицентр инфекции город Ухань был закрыт на карантин, а 30 января Всемирная организация здравоохранения признала за этой инфекцией опасность международного масштаба. 11 февраля 2020 г., в связи с идентификацией возбудителя (коронавирус SARS-CoV-2), болезнь получила название COVID-2019. Поскольку инфицирование и часто тяжелое, иногда летальное течение болезни быстро распространялось практически на все континенты, чему способствовало интенсивное авиасообщение, 11 марта ВОЗ признала за этой вспышкой статус пандемии. С 13 марта ее центр переместился в Европу.

В России 31 января была закрыта граница с КНР. С 11 марта началось ограничение международного авиасообщения, вплоть до его полного прекращения по ряду направлений. Президентом РФ с 30 марта по 3 апреля была объявлена нерабочая неделя, а затем режим нерабочих дней был продлен включительно до 30 апреля с возможностью продления или сокращения этого режима в зависимости от ситуации. При этом субъектам федерации и органам власти на местах было предоставлено право принимать ограничительные решения и их отмену в зависимости от динамики выявления инфекции и ее последствий.

Объективная картина складывалась неоднозначная: подавляющее число выявленных инфицированных, заболевших, как выздоровевших, так и умерших, приходилось на Москву и Московскую область. И именно в Москве достаточно оперативно были введены карантинные меры, требования

к самоизоляции, жесткий контроль с применением сил полиции и Росгвардии для выявления нарушителей и введения санкций по отношению к ним. В других регионах тестирование стало проводиться существенно позже. Некоторый рост заболеваний пневмонией по сравнению с прошлым годом отмечался почти везде, но меры принимались в разной степени более мягкие.

Неоднозначная и неопределенная ситуация с неизбежностью вызвала мощный взрыв контента, посвященного пандемии, в публичной коммуникации. Этот контент в считанные дни вытеснил на задний план до этого остро обсуждавшиеся темы падения цен на нефть и курса рубля, а также инициирования Президентом РФ поправок к Конституции, их содержания и процедур принятия. К концу января коронавирус вышел на первый план и уверенно стал главной темой российского медиапространства. Если на 15 января было зафиксировано 1,2 тыс. сообщений об этом заболевании, то 11 марта их было уже 733,2 тыс. А количество публикаций о нем за этот период выросло с 263 до 35,2 тыс. Всего в российских соцсетях с 15 января по 11 марта коронавирус упоминался 13,3 млн раз [Коронавирус 2020].

По данным «Медиалогии», чаще коронавирус обсуждался в Facebook (38,9 %) и «ВКонтакте» (20,1 %). Далее следуют Twitter (16,9 %), Telegram (4,0 %), Instagram (3,5 %), YouTube (2,2 %).

Самыми упоминаемыми в соцсетях в период с 30 марта по 5 апреля 2020 г. были слова «коронавирус» (11,5 млн сообщений) и «карантин» (10,3 млн). С существенным отрывом за ними следовали другие (но на ту же тематику) слова «пандемия / эпидемия» 3,9 млн), «самоизоляция / оставайся дома» (9,4 млн) [Слова 2020].

Однако самое интересное – как менялась эмоциональная окраска наиболее популярных постов. Несмотря на то что Роспотребнадзор создал общедоступный ресурс, на котором регулярно отражалась динамика развития пандемии в мире и в России [Информационный 2020], оценки происходящего были радикально эмоциональны в широком спектре эмоций. Медиа, включая ленту Facebook, телеграм-каналы, оказались с избытком переполненными мнениями самозванных экспертов. Их нарративы, большей частью от первого лица, были оценочно-эмоционально нагружены, что неизбежно создает питательную среду для фейковой информации. Разобраться в этой какофонии без хорошей навигации может далеко не каждый, и социальные сети давали возможности делиться этой растерянностью, наращивая ею «снежный ком» социального стресса.

Так, наибольшую вовлеченность (то есть суммарное количество лайков, комментариев и репостов) вызывали тексты и видео, в которых известные люди делились сведениями, собственными переживаниями. Так, в наиболее популярном сюжете Елена Сажина (565,5 тыс.) рассказывает о том,

что от других болезней гибнет больше людей, чем от коронавируса. Медийная персона Ольга Бузова (467,1 тыс.) печалилась о том, что из-за коронавируса ей пришлось отменить поездку с возлюбленным в Париж. В «ВКонтакте» наибольший интерес (18,8 тыс. пользователей) вызвал пост о заражении коронавирусом Тома Хэнкса с супругой.

Повышенное внимание вызывали посты с мемами, видео, в которых высмеивались паника, ажиотажные закупки. Так, одно только юмористическое видео Андрея Борисова привлекло внимание 479,4 тыс. просмотров [Коронавирус 2020]. Для сравнения: пост Оперативного штаба Москвы по ситуации с коронавирусом дал 317,8 тыс. просмотров.

Проявился и типичный для кризисных ситуаций, порождающих неопределенность, всплеск эзотерики [Шишков 2020], поиск объяснений в некоем всемирном заговоре, тотальной манипуляции, вмешательстве Божественной Воли, а то и инопланетного разума. В YouTube одним из самых популярных видео о коронавирусе (170,8 тыс.) был рассказ Алексея Навального о том, кто зарабатывает на эпидемии и карантине.

На первый взгляд, вспышка публичной коронавирус-дискурсии подтверждает отмеченную выше тенденцию в условиях персонификации публичной коммуникации трансформации права личности на свободу слова в разрастание фейковых новостей, постправды, практик травли и буллинга, угрозу репутации, тайне личной жизни. Некоторые специалисты даже признают беззащитность информационного общества перед подобной «инфедемией» [Кирия 2020].

Однако обращение к динамике контента этого всплеска публичной дискурсии показывает определенную структуру этой динамики. Отмеченная трансформация «коронавирусного контента», представленного в медиа, в принципе, совпадает с известными пятью стадиями принятия неизбежного, сформулированными Э. Кюблер-Росс в конце 1960-х гг. [Kübler-Ross 2014]. При столкновении с серьезным неожиданным стрессом первой реакцией является отрицание, включая иногда и очевидные факты. Причем это отрицание выражается в различной степени – от отрицания самого существования вируса до принижения значимости инфекции и высмеивания принимающих информацию о ней всерьез. Перед напором фактов отрицание сменяется поиском виноватых, носителей скрытой злой воли, гневных обвинений в их адрес – от внешних врагов (это китайская провокация в борьбе за мировое господство, этот вирус – разработанное США биологическое оружие) до обвинений российской власти в развале здравоохранения и стремлении воспользоваться эпидемией для ужесточения режима.

На смену гневным обвинениям приходит «торг» (это не так страшно, заражения надо бояться только пожилым людям), сменяемый депрессией

(надо запастись продуктами, раздобыть надежные маски, перчатки, подумать об отъезде в деревню и т. п.). Характерно, что специалистами отмечалась повышенная депрессивность молодых людей, полагавших первоначально, что они вне группы риска [Эксперт 2020]. Именно с этими этапами связан резкий кратковременный публичный конфликт иерархов РПЦ с федеральными и местными властями вокруг доступа в храмы и проведения массовых акций с прихожанами, завершившийся демонстративно публичными действиями иерархов (облет Варсонофием Санкт-Петербурга на вертолете с иконой и объезд Кириллом Москвы в бронированном автомобиле с иконой) и обращением Кирилла с призывом соблюдать требования карантина.

Завершает этот цикл «принятие»: обсуждение обустройства рабочего места «на удаленке», призывы к следованию рекомендаций специалистов и местных властей, возмущение поведением нарушителей карантина. Повышенный интерес вызвала систематически обновляемая подборка ресурса РБК с информацией о том, что происходит в мире вокруг пандемии, конкретными советами по изменению образа жизни, ведению бизнеса [Тренды 2020]. В споре оказались материалы опроса экспертов о ситуации с господдержкой бизнеса за рубежом на ресурсе Executive.ru [Как помогают 2020]. Медийное пространство все больше наполняется материалами «творческой жизни на карантине» [РБК 2020; Russia's 2020] Это не доступ к фондам, не просто самопрезентации в Instagram и пикировки в Facebook и Twitter, на постах блогеров. Это уже нечто принципиально новое – живое общение и творчество.

В заключительной фазе возникает запрос на ответственное слово. Не только и не столько подконтрольное, сколько ответственное от того же «первого лица». Действительно, с введением длительного карантина, произошедшим в апреле, появились взвешенные оценки принятых решений как не только антикризисных, но и начала формирования институтов ближайшего будущего. Примерами могут служить публикации оценок событий В. Кузьминовым, В. Мау – ректорами ведущих российских университетов [Мау спрогнозировал 2020]. Заслуживает внимание опыт Стратегического аналитического центра «Платформа» по реализации бесплатной общедоступности не только к данным регулярного мониторинга общественного мнения (с замерами 1–2 раза в неделю), но и к интерпретации полученных данных с точки зрения потерь и приобретений в кризис, запроса общества на новую социальную среду – как специалистами центра, так и с позиции квалифицированных экспертов из других общественных областей [Общество 2020].

На фоне нарастающего запроса на ответственную информацию, примеров его реализации, безответственные, непродуманные решения некоторых инстанций, конкретных чиновников способны активизировать гражданскую требовательность, критику, политическое отторжение.

Отмеченные этапы в большей степени характеризуют публичный коронавирус-дискурс о ситуации в стране и Москве в общероссийских медиа. В региональных медиа все те же этапы проходили в регионах с неким временным лагом, зависящим от развития ситуации в регионах. Характерно, что на стадии гнева обвинения адресовались Москве и москвичам (коронавирус как «московская зараза») [Московская 2020], сельским жителям – «понаехавшим горожанам». Однако прослеживание этой «фрактальности» предполагает специальное исследование.

Показательны результаты аналитики САЦ «Платформа», посвященной общественным реакциям на ситуацию, вызванную пандемией COVID-19, эмоциональному состоянию общества, ожиданиям, оценке эффективности предпринимаемых мер, а также прогнозированию развития событий. В ходе исследования аналитиков интересовали прежде всего оценка главных «спикеров кризиса», а также источники недоверия и доверия к транслируемой информации. Анализ показал, что за время пандемии ясно проявился новый формат функционирования медиа, в котором сетевые коммуникации дополняют, развивают, иногда оспаривают информацию официальных источников. В качестве главного источника информации 43 % опрошенных назвали федеральные телеканалы, а 57 % – социальные сети, причем 50 % опрошенных за период пандемии стали чаще читать новости в социальных сетях. При этом официальные источники в СМИ для большинства опрошенных служат информационным поводом, нуждающимся в перепроверке, интерпретации, обсуждении, для чего используются сетевые площадки.

По данным на 6 июня 2020 г., 56 % опрошенных не доверяет официальной статистике о распространении коронавируса, а 68 % из них считают, что информация искажается намеренно. Согласно данным исследования, люди доверяют преимущественно не каналу, а конкретному источнику, личности и ее опыту, близкому и понятному аудитории – в отличие от дистантной позиции СМИ. Наибольший интерес и доверие (6,6–6,8 баллов из 10) в ситуации пандемии вызывал опыт очевидцев и врачей, непосредственно работающих с больными COVID-19, информация известных специалистов оценена в 6,4 балла, Президента – в 5,5, чиновников различного уровня – от 4,9 до 5,1. Поэтому свидетельство очевидца, комментарий блогера может быть более убедительным. При этом игнорирование в СМИ частных кейсов создает впечатление намеренного замалчивания, что ведет к росту недоверия, алармизма.

Ситуацию усиливало накопление информации о противоречивой статистике, колебаниях и ошибочных решениях властных инстанций. За разъяснениями официальных лиц о неэффективности масок на здоровых людях следовало введение масочного режима с угрозами санкций за его нарушение.

Но таких санкций не последовало, а высшие чиновники и другие ньюсмейкеры публично представляли на экранах без масок и с нарушением социальной дистанции. Для данного периода были характерны: объявление о нерабочих неделях («каникулах») в начале эпидемии и снятие ограничений на ее пике, самоизоляция, удаленный режим работы, закрытие кафе, парикмахерских, ремонтных сервисов, но безостановочная работа крупных предприятий, массовый пассажиропоток к ним в переполненном общественном транспорте. К этому можно добавить стиль выступлений официальных спикеров, не способствующий эмпатии, которая столь важна в критической ситуации.

36 % опрошенных за период кризиса слышали больше критики власти за принимаемые решения, чем одобрения, и только 15 % – больше одобрения. И что особенно важно в контексте нашего рассмотрения – за время кризиса 27 % перестали доверять официальной информации в силу двух причин: противоречий в информационном поле и обиды на несправедливость принимаемых решений [Пазл доверия 2020: 8]. Но не менее дискомфортна и даже опасна трансляция сетевыми спикерами безответственной информации конспирологического типа о происхождении коронавируса, его опасности, способах лечения [Леонтьев 2020; Семенец 2020]. И все это на фоне того, что по мере развития событий фокус внимания и запрос на информацию смещался с самой болезни на общее понимание происходящего, на предстоящий период восстановления: люди хотят видеть и понимать перспективы (работы, учебы, досуга, возможности поездок), планировать жизнь свою и своих детей. И отсутствие внятных ответов – один из итогов обсуждения развития ситуации на июнь 2020 г. [Пазл доверия 2020: 12–13].

Другими словами, именно безответственность транслируемой информации разрушала социальное доверие. Таким образом, результаты аналитики САЦ «Платформа», полученные ближе к спаду пандемии, в целом подтверждают наши выводы, сделанные на ее пике.

Все вышесказанное относится к симптоматике цикла (еще не завершено на всех уровнях) переживания обществом глубокого стресса. Но в этом цикле выражается и более масштабный переход. Чрезвычайно показательна оценка ситуации, когда компетентные мнения уравниваются с мнениями инфлюенсеров, случайных людей и (псевдо)интеллектуалов, выраженная 24-летним журналистом Кириллом Фокиным. «Есть ощущение, – пишет он, – что мы (в особенности молодые люди, мои ровесники и вокруг нас) прошли важный этап эмансипации интернетом и свободой слова: и теперь на смену необходимости “обрести голос” и высказать “мнение” должны прийти добродетели новые: умеренность в оценках и адекватность в суждениях. “Говорить” необходимо – особенно в условиях такой страны, как Россия-2020,

но именно в ситуациях, близких к кризисным, познается ценность добровольного молчания. Сказать-то всегда есть что – вопрос в том, какой в высказывании смысл и кому оно сможет (если сможет) помочь» [Фокин 2020].

Чтобы разглядеть за этой симптоматикой общий «диагноз», чтобы понять – какие процессы трансформации смысловой картины мира усиливает публичный дискурс в столь критической ситуации, как пандемия COVID-19, важен переход в более широкий контекст публичной коммуникации.

От безопасности к свободе и обратно

Коммуникация обеспечивает формирование общества и социализацию личности. И многое зависит от ситуации, в которой социум находится, – это определяет ценностно-нормативный контекст, а значит, и интенциональность (модальность) коммуникации.

Базовой, первичной ценностью социогенеза является безопасность (жизнеобеспечение, выживание). Вместе легче противостоять неопределенности, опасностям, вызовам, угрозам. Вместе легче выжить, прокормиться, вырастить потомство. Эта интенция заложена на генетическом уровне, лежит в основе образования сообществ живых организмов, стай, человеческих сообществ.

Как только образуется некое сообщество, в нем возникают неравенства (возрастные, гендерные, имущественные, по привлекательности, по силе и т. п.), что порождает зависть, ресентимент, конфликты. Это порождает вторую базовую ценность социогенеза – справедливость, стремление жить честно, по правилам. Реализация этой ценности создает нормы (писанные и выраженные в привычках, традициях), системы морали и права, институциональную среду в целом.

Нормативная регуляция имеет два вектора. С одной стороны, это социальный контроль, борьба с девиациями. С другой стороны, это степень допущения индивидуального саморазвития, иногда предполагающего творчество, которое связано с запросом на уточнение и пересмотр сложившихся представлений и правил (в науке, искусстве, производственной практике, политике, религии, обыденной жизни). Этот второй вектор задает еще одну ценность социогенеза – свободы и прав индивидуальной самореализации.

Большую часть истории человечество обходилось в основном пространством реализации ценностей безопасности и справедливости. Действительно, для поддержки существования и воспроизводства социума этой ценностно-нормативной среды вполне достаточно. Однако в европейской цивилизации, начиная с Возрождения и далее – в Новое и Новейшее время (модерна и постмодерна) была сделана акцентированная ставка на ценность свободы как гарантии свободной самореализации личности – главного мотора

экономического развития, а также развития науки, искусства, других сфер общественной жизни. Именно свобода и творчество обеспечивают не только адаптацию социальной системы к изменяющимся условиям, но и позволяют менять сами эти условия (рис. 1).

Этот комплекс идей положен в основу концепции человеческого развития – как перехода от материальных ценностей выживания к «нематериалистическим» ценностям свободной самореализации [Inglehart, Welzel 2005], – лежащей в основе многолетнего международного исследования World Value Survey [WVS. Database], подтверждавшего идею общего движения по этой ценностной оси.

Если дополнить ценностную ось нормативной, связанной с конкретизацией ценности справедливости, то возникает система координат, открывающая более полные возможности анализа.

Рис. 1. Основные ценности социогенеза

В этой ценностно-нормативной системе координат между безопасностью и свободой, задаваемой реализующими их нормами справедливости, была предложена ценностно-нормативная модель политической культуры, позволившая определять в этом пространстве соотношение основных политических идеологий (рис. 2), строить профили политических культур (рис. 3), проследить их динамику (рис. 4) – как это было реализовано в серии исследований [Тульчинский 2013]. Так, на рис. 3 представлено сравнение профилей политических культур России (штриховая линия) и США (пунктирная линия) по агрегированным данным World Value Survey на 2013 г. На рис. 4 представлена динамика профиля политической культуры России 2008 и 2019 гг. с использованием данных G. Hofstede по сравнению деловых культур разных стран [Hofstede Insights 2019].

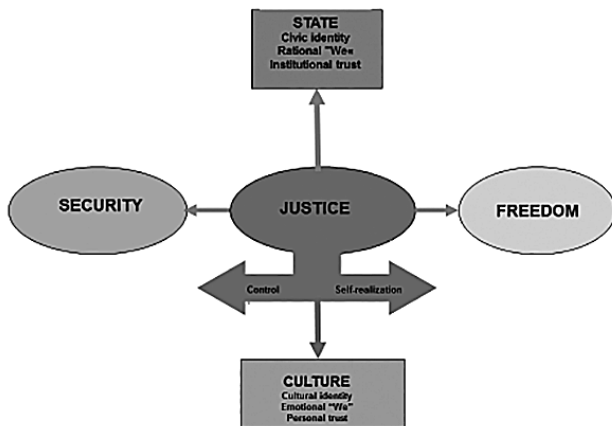

Рис. 2. Ценностно-нормативная модель общества

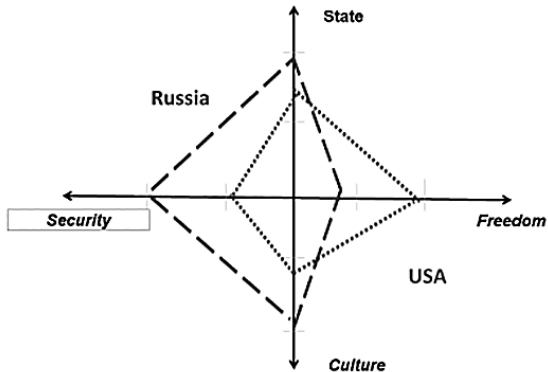

Рис. 3. Сравнение политической культуры России и США

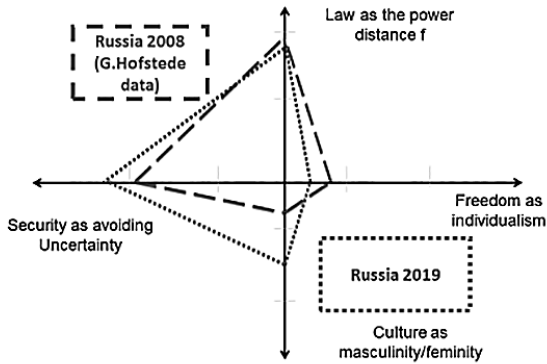

Рис. 4. Динамика российской политической культуры в 2008–2009 гг.

Данная модель дает наглядное представление о роли справедливости как переменной на ценностной оси. В спокойной стабильной ситуации она сдвигается в стороны свободной самореализации членов общества. В кризисной, опасной ситуации (катастрофа, война, чрезвычайная ситуация) нормативные представления смещаются в стороны безопасности зачастую в ущерб гарантиям свободы и прав индивидов. Данное замечание важно для понимания дальнейшего анализа как истории с коронавирусом, так и ее цивилизационно-политического контекста.

Вирусная пандемия, карантинные меры, полицейские санкции по отношению к нарушителям режима самоизоляции хорошо объясняются в ценностно-нормативной модели. Так же как и возмущение правозащитников в России и во всем мире принимаемыми властями решениями, внеконституционными действиями, нарушающими права человека. Каждое государство было вынуждено по-своему решать дилемму соблюдения права человека (включая свободу передвижения, ведения бизнеса) и сохранения человеческих жизней. Ситуация лишней раз подтвердила относительность институциональной среды – как от сложившихся ценностно-нормативных стереотипов, так и от опасности вызовов, возникающих перед социумом. В ситуации массовой экзистенциальной угрозы рациональный выбор финансово-экономической маржи отходит на второй план.

Однако сами масштаб и степень радикальности ценностно-нормативного сдвига в случае с пандемией COVID-19 будут непонятны и даже шокирующими, если не учитывать цивилизационный фон и контекст, в котором они

реализовались, вступая с ними в положительную обратную связь взаимного усиления и стимулирования.

С начала 2000-х гг., по данным World Value Survey, наметилась нарастающая динамика ценностей, встречаемая по отношению к тренду, доминировавшему во вторую половину XX столетия [Welzel 2013]. В политической жизни это выражалось в «правом повороте» электорального поведения в Европе и США, кризисных явлениях в Европейском союзе (брекзит Соединенного Королевства, проблемы беженцев, этнические конфликты, проблемы кредитования греческой экономики и т. д.), кризисе упрощенно понятых программ мультикультурализма и толерантности.

Наметилось повышение роли национальных государств, дополняемое ростом этнонациональной активности, доходящей до сепаратистских требований в странах с выглядевшими до этого стабильными политическими режимами (Бельгия, Испания, Италия, Соединенное Королевство). Этот тренд улавливается в современной художественной культуре – прежде всего в кино, литературе. Улавливается он и рядом чутких аналитиков [Столяров 2019].

Объяснение этого процесса заговором «мирового правительства», конечно, может снять вопросы все и сразу – не даром это объяснение широко всплывало и на «стадии гнева» коронавирус-дискурса. И политика дает основания для такого искушения. Базовой ценностью безопасности нередко пользуются политики, призывая «сплотиться вокруг мудрого руководства», «не менять лошадей на переправе». Действительно, консолидировать общество перед лицом реальной опасности, реального (или выдуманного) врага намного легче, чем на конструктивной позитивной основе.

Однако ситуация видится глубже, шире и объективней. Современный социум и его образ жизни являются буквальной реализацией великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами: «Человек есть мера всех вещей», «Все на благо человека, все во имя человека!». Перефразируя известный советский анекдот, можно сказать: и мы знаем этого человека. Это каждый из нас. Кластеризация рынков достигла индивида: машину тюнингуют под тебя, архитектура компьютера, fashion формируются под индивидуальные потребности. Современный маркетинг позволяет не только реализовать, но и стимулировать любые потребности. Из этого следует несколько важных обстоятельств.

Во-первых, этому обществу и каждому его члену есть что терять.

Во-вторых, любые достижения современной цивилизации: почта, медицина, компьютеры, авиация, высотные здания, водохранилища, все средства транспорта и коммуникации – могут быть использованы для ее же разрушения. Это наглядно всему миру продемонстрировала страшная трагедия 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, когда сами достижения цивилизации

(самолеты, небоскребы) стали средствами наиболее масштабного в истории террористического акта. Даже просто отключение электричества способно перегрузить современный социум на уровнях домашнего хозяйства, города, страны в глубокий стресс, обернуться катастрофой.

В-третьих, в отличие от традиционного общества, где ценности выстроены иерархически – от простейших физиологических до ценностей трансцендентных, в этом социуме все ценности (включая трансцендентные) приведены к общему знаменателю маркетизации, фактически становясь рубриками рынка массового потребления. Эта культура имманентна и самодостаточна.

Вследствие самодостаточности, в-четвертых, эта культура не нуждается в образе будущего: сплошные сиквелы, приквелы, пародии, перепевы, а место научной фантастики заняло фэнтези с его средневековой стилистикой. Расширение смыслов подменяется накоплением разнообразия, фрактализацией настоящего и прошлого. Более того, это общество боится будущего.

В этой связи, в-пятых, современное общество – как общество воплощенной программы секуляризма – вступило в постсекулярную стадию, когда имманентность, отсутствие образа будущего порождают боязнь потерять настоящее. Этому обществу есть что терять.

Поэтому аларм и хоррор – это состояние современной цивилизации, которая боится сама себя, своего будущего. И это хорошо известно из истории: чем более развита цивилизация, чем выше качество жизни, тем более общество уязвимо, тем больше в нем накапливается страхов, фобий, которые становятся не только предметом психиатрии, эстетического осмысления, духовных поисков... Эта тенденция ясно и ярко представлена в современных культурных индустриях, где сложились жанры и соответствующие рынки хоррора в массовой литературе, экранной культуре, развлечениях.

Хорроризация используется и даже усиливается в современных политических практиках. Среди политологов и политиков почти аксиоматически принимается концепция К. Шмитта, согласно которой сам феномен политического связан с противостоянием врагу. Поэтому хоррор как сознательное и бессознательное стремление к безопасности нередко формируется в политических целях, и не только террористами: нагнетание тревог, алармизма, формирование образа коварных «врагов» дают колоссальный потенциал манипулирования общественным сознанием и поведением, в том числе с использованием возможностей современных информационных технологий, включая старые и новые медиа [Орьева 2016: 74–80].

Политический класс, пришедший к власти на хорроре, в дальнейшем вынужден позиционировать себя в целях легитимности исключительно в контексте «борьбы с врагом» – внешним и внутренним, конкретизируя

символическую политику в соответствующем идеологическом контенте. Толпы охранников, в том числе в офисах, общественном транспорте, постоянные призывы быть бдительными к «подозрительным предметам», странному поведению пассажиров и прохожих только завершают картину аларма и хорроризации современной социальной жизни.

Можно сказать, что если на первых стадиях социогенеза хоррор носит (условно говоря) «естественный» характер страха перед неопределенностью и стихиями естественной, природной среды, то на стадии постиндустриального общества массового потребления возникает хоррор «второго порядка». Речь идет о страхе утраты благополучного настоящего, рационально созданной искусственной среды, с одной стороны, а с другой – об искусственно создаваемом и культивируемом хорроре – в конечном счете политической хорроризации.

В этом плане коронавирусная пандемия полностью вписывается в этот общий глобальный цивилизационный тренд апокалиптических нарративов, которые подготовили катастрофическое восприятие пандемии [Axt, Landau, Kay 2020; El Maarouf M., Belghazi, El Maarouf F. 2020; Rasskazova, Leontiev, Lebedeva 2020]. Получилось, что, во-первых, ничто не ново, мы всё уже сами себе рассказали, а во-вторых, тем самым подготовили себя к новому формату бытия. Подготовили настолько алармистски, что некоторые авторитетные законодатели интеллектуальной моды обнаружили в пандемии и реакции на нее то ли конец либеральной демократии и угрозу возрождения коммунистических идеалов общественного устройства [Zizek 2020], то ли как минимум возможность увидеть контуры будущего, разрушительные для нынешней устоявшейся реальности [Agamben 2020].

Ответственность как основа безопасности и свободы

Профилактика и преодоление последствий хорроризации могут быть связаны с формированием не только «сплывающего» доверия к «нашим», но и доверия, «наводящего мосты» между представителями разных групп населения. Однако опыт (не только российский) показывает, что решение таких задач не является главной политической целью политических элит и политического класса в целом.

Однако параллельно с масштабной хорроризацией прорастает ее ценностная альтернатива, ясно выраженная в обозначенной тенденции публичного коронавирусного дискурса: запрос на взвешенное ответственное слово или даже молчание. Речь идет об ответственном свободном личностном самоопределении и самореализации.

Это ставит задачу не только осмысления происходящего, но также более глубокой проработки концептуального аппарата такого осмысления.

Прежде всего речь идет о природе и содержании идеи свободы. Будучи связанной с феноменом самосознания и сугубо человеческого измерения бытия (вне человека, наделенного самосознанием, в мире существуют только причинно-следственные связи), свобода обладает «богоподобным» качеством внебытийного и добытийного начала бытия (Н. А. Бердяев), «дыры в бытии» (Ж.-П. Сартр). И хотя давно прослеживалась связь между свободой и ответственностью и даже фундаментальной роли последней (М. М. Бахтин), это трактовалось как теологическая по корням метафизика нравственности.

Нейрофизиологические исследования мозга, когнитивных процессов в нейронных сетях убедительно подтвердили хорошо известное из воспитательной и образовательной практики обстоятельство: самосознание формируется только в результате коммуникативного взаимодействия личности с окружающими, когда человека вырывают из причинно-следственных связей, замыкая их на него самого, делая его *causa sui* активным и вменяемым актором [Kane 2005; Тульчинский 2020]. «Это не чашка упала, а ты ее уронил. Мог уронить, мог не уронить – уронил». «Другие» (родители, близкие, друзья, учителя, коллеги, просто окружающие) в процессе коммуникации постоянно «грузят» нас ответственностью. Именно в формировании горизонтов и уровней ответственности заключается суть семейного воспитания, образования, профессионального обучения и подготовки. Следствием этого является формирование и закрепление в нейронных сетях памяти одновременно с освоением членораздельной речи – как нарративов опыта «от первого лица». Способность воспроизводить такие нарративы формируется к третьему году жизни. Это и есть самосознание как способность к рефлексии [Damasio 2010; Dennett 2003]. В этом плане принципиально правы М. М. Бахтин, а в наши дни Р. Кейн, утверждающие фундаментальную первичность ответственности, вторичность, производность свободы от ответственности, что разум суть выражение меры и глубины ответственности – включения в окружающий мир и возможности влияния на него [Бахтин 1986; Kane 2005].

Вторичность свободы по отношению к ответственности проявляется и в современных политических реалиях. Именно это и выявилось на упомянутом ранее круглом столе «Права человека и дисбаланс взаимной ответственности» – последствия свободы слова и выражения мнения без учета ответственности, что стимулирует ресентимент, эгоцентризм, конфликты и агрессию, усиленные возможностями современных средств коммуникации. Организаторы выставок, постановщики спектаклей, писатели, журналисты совершенно неожиданно узнают, что их действия вызвали «оскорбление чувств» верующих, этнических, даже профессиональных групп, от имени которых выставляются претензии, заявления в правоохранительные органы,

подаются иски в суды, а то и устраиваются погромы. Целые страны обижаются на публикации карикатур, объявляют травлю их авторов и даже охоту на них, оборачивающуюся кровавой бойней, как это было с журналистами французского сатирического еженедельника “Charlie Hebdo”. Предъявляются иски на миллионы долларов за обиды 40-летней давности, общественное мнение вынуждает отстранять от публичной деятельности актеров, режиссеров, продюсеров, менеджеров.

Интернет дал дополнительные импульсы к пониманию роли ответственности, выявив главный этико-правовой, если не антропологический, парадокс современной социальной жизни, разведя полюса права личности на свободу слова и права личности на тайну личной жизни, защиту репутации и прочую безопасность, выводя на первый план ответственность. Наконец, важный штрих, если не точку, в этом сюжете поставили биополитические следствия борьбы с пандемией коронавирусной инфекции, которая радикально меняет мировой политический и экономический формат цивилизации. Так, по мнению П. Померанцева, высказанному при обсуждении его новой книги, «демократия страдает от злоупотребления свободой слова. Но еще больше от него страдает благополучие людей. От антипрививочников и от людей, верящих в полумифические методы лечения тяжелейших болезней, страдает медицинская безопасность целых обществ... Это не менее опасно, чем дискредитация демократических институтов» [Грозовский 2020].

Серьезным вызовам подверглись российский федерализм, Европейский союз, члены которого обменялись взаимными упреками. Даймонд довольно точно обозначил альтернативу двух сценариев развития событий. Наихудший сценарий предполагает дальнейшее огораживание государств, стремление получить односторонние преимущества – от вакцинации до развития экономики. Согласно лучшему сценарию, выход из пандемического кризиса объединит людей и страны в решении общих проблем – от медицинских до климатических [Diamond 2020].

У нас на глазах изменяется смысловая картина мира, открывающая глубинный смысл и природу свободы воли, роль и значение ответственного самоопределения в публичном пространстве.

Возвращение парресии

Осмысление возможности ответственного публичного дискурса представляется особенно важным и актуальным применительно к современным дискурсивным практикам сетевых коммуникаций, в которых владельцы сетевых аккаунтов получают исключительные возможности «брать слово» – формулировать и позиционировать свою позицию по самым различным вопросам: от фактов личной жизни до дискуссий на научные, политические

и религиозные темы. Перспектива осмысления ответственности в публичной коммуникации вызывает интерес к практике парресии.

Термин «парресия» (παρρησία, *parrhēsia*), происходящий от греческих корней πᾶν (все) и ῥῆσις (речь, высказывание), имеет широкий спектр значений: от «говорение всем и обо всем» до «свободы слова». Однако в процессе античных и христианских дискурсивных практик за ним закрепилось применение к ситуации высказывания искреннего, откровенного и ответственного. Анализ этого концепта, проведенный М. Фуко [Фуко 2020], показал, что герменевтика парресии позволяет вывести качества коммуникативного контента за рамки логических и трансцендентальных критериев истинности к прагматическим и этическим контекстам дискурсии. В этом случае акцент переносится с оценки истинности на отношение к истине, на феномен «взятия слова» и ответственности за высказанное, включая возможные санкции к парресору, вызванные негативной реакцией аудитории – как разгневанных отдельных адресатов, так и целых сообществ.

В Античности (первое упоминание парресии встречается в трагедии Еврипида «Ион») парресия связана с «изегорией» (равенством речи) и «изономией» (равным участием свободных граждан полиса в осуществлении власти). Благодаря этому парресор «брал слово» во всем контексте (политическом, экономическом, моральном, религиозном) жизни социума прямой демократии агоры [Walzer 2013: 4]. И для некоторых парресоров, как известно из случая с Сократом, это заканчивалось печально.

М. Фуко, заставший начало формирования современной сетевой коммуникации, отрицал возможность полноценной парресии в современном мире, в котором технологии коммуникации позволяют речи оторваться от истинности, делая речь все более безответственной. И расцветшие у нас на глазах вербальные и невербальные фейки, переполнившие медиа, вроде бы это подтверждают. Поэтому до самого последнего времени доминантой выступала характеристика парресии как анахронизма «бесстрашной речи» (*fearless speech*), уместной в Античности, но не в современности, которой характерна свобода слова (*freedom of speech*). Эти два концепта даже иногда противопоставляются друг другу на том основании, что для современного социума характерны институты либеральной демократии с ее фундаментальными правовыми гарантиями свободы слова и совести, как гарантиями человеческого бытия как такового. Дело даже доходит до альтернативы выбора между популистским авторитарным режимом с парресией и демократией со свободой слова [Karadut 2018], а претензии на паррессию рассматриваются как угроза для свободы и равенства со стороны некоей привилегии немногих [Vejan 2017].

Как показала упоминавшаяся аналитика М. Фуко, парресия может проявляться в двух планах: негативном и позитивном. В первом случае парресор

высказывает нечто решительно, не стыдясь возможных упреков в недостоверности сказанного. Такая парресья свойственна политикам-популистам и медийным персонажам, зарабатывающим паблисити в стилистике эпатажа и скандала. Во втором (позитивном) случае парресья свойственна экспертам, журналистам и блогерам, представляющим достоверную и критическую информацию, разоблачающую иногда не только популистскую постправду, но и сложившиеся стереотипы. И в 1970–1980-х гг. М. Фуко не видел перспектив вычленения позитивной паррессии перед накатывавшим валом паррессии негативной.

В свое время М. Олсон диагностировал последствия гипертрофии демократических прав и процедур как «институциональный склероз» [Olson 1982]. И пандемия COVID-19 ярко подтвердила этот диагноз. Пандемия относительно успешно была остановлена в КНР, Сингапуре, Республике Корея и жестко накрыла Италию, Францию, Соединенное Королевство, Швецию и США. Дело оказалось связанным не только с централизацией системы здравоохранения и других властных институтов, которая более эффективна именно в кризисных ситуациях. Решающим моментом оказалась смысловая картина мира, транслируемая в общественном сознании, «склеротически долго» (в смысле М. Олсона) пребывавшего в упомянутой выше «стадии отрицания».

В этой связи можно признать, что негативная парресья (как и связанные с ней фейки и постправда) суть следствие институционального склероза гипертрофированных прав на свободу безответственного слова на ранних стадиях Web-пространства. Поэтому рано или поздно, но должен был вызреть запрос на коррекцию негативной паррессии, нарушающей человеческое достоинство, угрожающей репутации, благополучию, а то и жизни других людей. Он вызревает вместе с указанной выше динамикой становления «метамодернистской культуральной парадигмы». Цифровизация публичной коммуникации только усиливает и закрепляет этот тренд [Нестик 2020]. При этом стрессовые ситуации, особенно столь глобальные, как коронавирусная пандемия, усиливают вызревание тренда на позитивную парресью, не только корректирующую негативную парресью, но и репрезентирующую конструктивные позитивные образцы, что делает эти нарративы нравственными перформативами. Реализация такой паррессии становится важнейшим фактором противостояния опасным популистским решениям «харизматичных» лидеров, в том числе в плане якобы противостояния экзистенциальным опасностям [Sparks 2017].

Если перефразировать Ю. Хабермаса [Habermas 2001: 49], то в условиях пандемии политика догоняет и догнала глобализированную экономику. Под вопрос ставятся не рыночные котировки, а жизни конкретных людей и даже групп людей. В такой ситуации возникает «изегория» и «изономия» перед

лицом экзистенциальной угрозы, которую негативная парресия только усиливает, приводя к неадекватным решениям и действиям, а остро востребованным становится «позитивный парресор». Он может подвергнуться преследованиям (Д. Ассанж, Э. Сноуден, Б. Немцов, А. Навальный или врачи из Ухани, первыми забившие тревогу), доносимое им слово не сразу становится признанным фактом. Но это не означает, что взятое им слово не является социально значимым и важным. В современном цифровизованном информационном обществе позитивная парресия – не привилегия немногих, а нравственный тестирующий долг «берущих слово».

Как можно примирить свободу слова со свободой слова тролля? В Декларации ООН о правах человека ничего не сказано о дезинформации. Такого юридического термина не существует. Поэтому, как отмечали участники обсуждения нынешней ситуации в публичном дискурсе и перспектив новой цензуры (в дискуссии принимали участие Б. Грозовский, П. Померанцев, В. Гатов, М. Трудолюбов, Ю. Яблоков), в наши дни свобода слова – объект для переопределения [Грозовский 2020]. На упомянутом круглом столе «Права человека и дисбаланс взаимной ответственности» его участники отмечали, что для преодоления противоречий между правом личности на свободу слова (чреватым разрастанием фейковых новостей, постправды, практиками травли и буллинга) и правом личности на тайну личной жизни, защиту репутации [Кривенко 2019: 107–120] новые возможности открывает развитие цифровых технологий коммуникации, оперирования большими данными, формирование электронного правительства, блокчейн-технологии и т. п. Цифровые технологии – мощный инструмент формирования новой правовой культуры. Это мощный инструмент, но неоднозначный. «Чем более явной будет угроза... общественной безопасности, тем больше шансов, что даже в демократических обществах будут расширяться методы и формы цензуры... которая может быть доверена алгоритмам или, не дай бог, какой-то специальной организации» [Грозовский 2020]. При этом такая цензура будет чисто информационной только на первый взгляд – она неизбежно будет ценностной.

В новейшей философии также диагностируется формирование нового мировоззрения, миропонимания и мироощущения, сменяющего постмодернистский деконструктивизм и иронию и переходящего от тотального остранения смыслов к их новому монтажу, новой целостности и цельности, а главное – искренности [Metamodernism 2017; Vermeulen, van den Akker 2010; Павлов 2018]. Речь идет не о наивности и романтизме, а о том, что современный художник, политик, ученый, любой человек, претендующий на высказывание своей позиции, своей точки зрения, выступает в этих новых условиях фактически как античный парресист, ответственно, с открытым сердцем говорящий (возможно – горькую) правду «городу и миру». И если он «берет слово»,

то сам этот факт, как и публично произнесенное (написанное) слово, выступает как поступок [Тульчинский 2020] вменяемого актора, понимающего меру и глубину своего «не алиби в бытии» [Бахтин 1986]. Аналогичной тематике посвящены публикации журнала "Parrhesia: A Journal of Critical Philosophy", учрежденного в 2016 г. "Melbourne School of Continental Philosophy".

В условиях тотальной медиализации в цифровом формате ответственность обретает все новые и новые измерения, являющиеся серьезнейшими вызовами традиционным представлениям о морали и праве. «Коронавирус заставил всех вспомнить, зачем нужны факты. Информационные войны действительно близки к войне религий. А сейчас участвовать в них может каждый человек из своего дома. Поэтому нужны новые концепции, новые правила, новая этика, новые законы, переосмысление свободы слова» [Грозовский 2020].

В этой связи думается, что концепция парресии может выступить одним из возможных расширений дальнейшего анализа. Как представляется, запрос на ответственную речь в сочетании с цифровыми форматами дает возможность такого нетривиального переосмысления, не ограничивая современную парресию только критической философией, круг парресиастов – кругом авторов журнала "Parrhesia: A Journal of Critical Philosophy", а придавая парресии новый масштаб и формат. Но такое осмысление, конечно же, требует специального анализа, который важен и интересен, однако он выходит за рамки данной работы.

Заключение

Проведенное рассмотрение выявило семиотический вектор (тенденцию) трансформации социальной коммуникации с акцентирования трансляции социальных (нормативных) значений на презентацию личностных смыслов (эмоционально-оценочных мнений и переживаний). Такая смена акцентуации в публичном пространстве порождает проблему баланса между институтом свободы слова и совести, техническими возможностями их выражения, с одной стороны, и необходимостью жесткого контроля в информационном пространстве, критической массы безответственной информации, несущей угрозы личностной и институциональной безопасности, репутации, другие издержки. Такая ситуация способствует нарастанию недоверия в социуме. Динамика публичного COVID-дискурса продемонстрировала этот дисбаланс и его последствия особенно отчетливо. Возникает запрос на ответственную речь, реализуемую не только посредством социального контроля, но и с помощью самостоятельной фильтрации информационного потока, стремления к источникам достоверной информации, персонам, ее ответственно представляющим.

Помимо технологических и институциональных мер, все большую роль и значение играет самоограничение и личная ответственность не только политиков, экспертов, журналистов, блогеров, других лидеров общественного мнения, но и со стороны их аудитории, отдельных пользователей. Трансформация развернувшегося в 2020 г. дискурса коронавирусной пандемии, осмысление этой трансформации служат тому примером.

Можно говорить о созревании условий пересмотра оценки М. Фуко перспектив концепта парресии применительно к современным дискурсивным практикам. Не исключено, что речь может идти и о возрождении феномена парресии как ответственного публичного слова, реализующего публичную речь как поступок (вменяемое действие), в новом формате и масштабе.

Источники

Бахтин М.М. 1986. К философии поступка. – *Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985*. М.: Наука. С. 80–160.

Грозовский Б. 2020. *Информационные войны близки к религиозным*. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/24937-diskussiya-informatsionnye-voyny-grozovskiy-pomerantsev-gatov-trudolyubov-yablokov>.

Гройс Б. 2016. *В потоке*. М.: Ad Marginem.

Информационный бюллетень о ситуации и принимаемых мерах по недопущению распространения заболеваний новым коронавирусом. 2020. URL: https://rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=14210&phrase_id.

Как помогают бизнесу зарубежные страны во время пандемии. 2020. URL: <https://www.e-xecutive.ru/management/practices/1992204-kak-pomogaut-biznesu-zarubezhnye-strany-vo-vremya-pandemii>.

Кирия И. *Мир накрыла невиданная прежде инфодемия*. 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/04/15/828157-infodemiya>.

Коронавирус «заразил соцсети и СМИ. 2020. URL: <https://www.mlg.ru/~tfAs9>.

Кривенко С. 2019. *Материалы дискуссии российских правозащитников, экспертов и ученых*. М.: Коалиция в поддержку правозащитников.

Леонтьев Д. 2020. *Вирази и миражи пандемического сознания*. URL: https://psy.su/feed/8337/?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=1.

Лотман Ю. 1967. К проблеме типологии культуры. – *Труды по знаковым системам*. III. Тарту: ТГУ. С. 30–38.

Мау спрогнозировал мир будущего после победы над коронавирусом. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/04/2020/5e8355899a7947630847bbb8https://www.rbc.ru/economics/01/04/2020/5e8355899a7947630847bbb8>.

Московская зараза. 2020. URL: [mirvracha.ru > news > moskovskaya_zaraza-06-04-2020](http://mirvracha.ru/news/moskovskaya_zaraza-06-04-2020).

Нестик Т. 2020. *Коронавирус: вызовы личности, обществу и государству*. URL: <https://psy.su/feed/8338/>.

Общество и государство после «идеального шторма». 2020. URL: <https://pltf.ru/2020/06/09/obshhestvo-i-gosudarstvo-posle-idealnogo-shtorma/>.

Павлов А. 2018. Образы современности в XXI веке: метамодернизм. – *Логос*. 2018. № 28 (6). С. 1–19.

«Пазл доверия»: о главных «спикерах кризиса», источниках недоверия и доверия информации. 2020. URL: <https://pltf.ru/2020/06/16/issledovanie-platformy-pazl-doverija/>.

Политическая культура. 2015. М.: Юрайт.

РБК запустил онлайн-квартирник с артистами и музыкантами в изоляции. 2020. URL: www.rbc.ru/society/04/04/2020/5e7bc11a9a794723edda386f7f90m=from_main.

Семенец А. 2020. *Чем опасны рассылки в мессенджерах*. URL: <https://www.rosbalt.ru/moscow/2020/06/20/1849779.html>.

Слова нашего времени. 2020. URL: https://www.mlg.ru/blog/viral_smm/7329/.

Столяров А. 2019. *Призрак нации*. СПб.: Страта, 2019.

Тренды коронавируса. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/trends/education/5e877a269a79472ff038a0d8>.

Тульчинский Г.Л. 2013. Политическая культура на осях ценностно-нормативной модели социогенеза. – *Философские науки*. № 1. С. 24–38.

Тульчинский Г.Л. 2019. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики». – *Вопросы философии*. № 11. С. 115–125.

Тульчинский Г.Л. 2020. *Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе*. СПб.: Алетейя, 2020.

Фокин К. 2020. *Эпоха карантина глазами 25-летних*. URL: <https://novaya-gazeta.ru/articles/2020/03/29/84585-dostatochno-li-blizko-rvutsya-snaryady>.

Фуко М. 2020. *Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983)*. М.: Дело.

Шишков А. 2020. *Может ли вирус войти в Царство Небесное*. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/24017-teolog-andrey-shishkov-o-koronaviruse-i-hristianskih-dogmatah>.

Эксперт ВШЭ заявила о смене в развитии ситуации с коронавирусом в России. 2020. URL: <https://ria.ru/20200413/1569943348.html>.

Юрьева Т.С. (ред.). 2016. *Террор и культура*. СПб.: СПбГУ.

Agamben G. 2020. *Giorgio Agamben: Normalising the State of Exception Under the Covid-19 Epidemic*. URL: <https://non.copyriot.com/giorgio-agamben-normalising-the-state-of-exception-under-the-covid-19-epidemic/>.

Axt J.R., Landau M.J., Kay A.C. 2020. The Psychological Appeal of Fake-News Attributions. – *SAGE Psychological Science*. P. 1–10.

Bejan T.M. 2017. *The Two Clashing Meanings of 'Free Speech'*. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/12/two-concepts-of-freedom-of-speech/546791/>.

Damasio A. 2010. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York: Pantheon.

Dennett D. 2003. *Freedom Evolves*. N.Y., London: Penguin Books.

Diamond J. 2020. *Best-case and worst-case scenarios. Life in a time of Covid*. URL: https://www.edge.org/conversation/jared_diamond-best-case-and-worst-case-scenarios.

El Maarouf M.D., Belghazi T., El Maarouf F. 2020. COVID-19: A Critical Ontology of the present. – *Educational Philosophy and Theory*. URL: <https://doi.org/10.1080/00131857.2020.1757426>.

Habermas J. 2001. *Postnational Constellation: Political Essays*. Cambridge (MA): MIT Press.

Halliday M.A.K. 1978. *Language as social semiotics: The social interpretation of language and meaning*. Baltimore (Maryland): University Park Press.

Hodge R., Kress G. 1988. *Social Semiotics*. Cambridge: Polity.

Hofstede Insights. 2019. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country/russia/>.

Inglehart R., Welzel Ch. 2005. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. New York: Cambridge University Press.

Kane R.H. 2005. *A Contemporary Introduction to Free Will*. Oxford: Oxford University Press.

Karadut I.C. 2018. *Truth-Telling in the Era of Post-Truth: Two Cases of Parrhesia for Democracy. The Internet, Policy & Politics Conference 2018. Oxford Internet Institute (OII) / University of Oxford*. URL: <http://blogs.oii.ox.ac.uk/policy/wp-content/uploads/sites/77/2018/08/IPP2018-Karadut.pdf>.

Kübler-Ross E. 2014. *On death and dying*. New York: Scribner.

Leeuwen T. van. 2005. *Introducing Social Semiotics*. New York, London: Routledge.

Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism (Radical Cultural Studies). 2017. Lanham (Maryland): Rowman & Littlefield.

Olson M. 1982. *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities*. New Haven (CT): Yale University Press.

Randviir A. 2004. *Mapping the World: Towards a Sociosemiotic Approach to Culture*. Tartu: Tartu University.

Rasskazova E.I., Leontiev D.A., Lebedeva A.A. 2020. Pandemic as a Challenge to Subjective Well-Being: Anxiety and Coping. – *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy]. Vol. 28. N 2. P. 90–108.

Russia's 'Isolation Art' Takes the Internet By Storm. 2020. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2020/04/06/russias-isolation-art-takes-the-internet-by-storm-a69887>.

Sparks M. 2017. Promoting health in a post-truth world. – *Health Promotion International*. 2017. Vol. 32. Issue 4. P. 599–602.

Vermeulen T., van den Akker R. 2010. Notes on Metamodernism. – *Journal of Aesthetics & Culture*. Vol. 2. P. 1–14.

Walzer A.E. 2013. Parrēsia, Foucault, and the Classical Rhetorical Tradition. – *Rhetoric Society Quarterly*. Vol. 43 (1). P. 1–21.

Welzel Ch. 2013. *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. New York: Cambridge University Press.

WVS. Database. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>.

Zizek S. 2020. *Coronavirus Is 'Kill Bill' – Esque Blow to Capitalism and Could Lead to Reinvention of Communism*. URL: <http://www.revistaikaro.com/slavoj-zizek-coronavirus-is-killbill-esque-blow-to-capitalism-and-could-lead-to-reinvention-of-communism/>.

Сунгуров Александр

Новый мировой порядок после пандемии: возможно ли новое «новое политическое мышление»?¹

Сунгуров Александр Юрьевич –

*доктор политических наук,
президент Межрегионального
гуманитарно-политологического
центра «Стратегия», профессор
департамента политологии
и международных отношений СПб
филиала НИУ ВШЭ.*

*Для связи с автором:
asungurov@mail.ru*

Для цитирования:

*Сунгуров А.Ю. Новый мировой
порядок после пандемии:
возможно ли новое «новое
политическое мышление»? //
Публичная политика. 2020. Т. 4. № 2.
[https://doi.org/10.31856/
jpp/2020.2.2](https://doi.org/10.31856/jpp/2020.2.2)*

Аннотация

В рамках дискуссии о новом мировом порядке после пандемии COVID-19 обосновывается возможность использования обновленного «нового политического мышления» М.С. Горбачева в качестве альтернативы дальнейшего усиления суверенизма мировой политики. Пандемия COVID-19 сравнивается с Чернобыльской катастрофой 1986 г. Шок от эффекта сокрытия информации о Чернобыльской катастрофе стал одним из важных факторов выдвижения «нового политического мышления» как основы нового подхода советского руководства к мировой политике, который вместо силового противостояния государств предложил проект переустройства мира в соответствии с общечеловеческими ценностями. Аналогичный шок сегодня испытало человечество, узнав о длительном

¹ Некоторые тезисы этой статьи были доложены в рамках Международной научно-практической конференции «Пандемия как двигатель трансформации», организованной on-line МГИМО(У) 25–26.05.2020.

сокрытии информации Китаем в начале пандемии.

Рассматриваются основные положения «нового политического мышления» времен перестройки, а также его связь с деятельностью Пагуошского движения ученых против ядерной угрозы и Римского клуба, которые рассматриваются авторами нового доклада «Горбачев-фонда» как предшественники «нового мышления». В статье сравнивается концепция «нового мышления» и деятельность М.С. Горбачева с либеральным подходом в международной политике и с деятельностью Вудро Вильсона. Показана связь «нового мышления» с позициями ряда советских дипломатов догорбачевского периода, а также с концепцией ноосферы В.И. Вернадского и деятельностью Н.И. Рериха по подготовке «Пакта мира».

В качестве применения обновленного «нового мышления» рассматриваются возможные направления реформы Совета Безопасности ООН, которые позволили бы усилить его эффективность как структуры глобального управления.

Ключевые слова: мировой порядок, «новое политическое мышление», пандемия COVID-19, Римский клуб, Совет Безопасности ООН.

Sungurov Alexander

New world Order after Pandemic: new “new political Thinking” is Possible?

Sungurov Alexander Y. –
*Doctor of Political Sciences,
President of the St. Petersburg
Humanitarian and Political Center
“Strategy”, Professor, Department
of Political Science and International
Affairs.*

*To contact the author:
asungurov@mail.ru*

Abstract

The possibility of use of re-new Gorbachev’s “new political thinking” as alternative of “sovereinitizm” strange in world politics after pandemic COVID-19 are grounded in framework of new world order discussion. Pandemic COVID-19 compare with Chernobyl catastrophe 1986. Shock from the hide of information about Chernobyl catastrophe was one of the main factors for the appear of “new political thinking” as basement of soviet leadership for world politics. This approach proposed rebuilding of world system with respect of universal human values instead of power and idea antagonism. Analogical shock took place all humankind after information about month hide information about pandemic by China.

The main position of Gorbachev’s “new political thinking” and their connection with Pugwash movement of scientists against nuclear threat and Rome club activities are analyzed.

New political thinking conception and activities of Michael Gorbachev compare with liberal approach in international politics and activities of Woodrow Wilson. The connection of "new political thinking" with positions of some soviet diplomats from pre-Gorbachev time and with conception of noosphere of Vladimir Vernadsky and Nikolay Rerikh activities for preparation of Pact of Peace are demonstrated.

The possible reforms of UN Security Council for growth of its effectiveness as global government structure are proposed as example of implementation of re-new "new political thinking".

Keywords: World order, new political thinking, pandemic COVID-19, Roma Club, UN Security Council.

Научная дискуссия о характере и направлениях изменений нового мирового порядка является важным вкладом в понимание закономерностей развития современной мировой политики [Барановский 2019; Пантин, Лапкин 2018; Никитин 2018]. При этом, как совершенно справедливо отмечает М.М. Лебедева, «в большинстве исследований мирового порядка анализ осуществляется с точки зрения силовых отношений государств, а в аналитическом фокусе в первую очередь оказываются ведущие державы» [Лебедева 2019]. В то же время уже в начале нашего века А.-М. Слотер подчеркнула, что сегодня государства при помощи комплекса различных межгосударственных связей образуют «межправительственные сети» (*“government networks”*) [Slaughter 2004]. Кроме того, все большую роль в мировой политике начинают играть неправительственные организации различного вида [Тормошева 2017; Стецко 2012].

Пандемия COVID-19 и ее последствия, бесспорно, внесли и еще внесут существенные изменения в новый мировой порядок. Пока эти возможные последствия стали объектом ряда журналистских публикаций, некоторые из которых подготовлены на основе мнения экспертов [Дунаевский 2020; Кузнецов 2020], а также экспресс-прогнозы ученых [Алексеева-Карневали 2020]. С одним из таких мнений автор этих строк полностью солидарен: «В глобальном мире нужна новая “конференция” по выработке новых правил игры, поскольку удар, нанесенный пандемией, сравним с мировой войной. И на этой конференции нужно выработать инструменты и институты глобальной кооперации, которые можно будет быстро принимать и внедрять с учетом максимизации общего блага, а не в ущерб соседу соседу» [Кузнецов 2020].

Если встать на эту точку зрения, то в случае предыдущей мировой войны результатом «конференции» – точнее, их серии – стало создание Организации Объединенных Наций, в уставе которой зафиксировано уважение к универсальным правам человека. Поэтому и в данной статье определенное внимание будет уделено необходимым (крайне желательным) реформам ООН, чтобы эта организация соответствовала реалиям сегодняшнего дня. Но мне, как радиобиологу в моей «первой» научной жизни [Сунгуров 1988], хотелось начать с эффектов другого бедствия, Чернобыльской катастрофы, включая и такой ее эффект на политическую жизнь нашей страны, как развитие «нового политического мышления» в качестве внешнеполитического курса СССР последних лет его существования. Особое внимание будет уделено и самому «новому политическому мышлению», а также его предшественникам и близким к нему подходам, в надежде способствовать развитию (уже с позиции 2020 г.) «нового мышления» в новом мировом порядке.

Сравнивая пандемию COVID-19 с Чернобыльской катастрофой, случившейся в СССР в апреле 1986 г. [Чернобыльская катастрофа 1998; Бабосов

1992], оставим пока за скобками техногенный характер самой этой катастрофы и причастность к ней персонала, выключившего защитные системы для того, чтобы успеть провести эксперимент к Первомайскому празднику [Чернобыльская трагедия]¹. В этом тексте мы сравниваем Чернобыльскую катастрофу с пандемией COVID-19 по критерию информирования жителей своей страны и жителей других стран о самом факте события. Как известно, после взрыва на Чернобыльской АЭС имела место задержка информирования о катастрофе как советских граждан, так и мировой общественности в ситуации, когда ветер уже разносил радиоактивные осадки по окрестным странам. Более того, академик В.А. Легасов, член правительственной комиссии от АН СССР, который очень много сделал в первые же дни после взрыва на АЭС для ликвидации последствий катастрофы, а также представил в августе 1986 г. на конференции МАГАТЭ в Вене подробный и правдивый доклад об аварии, столкнулся с жесткой обструкцией как со стороны партийных чиновников, так и со стороны ряда коллег, что и привело его в апреле 1988 г. к самоубийству [Черная быль 2017].

В случае же начала пандемии COVID-19, как известно, в Китае имело место сокрытие информации о количестве заболевших в Ухане, что привело к распространению эпидемии по всему земному шару посредством авиарейсов из Китая, которые продолжались весь январь 2020 г. [Фукуяма 2020; Илларионов 2020].

Как представляется, в СССР именно шок после Чернобыльской катастрофы стал важной вехой в развитии процесса перестройки и понимания у М.С. Горбачева и его сподвижников в руководстве КПСС и СССР в целом (в то время это было синонимами), что на смену закрытости и автократии необходимы открытость и гласность, а также развитие понимания единства нашего мира, «его взаимосвязанности, взаимозависимости, целостности» [Горбачев 1995: 293]. Логичным шагом стало и представление о необходимости нового мышления в мировой политике, которое вскоре стало определяющей линией во внешней политике СССР в годы перестройки [Горбачев 1987].

«Концепция нового политического мышления, созданная в годы перестройки, предполагает, что при уважении самостоятельности и при соблюдении принципа невмешательства в дела друг друга государства и народы признают общую ответственность за выживание человечества. Новое мышление предложило проект переустройства мира в соответствии с общечеловеческими ценностями. Главными из них являются человеческая жизнь, свобода и безопасность для всех и для каждого» [Пандемия 2020].

¹ Подробная информация о развитии аварийной ситуации на Чернобыльской АЭС была получена также в рамках беседы с респондентом А., одним из создателей реактора Чернобыльской АЭС, июнь 2003 г.

К сожалению, в то время эта концепция не была понята лидерами многих стран и сошла с мировой политической сцены вместе с уходом с нее М.С. Горбачева. Однако сегодня, обсуждая состояние мировой системы после (в процессе?) короновирусной пандемии, можно предположить, что концепция нового мышления могла бы стать основой нового видения мировой системы, что привело бы к новым (уже для конца второго десятилетия XXI века), более эффективным способам *global governance*, глобального управления, то есть такого управления, которое сделало бы невозможным, по крайней мере, замалчивание информации о чрезвычайных ситуациях. Это же предположение содержится и в опубликованном в июне 2020 г. докладе «Горбачев-фонда» [Пандемия 2020].

Рассмотрим теперь подробнее как саму концепцию нового мышления, так и ее предшественников, а также кратко остановимся на возможных причинах, почему же она оказалась уже в 1990-е гг. на далекой периферии мирового общественного мнения.

Представление о значимости общечеловеческих ценностей, на основе которых можно договориться и не допустить новых войн, существовало задолго до середины 1980-х гг. Собственно говоря, корни концепции нового мышления можно увидеть еще в работах Иммануила Канта, включая и его трактат «К вечному миру». Принципиальная возможность представителей различных государств договориться на основе некоторых общих ценностей лежит в основе либерального подхода в теории международных отношений. Именно они были предпосылками для предложений Вудро Вильсона по принципам создания Лиги Наций. Другое дело, что ссылаться на таких идейных предшественников было недопустимо для генерального секретаря КПСС. Впрочем, возможно, и сам М.С. Горбачев не осознавал тогда этих корней предлагаемой им концепции.

В опубликованном уже в 2020 г. докладе «Горбачев-фонда» «Пандемия как вызов и новое мышление в XXI веке» приводятся более близкие, по мнению авторов доклада, предшественники, такие как сложившееся в мире после окончания Второй мировой войны движение за ядерное разоружение, а также Пагуошское движение против использования атомной энергии в военных целях, которому положил начало появившийся в 1955 г. манифест А. Эйнштейна, Б. Рассела и других выдающихся ученых [Рыжов, Лебедев 2003; Лебедев 2004]. Это движение, созданное 65 лет назад, активно действует и сегодня, в том числе в современной России, судя по постоянно обновляемой информации на сайте <http://www.pugwash.ru>, а также сборникам докладов конференций Российского отделения Пагуошского движения [Глобальные 2018]. В принципе, это реальный пример стабильного и влиятельного (в определенной степени) эпистемического сообщества [Михайлова 2018;

Naas 2011]. Есть, правда, проблема, что деятельность этого движения в России традиционно проходит под эгидой Президиума РАН и МИД РФ и мало известна российской научной общественности.

В уже упомянутом докладе «Горбачев-фонда» 2020 г. упоминается еще один предшественник концепции нового мышления – а именно доклады Римского клуба, регулярная публикация которых, начиная с 1968 г., способствовала формированию концепции устойчивого развития [Медоуз и др. 1991; Медоуз и др. 1994; Медоуз и др. 2007]. Римский клуб, возникший как объединение ученых, политиков и бизнесменов, способный заказывать ученым серьезные, научно обоснованные прогнозы, представлял (и представляет сегодня) уже не только устойчивое эпистемическое сообщество, но и крайне интересный пример эффективной «Коалиции защиты общественных интересов» Пола Сабатье [Sabatier 1998], работающей в формате уникальной «Фабрики мысли», причем коалиции не на национальном, а уже на глобальном уровне [Римский клуб 1997; Печчеи 1980; Печчеи 2020]. Создание и развитие Римского клуба, равно как и подготовленные по его заказу доклады, требуют отдельного серьезного анализа; здесь же отметим, что вокруг Римского клуба, который имел, как и любой клуб, достаточно ограниченное членство, вскоре при поддержке ЮНЕСКО была создана уже существенно более открытая научно-просветительская ассоциация – Всемирная федерация исследования будущностей (World Futures Studies Federation, <https://wfsf.org>), в которой участвовали как ученые-прогнозисты, так и ученые иных специальностей и гражданские активисты, обеспокоенные проблемами будущего. Одним из основателей этой ассоциации был советский социолог и прогнозист И.В. Бестужев-Лада [Бестужев-Лада 1984; Бестужев-Лада 1998].

Вернемся, однако, к концепции нового мышления, выдвинутой М.С. Горбачевым и его единомышленниками в период перестройки. Уже спустя четверть века в статье М.Ф. Плынова представлены основные пять положений этой концепции:

«1. Признание многообразного, но взаимосвязанного, целостного мира и, соответственно, провозглашение невозможности решения международных проблем силовыми методами.

2. Превалирование общечеловеческих интересов над классовыми и национальными во взаимоотношениях между государствами при решении глобальных проблем.

3. Деидеологизация внешней политики и отказ рассматривать принцип мирного сосуществования как специфическую форму классовой борьбы.

4. Признание за каждым народом права выбора своей судьбы и, как следствие, отказ от политики пролетарского и социалистического интернационализма.

5. Положение об “общеевропейском доме”. Создание новой системы безопасности на европейском континенте, которая предусматривала бы снижение роли НАТО и Варшавского договора и повышение роли ОБСЕ» [Полынов 2012а].

Эти пять тезисов, на наш взгляд, в кратком виде отражают основные тренды обсуждаемой концепции. В предисловии к своей книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира» в 1987 г. сам М.С. Горбачев так сформулировал основные для него ее послылы: «При всей противоречивости современного мира, при всем многообразии существующих в нем социальных и политических систем, при всей неодинаковости выбора, который сделали в разные времена народы, он представляет собой определенную целостность. Все мы пассажиры одного корабля – Земли, и нельзя допустить, чтобы он потерпел крушение. Второго Ноева ковчега не будет... Нам не нравятся какие-то аспекты американской политики и жизни. Но мы признаём право народа США, как и всякого другого, жить по своим правилам и законам, по своим обычаям и вкусам... Время идет, и терять его нельзя. Надо действовать. Обстановка не позволяет ждать идеального момента: конструктивный и широкий диалог необходим сегодня» [Горбачев 1987: 5].

В обоих случаях мы можем выделить два основных послыла. Первый, наиболее актуальный в годы перестройки, – это отказ от традиционного мессианства лидеров КПСС, признание как за США, так и за другими народами права жить так, как им хочется (что равнозначно отказу от пролетарского или социалистического интернационализма, равно как и деидеологизация внешней политики, как справедливо подчеркнул М.Ф. Полынов). Эта часть концепции нового мышления была крайне актуальна в то время, но сегодня представляет уже скорее исторический интерес.

Второй же послыл, видение нашего мира, мировой системы, как многообразного, но взаимосвязанного и целостного, равно как и превалирование общечеловеческих интересов над классовыми и национальными, что сам М.С. Горбачев выразил в виде такой сильной метафоры, как «Все мы пассажиры одного корабля – Земли, и нельзя допустить, чтобы он потерпел крушение», остается крайне актуальным и сегодня.

Остановимся теперь еще на нескольких предшественниках нового мышления М.С. Горбачева, о которых ни им самим в то время, ни в докладе «Горбачев-фонда» не упоминалось. Наиболее близкая по времени работа – это монография А. Громько и В. Ломейко «Новое мышление в ядерный век» [Громько, Ломейко 1984], в названии которой уже используются слова «новое мышление». И хотя эта книга советских дипломатов, посвященная в основном возможности ядерного разоружения и опубликованная в год, когда генеральным секретарем ЦК КПСС был еще К.У. Черненко, содержит

многие обязательные тогда идеологические штампы, все-таки ее последняя глава носит название «От блокового мышления – к планетарному», и в ней есть слова, которые очень хорошо согласуются с новым мышлением М.С. Горбачева: «Взаимосвязь и взаимозависимость мира, уязвимость которого растет, требуют от всех членов международного сообщества гораздо более широкого и активного партнерства. Так возникает объективная необходимость нового мышления, соответствующего реалиям ядерного века и обостряющихся глобальных проблем. *Новое мышление – это планетарное мышление, пронизанное сознанием общей ответственности за судьбу человечества*» [Громыко, Ломейко 1984: 280].

Если отталкиваться от последней фразы процитированного отрывка, от планетарного взгляда на процессы на Земле, то мы с неизбежностью выйдем на идеи великого русского и советского ученого В.И. Вернадского, включая и его представление о ноосфере как фазе развития биосферы: «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть “ноосфера”» [Вернадский 1989: 148]. В современном понимании ноосфера – «новое эволюционное состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором ее развития» [Большой 2006: 1062].

Признание за наукой и научной мыслью ведущей роли в переходе биосферы в стадию ноосферы определяет и то особое внимание, которое должна привлекать к себе и сама наука. Начало рассмотрения науки как природного явления положено уже в работах самого В.И. Вернадского [Вернадский 1991]. Анализ развития научной мысли и роли науки в эволюции биосферы привел его к положению об особой ответственности ученых за процесс ноосферогенеза. Можно сказать, что вся жизнь Вернадского была реализацией выводов, вытекающих из этого положения – он активно участвовал в земском движении, был одним из основателей партии конституционных демократов и бессменным членом ее ЦК, а летом 1917 г. был товарищем министра просвещения в правительстве Керенского.

Рассмотренные ранее кратко случаи предшественников нового мышления в политике – Пагуошское движение и Римский клуб – являются яркими примерами ответственности ученых за судьбы нашей планеты, то есть развитием идей В.И. Вернадского. Проблемой является то, что эти идеи и сама жизнь В.И. Вернадского, до сих пор остаются мало известными мировой научной общественности. Официально признаваемый в СССР как ученый-геохимик, он был фактически под запретом как философ науки и автор концепции ноосферы, так как все эти взгляды расходились с господствующей

идеологией «пролетарского интернационализма». Общее проявилось лишь в концепции нового мышления М.С. Горбачева.

Сегодня, в современной России, мы также не видим, к сожалению, ярких примеров творческого развития концепции ноосферы с учетом реалий XXI в. На рубеже двух веков появился очень интересный труд – антология литературы о В.И. Вернадском за сто лет, в который были включены и современные критические отклики, и полемика с ними [В.И. Вернадский 2000]. За последние годы в России вышла в свет лишь книга одного из последователей известного геохимика – Г.Б. Наумова [Наумов 2014]; продолжается и критика идей В.И. Вернадского путем смешивания их с некоторыми философскими идеями К.Э. Циолковского [Фесенкова 2008; Фесенкова 2018].

Интересную попытку развития концепции ноосферы предприняли ученые Таврического университета им. В.И. Вернадского в Симферополе, подготовившие издание коллективной монографии «Ноосферология» [Ноосферология 2008], в которой принял участие и автор этих строк [Сунгуров 2008]. Данная инициатива не получила, к сожалению, развития, что было связано, возможно, с тем, что она исходила из другой тогда страны.

Упомянем здесь еще одного деятеля русской, а после эмиграции – и международной культуры – Николая Рериха, чье предложение о подписании Всемирного пакта культуры, подразумевающего сохранение культурных ценностей как задачу планетарного масштаба было поддержано президентом США Франклином Рузвельтом, результатом стал первый в истории международный Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников, подписанный в 1935 г. В 1954 г. уже под эгидой ООН на основе опыта Всемирного пакта культуры (Пакта Рериха) была принята гагская Конвенция ООН о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта [Капустин и др. 2014; Баренбойм, Захаров 2010]. Эта инициатива, равно как и вся деятельность Николая Рериха и его сыновей, также может рассматриваться как один из предшественников нового мышления Горбачева.

Мы видим, таким образом, что большинство тезисов нового мышления уже высказывались ранее, но после 14 тезисов Вудро Вильсона – ни разу руководителем крупного государства. Как мы помним, Вудро Вильсона не поддержала элита собственной страны – США не вступили в Лигу Наций. Спустя шестьдесят с лишним лет призыв М.С. Горбачева к осознанию, что все мы – в одной лодке и другой планеты нам не дано, не был услышан уже элитами других стран. Как справедливо пишут российские аналитики, руководством США эти предложения были расценены как пропагандистский шаг, как отступление М.С. Горбачева по всем направлениям – то есть рассуждали по-прежнему в логике холодной войны [Брутенц 2005; Польшов 2012б; Барсенков 2017]. Ну а затем, после роспуска Варшавского блока, НАТО осталось без существенных

изменений, а СССР закончил свое существование. Эволюция же отношений «Россия – НАТО» требует отдельного анализа, но в любом случае она происходила уже без участия М.С. Горбачева.

Обратимся теперь к современности. Сегодня, к сожалению, общий тренд последних лет направлен, скорее, против глобального мышления с приоритетом общечеловеческих ценностей. Так, например, состоявшаяся в марте 2016 г. в Сеуле (Южная Корея) под эгидой Азиатской ассоциации политических и международных исследований и при поддержке Фонда Эберта конференция носила название «Новый авторитаризм в Азии», и на ней обсуждались причины ситуации, при которой во всех азиатских странах, за исключением двух, проявлялись отчетливые авторитарные тренды [“New Authoritarianism in Asia” 2016]. Этот тренд сопровождается не только в Азии, но и в других странах, развивается такое явление, как суверенитизм (*sovereigntism*). Этот термин появился впервые в информационном сообщении о встрече выпускников Института им. Дж. Кеннана, которая намечалась в мае 2020 г. в Праге, но не состоялась из-за пандемии. Под суверенитизмом в этом сообщении понимался глобальный тренд на усиление суверенитета – трампизм в США, брекзит, аналогичные тренды в Венгрии, Польше, России и т. д.

Реакция мирового сообщества на пандемию COVID-19 может выразиться в усилении суверенитизма, который уже проявился в закрытии границ, прекращении авиарейсов и т. д. И это был бы, на наш взгляд, худший сценарий, так как он подразумевает дальнейшее сокрытие информации о новых угрозах. Но есть и другой вариант – рост человеческой солидарности и взаимопомощи, возврат внимания к общечеловеческим ценностям, а также усиление тенденций *global governance* «с человеческим лицом», иначе говоря – достойного глобального управления, и здесь могут оказаться очень полезными принципы и подходы нового мышления, естественно приведенные в соответствие с реалиями конца второго десятилетия XXI в. и понимаемые достаточно широко, включая и упомянутые выше концепции.

Если, рассматривая возможные формы усиления глобального управления, мы будем руководствоваться принципом В. Оккама – «не создавать сущностей сверх необходимого», то мы должны в первую очередь обратиться к Организации Объединенных Наций как к единственной пока глобальной организации, созданной человечеством. Очень важно, что при ее создании была признана универсальность прав человека, соблюдение которых ставилось выше, чем суверенитет отдельных стран [Сунгуров 2000]. Действительно, именно «священный» принцип суверенитета дал возможность нацистской Германии на формально «законных» основаниях уничтожить сначала миллионы своих граждан, а затем и развязать Вторую мировую войну.

Именно глобальный шок от ужасов этой войны позволил странам – учредителям ООН признать соблюдение прав человека выше принципа суверенитета. С тех пор прошло уже более 70 лет, ужасы прошедшей войны отчасти забылись, и снова во многих странах стали говорить о приоритете государственного суверенитета. Возвращаясь к ООН, мы можем вспомнить, что уже вскоре после ее создания появились предложения и проекты превратить ее в существенно более сильную организацию, например, в формате избрания Генеральной ассамблеи ООН путем прямого голосования жителей нашей планеты, что позволило бы сделать Совет Безопасности также избираемым Генеральной ассамблеей по определенному принципу [Кларк, Сон 2002]. Это предложение тогда не было принято, – скорее всего, оно тогда опередило свое время. Более того, часть стран – учредителей ООН исходно рассматривало ООН просто как новую форму переговорной площадки на глобальном уровне. Не случайно СССР и ряд других стран воздержались при принятии в 1948 г. Всемирной декларации прав человека, а сам текст этой декларации в СССР был крайне трудно доступен для обычных граждан страны. И снова, возвращаясь к новому мышлению М.С. Горбачева, важно подчеркнуть, что именно признание приоритета общечеловеческих ценностей, которые по определению включали в себя и универсальные права человека, составляло силу и значение этой концепции. Важными были также и практические дела – возвращение А.Д. Сахарова из горьковской ссылки, освобождение политзаключенных, существенное ослабление цензуры, а также, с другой стороны, создание в МИД СССР Управления по международному гуманитарному сотрудничеству и правам человека, а в ЦК КПСС – сектора по правам человека [Барсенков 2017].

Все это сегодня – уже политическая история. Но это и наш опыт, уроки которого могут помочь нам не делать новых ошибок сегодня, когда необходимость развития реального глобального управления становится все сильнее и сильнее. Поэтому в настоящей статье рассмотрим возможные пути к этому в аспекте реформирования Организации Объединенных Наций.

Организация Объединенных Наций, созданная 75 лет назад, оказалась за прошедшие годы успешным инструментом, чтобы предотвратить третью мировую войну, сделать определенные шаги по пути признания универсальности прав человека, а также актуализировать цели устойчивого развития стран нашей планеты [70-летие 2015]. На рубеже нового тысячелетия в рамках ООН удалось сформулировать конкретные планы – Цели развития тысячелетия (миллениума), существенная часть которых оказалась за прошедшие 15 лет выполненной [Цели 2015]. В то же время сегодня возникает все больше вопросов по поводу принятия оперативных решений в случае возникновения критических ситуаций в различных регионах нашей планеты. Одним

из вопросов, вызывающих постоянные споры и обсуждения в ООН, является проблема силового вмешательства ООН в случае массовых нарушений прав человека в конкретных странах – например, в Руанде и Косово в 1990-х гг.

Эти обстоятельства, а также чрезмерная бюрократизация структур ООН и сложный характер принятия обязательных решений уже много ставит в повестку дня вопрос о реформировании ее деятельности. И одним из наиболее острых вопросов является проблема реформирования деятельности Совета Безопасности ООН, включая и статуса пяти постоянных членов ООН и их права вето на его существенные решения. Действительно, подобное право вето пяти государств сегодня является явным рудиментом прошлого века, ситуации 70-летней давности, когда эти страны представляли пять держав-победительниц во Второй мировой войне. Почему эти страны и сегодня – в 2020 г. – поставлены в столь исключительное положение, понять очень сложно. В результате эффективность этой организации во многих отношениях снижается, прежде всего, в условиях противостояния интересов стран – членов Совета Безопасности.

Тема реформирования деятельности ООН является предметом внимания многих российских исследователей (в этом тексте мы остановимся только на российских работах), приведем здесь лишь пять из них, непосредственно посвященных этой теме [Гришаева 2007; Злоказова 2008; Зверев 2013; Юрченко 2017; Паламаренко 2018]. Однако при чтении этих и многих других работ, когда доходишь до конкретных предложений по реформе СБ ООН, возникает ощущение «дежавю» – что это уже читал. Так, Л.Е. Гришаева в 2007 г. пишет: «Нельзя допустить нанесения ущерба нынешнему статусу России как постоянного члена Совбеза. Необдуманное расширение состава Совбеза и пересмотр права вето вызовет разрушение всей организации» [Гришаева 2007: 51–52]. Спустя еще пять лет П.Г. Зверев также во главу угла ставит необходимость сохранения привилегий поста постоянного члена Совета Безопасности: «И коль скоро российской дипломатии после распада Советского Союза удалось сохранить место постоянного члена Совета Безопасности за Россией – ключевой пост в ООН, дающий важные привилегии, но и требующий огромной ответственности, руководству страны необходимо приложить все усилия для восстановления международного авторитета России» [Зверев 2013: 54]. Еще пять лет спустя, в 2018 г., проблемам реформирования ООН была посвящена кандидатская диссертация Р.Ю. Паламаренко. Среди положений, выносимых на защиту, автор указывает: «На современном этапе развития международных отношений в интересах международного мира важнейшей задачей становится сохранение действующего состава Совета Безопасности ООН... Конкретный интерес России в вопросе возможного реформирования Совета Безопасности ООН заключается в сохранении своего привилегированного

статуса и в недопущении пересмотра принципа вето» [Паламаренко 2018: 15–16].

Мы видим практически повторяющиеся тезисы о необходимости сохранения привилегированного статуса России. Тест диссертации Р.Ю. Паламаренко содержит, как и полагается, формулировку теоретических основ проводимого им диссертационного исследования, где он, в частности, указывает: «Методология научной школы политического реализма применяется при анализе целей, интересов и стратегий акторов, что позволило выявить соотношение сил между ведущими и второстепенными игроками при выдвигании тех или иных инициатив по реформированию» [Паламаренко 2018: 13].

Иначе говоря, получен ответ о причинах одинаковых выводов о путях реформ Совета Безопасности ООН – авторы этих исследований исходят из школы политического реализма, которая изначально не предполагает возможности неких общечеловеческих ценностей, для этой школы концепция «нового мышления» по определению неприемлема. И действительно, если в международных отношениях значимы лишь национальные интересы, то и все международные организации, включая ООН, – лишь площадки для переговоров, и не более того. Ценности же устойчивого развития и тем более наличие неких универсальных прав человека – лишь риторика, прикрытие для реализации национальных интересов.

Если же анализ возможных путей реформирования ООН вести на основе одного из вариантов либерального подхода, то представляется возможным в качестве одной из наиболее актуальных мер по усилению эффективности ООН как органа глобального управления предложить вернуться к вопросу о прямых выборах членов Генеральной ассамблеи, например на основе определенных квот для стран с разным количеством населения, и тогда уже сама Генеральная Ассамблея будет избирать Совет Безопасности, как это предлагали более 60 лет назад Г. Кларк и Л. Сон [Кларк, Сон 2002]. На наш взгляд, это стало бы реальным шагом на пути превращения ООН в орган глобального управления.

Если не вести работу в этом направлении, то с неизбежностью будут создаваться другие центры принятия решений на глобальном уровне и отдельные страны или группы – это имело место в Ираке и в Косово. Предлагаемый путь долг и сложен, но идти по нему необходимо, и здесь нужны инициативы как от российского, так и от международного экспертного сообщества.

Однако уже сегодня возможно более активное участие в принятии решений ООН других акторов мировой политики – неправительственных организаций, бизнес-структур, а также представителей экспертного сообщества [Иванова, Иванов, 2012; Москальчук 2016; Лебедева, Харкевич 2018]. В этой связи стоит вспомнить позицию академика А.Д. Сахарова, который еще

в 1971 г. предложил создать под эгидой ООН Международный консультативный комитет экспертов по юридическим, социальным, экологическим проблемам и по проблеме разоружения из авторитетных и беспристрастных лиц с правом обязательного получения обоснованных ответов по запросам и рекомендациям от всех правительств. Статут совета и процедура, определяющая его состав, должны обеспечивать максимальную независимость от интересов отдельных государств и групп государств [Сахаров 1990: 27]. Такой комитет до сих пор не создан, – возможно, и здесь также необходимы совместные усилия.

При этом экспертное знание в ООН бесспорно используется; проблема в том, что кандидатуры экспертов по всем направлениям представляет руководство соответствующих стран. Поэтому велика вероятность того, что правительства стран с авторитарными (а возможно, и иными) режимами будут представлять лишь кандидатуры лояльных к этим правительствам экспертов аналогично тому, как формируются сегодня в России экспертные советы на уровне региональных правительств [Сунгуров 2020; Сунгуров и др. 2020]. Необходимы другие каналы включения независимых экспертов в работу ООН и иных международных организаций, в том числе посредством упомянутых выше эпистемических сообществ. Обсуждаемые изменения в структуре и деятельности ООН не исключают также других направлений выхода за пределы национальных государства: так, например, О.С. Волгин пишет о необходимости развития наднациональной демократии [Волгин 2017].

Подводя итоги, можно заключить, что подходы к международным отношениям, заявленные более тридцати лет назад в рамках концепции нового политического мышления, далеко не исчерпали свою эвристическую силу, особенно если учитывать всю палитру идей и концепций, частично кратко рассмотренных в настоящей статье, близких по духу концепции нового мышления. Представление о единстве и целостности нашей человеческой цивилизации, наличие общечеловеческих ценностей может оказаться сегодня плодотворным подходом в совместном решении сложных проблем современного «постковидного» мира, включая возможные пути реформирования ООН, и стать реальной альтернативой тенденции суверенитизма.

Источники

70-летие Первой ассамблеи ООН и современные вызовы международной безопасности. 2015. М.: Институт Европы РАН.

Алексеева-Карневали О. 2020. *Точка инфлексии: мир после пандемии COVID-19.* – Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/global-governance/tochka-infleksii-mir-posle-pandemii-covid-19/> (дата обращения: 08.08.2020).

- Бабосов Е.М. 1992. Боль Чернобыля. – *Социологические исследования*. № 6. С. 14–21.
- Барановский В. 2019. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 5. С. 7–23. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23>.
- Баренбойм П., Захаров А. 2010. *Пакт Рериха в XXI веке*. – М.: Летний сад.
- Барсенков А. 2017. Новое мышление Горбачева. – *Сайт «Живая история»*. № 5. URL: <http://lhistory.ru/statyi/novoe-myshlenie-gorbacheva> (дата обращения: 08.08.2020).
- Бестужев-Лада И.В. 1984. *Поисковое социальное прогнозирование. Перспективные проблемы общества*. М.: Наука.
- Бестужев-Лада И.В. 1998. *Перспективы трансформации России: экспертный сценарно-прогностический мониторинг*. М.: Изд-во МГУ.
- Большой российский энциклопедический словарь*. 2006. М.: Большая российская энциклопедия.
- Брутенц К.Н. 2005. *Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке*. М.: Международные отношения.
- В.И.Вернадский: pro et contra. Антология литературы о В.И. Вернадском за сто лет (1898–1998)*. 2000. СПб.: РХГИ.
- Вернадский. В.И. 1989. *Биосфера и ноосфера*. М.: Наука.
- Вернадский В.И. 1991. *Научная мысль как планетное явление*. М.: Наука.
- Волгин О.С. 2017. О наднациональной демократии. – *Право и управление. XXI век*. № 1 (42). С. 37–44.
- Глобальные и региональные проблемы безопасности и перспективы сотрудничества: сборник научных статей*. 2018. СПб.: Медиапир.
- Горбачев М.С. 1987. *Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира*. М.: ИПЛ.
- Горбачев М.С. 1995. *Жизнь и реформы*: в 2 кн. Кн. 1. М.: Новости.
- Гришаева Л.Е. 2007. Реформа ООН – выход из кризиса. – *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. № 4. С. 47–59.
- Громько А., Ломейко В. 1984. *Новое мышление в ядерный век*. М.: Международные отношения.
- Дунаевский И. 2020. Жизнь после Ковид. – *Российская газета. Федеральный выпуск*. № 92 (8146). 27 апреля. URL: <https://rg.ru/2020/04/27/eksperty-iz-ssha-i-evropy-rasskazali-kak-izmenitsia-zhizn-posle-pandemii.html> (дата обращения: 08.08.2020).
- Зверев П.Г. 2013. К вопросу о необходимости реформы Организации Объединенных Наций и роль России в этом процессе. – *Московское научное обозрение*. № 5 (33). С. 41–44.

Злоказова Н.Е. 2008. Реформа Совета Безопасности ООН: основные сценарии и проблемы. – *Вестник ВГНА*. № 2. С. 1–13.

Иванова Е.Н., Иванов В.И. 2012. Взаимодействие международных неправительственных организаций с ООН и межправительственными организациями. – *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. № 19 (99). С. 57–67.

Илларионов А. 2020. Как Китай воевал с коронавирусом на Уханьском рынке морепродуктов. URL: <https://echo.msk.ru/blog/aillar/2645973-echo/> (дата обращения: 08.08.2020).

Капустин А, Баренбойм Б, Захаров А., Кравченко Д. 2014. *Пакт Рериха как основа новой Конвенции ООН о защите культурных ценностей*. М.: ЛУМ.

Кларк Г., Сон Л.Б. 2002. Достижение всеобщего мира через мировое право. Два альтернативных плана. – *Теория международных отношений: хрестоматия*. М.: Гардарики. С. 115–131.

Кузнецов Е. 2020. Три болезни цивилизации, которые обострил коронавирус. – *Форбс*. 14 апреля. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/398231-tri-bolezni-civilizacii-kotorye-obostril-koronavirus> (дата обращения: 08.08.2020).

Лебедев М.А. 2004. Научиться мыслить по-новому: о происхождении Пагуошского движения ученых. – *Мир и согласие*. № 1 (21). URL: <http://www.pugwash.ru/publications/manifest/409.html> (дата обращения: 08.08.2020).

Лебедева М.М. 2019. Современные мегатренды мировой политики. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 9. С. 29–37. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37> (дата обращения: 08.08.2020).

Лебедева М.М., Харкевич М.В. 2018. Роль бизнеса в трансформации политической организации мира. – *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 11. № 1. С. 34–51. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-1-34-51> (дата обращения: 08.08.2020).

Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й., Беренс III Вильям. 1991. *Пределы роста*. М.: Изд-во МГУ.

Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. 1994. *За пределами роста. Учебное пособие*. М.: Прогресс, Панагея.

Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. 2007. *Пределы роста. Тридцать лет спустя*. М.: Академкнига.

Михайлова О.В. 2018. Эпистемические сообщества в процессе продвижения идей в повестку дня государственного управления. – *Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология*. № 46. С. 167–175. Doi: 10.17223/1998863X/46/19.

Москальчук Е.И. 2016. *Российские неправительственные организации как субъект международной консалтинговой деятельности. Автореф. дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.05.* СПб.

Наумов Г.Б. 2014. *Три синтеза космоса. Владимир Вернадский: история жизни и мысли.* М.: URSS.

Никитин А.И. 2018. Современный миропорядок: его кризис и перспективы. – *Полис. Политические исследования.* № 6. С. 32–46. URL: <https://doi.org/10.17976/pps/2018.06.03> (дата обращения: 08.08.2020).

Ноосферология: наука, образование, практика. 2008. Симферополь: Предприятие «Феникс».

Паламаренко Р.Ю. 2018. *ООН в XXI веке: проблемы реформирования. Дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04.* Москва.

Пандемия как вызов и новое мышление в XXI веке. Доклад. 2020. М.: Международный фонд социально-экономических и политологических исследований («Горбачев-фонд»). URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/doclad_gf_16_06_20.pdf (дата обращения: 08.08.2020).

Пантин В.И., Лапкин В.В. 2018. Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку. – *Полис. Политические исследования.* № 6. С. 47–66. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.04> (дата обращения: 08.08.2020).

Печчеи А. 1980. *Человеческие качества.* М.: Прогресс.

Печчеи А. 2020. *Архитекторы мира. Записки Римского клуба.* М.: Родина.

Полынов М.Ф. 2012а. М.С. Горбачев и новое политическое мышление: истоки, основные идеи, результаты. – *Новейшая история России.* № 2. С. 136–152.

Полынов М.Ф. 2012б. «Новое политическое мышление»: возникновение и основные идеи. – *Общество. Среда. Развитие.* № 1 (22). С. 84–89.

Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. 1997. М.: УРСС.

Рыжов Ю.А., Лебедев М.А. 2003. Пагуош. – *Международная жизнь.* № 8. С. 52–59.

Сахаров А. 1990. *Мир, прогресс, права человека: статьи и выступления.* Л.: Советский писатель.

Стецко Е.В. 2012. Глобальное управление и роль неправительственных организаций в его становлении. – *Общество. Среда. Развитие.* № 4. С. 110–115.

Сунгуров А.Ю. 1988. *Радиобиология клеточной поверхности.* М.: ВИНТИ.

Сунгуров А.Ю. 2000. Миропорядок в XXI веке: суверенитет государства и защита прав человека. – *Миропорядок после Балканского кризиса. Новые реальности меняющегося мира.* М.: Добросвет. С. 82–93.

Сунгуров А.Ю. 2008. Концепция ноосферы и становление гражданско-общественного общества. – *Ноосферология: наука, образование, практика*. Симферополь: Предприятие «Феникс». С. 360–380.

Сунгуров А.Ю. 2020. *Экспертные сообщества и власть*. М.: Политическая энциклопедия.

Сунгуров А.Ю., Дубровский Д.В., Карягин М.Е., Тиняков Д.К. 2020. Общественно-консультативные советы как форма вовлечения экспертного знания в процесс политико-управленческих решений (на примере г. Санкт-Петербурга). – *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 2. С. 7–31.

Тормошева В.С. 2017. Акторы современного политического пространства в контексте транснационализации. – *Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология*. № 37. С. 167–175. URL: <https://doi.org/10.17223/1998863X/37/28> (дата обращения: 08.08.2020).

Фесенкова Л.В. 2008. Ноосферное мышление и современная экологическая ситуация. – *Высшее образование в России*. № 1. С. 142–147.

Фесенкова Л.В. 2018. Утопизм в современных представлениях о мире: концепция ноосферы. – *Культурное наследие России*. № 4. С. 9–14.

Фукуяма Ф. 2020. *Пандемия и политический порядок*. URL: <http://www.eedialog.org/ru/2020/07/15/fukujama-pandemija-i-politicheskij-porjadok/> (дата обращения: 08.08.2020).

Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год. 2015. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (дата обращения: 08.08.2020).

Черная быль академика Легасова. 2017. – *Комсомольская правда*. № 27381. 26 апреля. URL: <https://www.mk.ru/social/2017/04/25/kak-ubivali-akademika-legasova-kotoryu-provel-sobstvennoe-rassledovanie-chernobylskoy-katastrofy.html> (дата обращения: 08.08.2020).

Чернобыльская катастрофа (1986 г.). 1998. – *Катастрофы конца XX века*. М.: УРСС, 1998.

Чернобыльская трагедия. – Комсомольская правда, лучшие материалы. URL: https://www.kp.ru/best/msk/chernobyl_tragedy/ (дата обращения: 08.08.2020).

Юрченко М. 2017. ООН – 70: проблемы реформирования. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 5. С. 88–98.

Haas P.M. 2011. Epistemic Communities. – *IPSA Encyclopedia of Political Science*. New York, NY: Sage. P. 787–791.

“*New Authoritarianism in Asia*”. – *FES-APISA-Ewha Conference*. 2016.
URL: https://www.apisa.org/ewha2016/Ewha_2016_concept.pdf (accessed:
08.08.2020).

Sabatier P.A. 1998. The advocacy coalition framework: revisions and relevance for Europe. – *Journal of European Public Policy*. Vol. 5. N 1. P. 98–130.

Slaughter A.-M. 2004. *A New World Order*. Princeton: Princeton University Press.

Носков Михаил

Разбалансировка. Соотношение «свободы» и «справедливости» в ситуации пандемии (COVID-19) на примере Российской Федерации

Носков Михаил Юрьевич –

студент 3-го курса

Санкт-Петербургского филиала

Национального исследовательского

университета

«Высшая школа экономики»,

Санкт-Петербург.

Для связи с автором:

myunoskov@edu.hse.ru

Для цитирования:

Носков М.Ю. Разбалансировка.

Соотношение «свободы» и «спра-

ведливости» в ситуации пандемии

(COVID-19) на примере Российской

Федерации // Публичная политика.

2020. Т. 4. № 2.

[https://doi.org/10.31856/](https://doi.org/10.31856/jpp/2020.2.3)

[jpp/2020.2.3](https://doi.org/10.31856/jpp/2020.2.3)

Аннотация

В статье рассматривается вопрос соотношения категорий «свобода» и «справедливость» во время пандемии COVID-19. Теоретическая часть исследования базируется на теории справедливости Дж. Роулза, суть которой состоит в том, что мы хотели бы иметь равные права и свободы при наличии равенства возможностей и одновременного отсутствия неравного распределения благ между членами общества. Особое внимание уделяется потенциальному балансу между данными категориями «свобода» и «справедливость», последствиям его нарушения и методам сохранения во время кризисных ситуаций, таких как пандемия коронавируса. Обсуждение основано на практике Российской Федерации, которая принимала активные меры по противодействию распространения коронавируса.

С опорой на теоретические и практические примеры утверждается, что во время пандемии COVID-19 в России баланс между «свободой» и «справедливостью» был кардинально нарушен. Раскрываются меры, принятие которых во время кризисных общественных ситуаций могло бы сохранить баланс между «свободой» и «справедливостью».

Ключевые слова: свобода, справедливость, коронавирус, теория справедливости Дж. Роулза.

Noskov Mikhail

Imbalance. The ratio of “freedom” and “justice” in a pandemic situation (COVID-19) on the example of the Russian Federation

Noskov Mikhail Yuryevich –

*National Research University
“Higher School of Economics”
St. Petersburg,
3rd year student
St. Petersburg, Russia*

*To contact the author:
myunoskov@edu.hse.ru*

Abstract

The article considers the question of the correlation between the categories of “freedom” and “justice” during the COVID-19 pandemic. The theoretical part of the study is based on the theory of justice of John Rawls. The essence of which is that we would like to have equal rights and freedoms in the presence of equal opportunities and at the same time there is no unequal distribution of benefits among the members of society. Special attention is paid to the potential balance between these categories of “freedom” and “justice”, the consequences of its violation and methods of preservation in the time of crisis situations, such as the coronavirus pandemic. The discussion is based on the practice of the Russian Federation, which has taken active measures to counter the spread of coronavirus. Based on theoretical

and practical examples, it is argued that during the COVID-19 pandemic in Russia, the balance between “freedom” and “justice” was radically violated. The measures that could be taken during crisis social situations to preserve the balance between “freedom” and “justice” are revealed.

Keywords: freedom, justice, coronavirus, a theory of justice of John Rawls.

COVID-19

Пандемия COVID-19 – текущая глобальная пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, вызванная коронавирусом SARS-CoV-2 [Naming 2020]. Вспышка впервые была зафиксирована в китайском Ухане в декабре 2019 г. 30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила эту вспышку чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение, а 11 марта – пандемией [Вступительное слово 2020]

Многие первые заболевшие имели отношение к рынку Уханя, на котором продаются морепродукты, а также птицы, змеи, летучие мыши и сельскохозяйственные животные. Поскольку в ходе расшифровки генома коронавируса в нем были обнаружены составные части, близкие коронавирусам летучих мышей и панголинов, то предполагалось, что на пространстве Уханьского рынка морепродуктов произошла встреча летучих мышей и панголинов, создавшая условия для рекомбинации коронавирусов этих животных. Впервые версия появилась в заявлении городских властей Уханя 31 декабря 2019 г., на следующий день после того, как за выяснение происхождения нового вируса взялось руководство Уханьского института вирусологии [Dennis 2020].

По данным ВОЗ на 30 апреля 2020 г., только 14 стран избежали случаев заражения коронавирусной инфекцией. Десять из них – островные тихоокеанские страны с общим населением чуть больше 1,5 млн человек [В каких странах 2020]. В самом небольшом из них, Науру, живут всего 11 200 человек. Коронавирус стал беспрецедентным явлением по многим аспектам.

Когда дошло до принятия активных мер по противодействию распространения COVID-19, были приняты меры, которые, пожалуй, можно сравнить лишь с мерами, применявшимися на протяжении истории в военное время. Однако до сегодняшнего дня никогда и ни при каком заболевании подобного рода не принималось таких глобальных ограничительных мер, которые бы затрагивали практически каждого человека на нашей планете. По данным на 2 июля 2020 г., чуть менее 100 стран ввели те или иные ограничения, связанные с пандемией. Несмотря на некоторые различия, практически все страны объединяет введение обязательного 14-дневного карантина для граждан, въезжающих в страну.

Необходимо в связи с этим отметить, что еще никогда свобода индивида в ее общемировом виде не казалась настолько шаткой и податливой. В некоторых случаях людям попросту запрещалось выходить из дома на протяжении длительного периода времени, что даже пару веков назад показалось бы неимоверным нарушением всех принципов свободы личности. Пожалуй, еще никогда государства не предпринимали настолько интенсивные меры по ограждению индивидов от вирусного заболевания. Протесты против карантина

вспыхнули в разных частях мира в апреле 2020 г. в ответ на жесткие ограничительные меры властей в связи с пандемией COVID-19. Рассмотрим самые знаменательные случаи.

США

18 апреля массовые протесты против карантина (*stay-at-home order*) прошли в США. Митинги имели место в Мичигане (здесь протесты автомобилистов начались еще 15 апреля [В Мичигане прошли массовые протесты 2020]), Огайо, Техасе, Мэриленде, Кентукки и Висконсине. Как отмечают СМИ, среди протестующих был представлен консервативный электорат Дональда Трампа. Первая акция в Лансинге получила название “Gridlock” («пробка»), поскольку протестующие хотели с помощью автомобилей создать затор [Операция 2020]. Одним из показательных лозунгов протестующих был «Дайте мне право заразиться коронавирусом, но не ограничивайте мою свободу» [Веселовский 2020]. Среди плакатов присутствовал и призыв “reopen” («откройте снова», то есть прекратите изоляцию). Протестующие также утверждают, что карантинные мероприятия способны подорвать экономику и ухудшить материальное положение рядовых американцев. 21 апреля к акции присоединилась Калифорния [В Калифорнии 2020]. В Техасе митингующие раскритиковали деятельность главного инфекциониста страны Энтони Фаучи, который, по их мнению, был ответственен за режим жесткого карантина в стране [Яшлавский 2020].

30 апреля протестующие (400–700 человек) в Лансинге заняли Капитолий штата Мичиган. Пресса обратила внимание, что некоторые протестующие были вооружены винтовками [Вооруженные 2020]. Полиция не препятствовала акции, поскольку в штате разрешено свободное ношение оружия.

Германия

19 апреля появилась информация о несанкционированном митинге против ограничения прав и свобод граждан в условиях карантина, который прошел в Берлине. Число участников митинга не превышало 1000 человек [Вальченко и др. 2020].

Первомай в Берлине прошел под знаком борьбы за конституционные права в условиях карантина. Вначале протестующие собрались на «гигиенический протест» на площади Розы Люксембург, а затем переместились в район Кройцберг. Присутствовали и одиночные пикеты с плакатами: «Маскам – нет», а также попытки провести медитацию в стиле йоги в общественном месте [Забродина 2020].

9 мая протесты против «локдауна» (режима изоляции) расширились. Тысячи человек приняли участие в акции в Штутгарте. Участники держали

социальную дистанцию в полтора метра. В Берлине протест был меньше, но агрессивнее. 3000 человек вышли на Мариенплац в Мюнхене. Около 500 человек призывали отменить масочный режим во Франкфурте-на-Майне [В Германии 2020].

Бразилия

В Бразилии протесты 20 апреля против карантина возглавил сам президент страны Жаир Болсонару, выразив несогласие с позицией парламента и некоторых губернаторов, которые пошли на жесткие меры для борьбы с эпидемией коронавируса [Президент 2020].

COVID-19 в России

Рассмотрим далее в хронологической последовательности развитие коронавируса на территории РФ, а также какие меры предпринимались властями для ограничения распространения вируса.

Хронология. Ключевые даты

24 января 2020 г. были разработаны и запущены в производство первые системы тестирования для обнаружения коронавируса [Совещание 2020].

27 января был создан оперативный штаб для борьбы с COVID-19 под руководством вице-премьера правительства Татьяны Голиковой [Мишустин 2020]. 31 января штаб утвердил Национальный план по предупреждению завоза и распространения коронавирусной инфекции [В России разработали 2020; О национальном 2020].

28 января Российский союз туриндустрии официально закрыл въезд организованных туристских групп из Китая [Ломейко, Фишер 2020], при этом с 26 января сами китайские власти прекратили отправлять организованные группы за границу и аннулировали списки на выезд [Сахаров 2020].

18 марта вступили в силу ограничения на въезд в страну иностранных граждан и лиц без гражданства. Подобная мера, по словам главы Правительства РФ Михаила Мишустина, соответствует рекомендациям Всемирной организации здравоохранения [Россия 2020].

С 30 марта в рамках борьбы с распространением инфекции Россия полностью закрывает свои границы как для россиян, так и для иностранных граждан. Исключения предусмотрены лишь для крайне ограниченной категории лиц [Полякова 2020].

2 апреля президент России в своем новом телеобращении к гражданам сообщил о продлении периода нерабочих дней до 30 апреля [Калюков, Тадтаев 2020]. Вечером того же дня был опубликован указ президента о продлении нерабочих дней и предоставлении главам администраций регионов

России дополнительных прав, в том числе в части ограничений передвижения [Указ Президента 2020].

Ограничительные меры

Власти субъектов Российской Федерации использовали и продолжают использовать различные меры противодействия эпидемии, которые включают ограничение торговли, сферы услуг и посещения общественных мест, режим самоизоляции или карантина и др.

Подобные ограничения были введены в Москве, Нижнем Новгороде и других регионах.

Режим самоизоляции

30 марта премьер-министр Михаил Мишустин попросил власти субъектов Российской Федерации рассмотреть меры, введенные в Москве и Московской области, чтобы изучить возможность ввести аналогичный режим. В итоге к утру 31 марта режим самоизоляции действовал в 26 регионах.

Как и в Москве, разрешается покидать жилище: при обращении за неотложной медицинской помощью; при непосредственной угрозе жизни и здоровью; для поездок на работу (для тех, кто обязан присутствовать); для совершения покупок в ближайшем магазине или аптеке; для выноса мусора; для выгула домашних животных вблизи дома – не далее 100 м от места проживания.

В последующем режим самоизоляции в том или ином виде распространился на всю страну.

Нарушение этого режима могло повлечь административную ответственность по статьям 19.4, 19.5 Кодекса об административных правонарушениях (КоАП) [Петров 2020].

В Москве, однако, городскими властями был принят отдельный закон, предусматривающий наказание нарушителям самоизоляции.

16 мая президент России Владимир Путин поручил правительству и региональным властям сохранить самоизоляцию для лиц старше 65 лет и лиц, страдающих хроническими заболеваниями [Путин поручил 2020].

Пропускная система

Специальные пропуска, позволяющие передвигаться к месту работы в период действия режима самоизоляции, в начале апреля начали выдавать в Кисловодске муниципальным служащим, не переведенным на удаленную работу.

В Москве были введены электронные пропуска, основанные на 16-значных буквенно-цифровых комбинациях, выдача которых началась 13 апреля

[В Москве началась выдача 2020], а 14 апреля стало известно об аннулировании почти миллиона из них: причиной стали некорректные или недостоверные данные, указанные при их оформлении. Пропуска выдавались по заявительному принципу, однако указанные в них данные перепроверялись в последующем [В Москве аннулируют 2020]. 18 апреля власти Москвы сообщили о продлении пропускного режима до 1 мая, а также расширили список мер для борьбы с нарушителями [В Москве продлили 2020]. С 22 апреля в Москве началась автоматическая проверка пропусков при помощи турникетов в метро и камер ГИБДД.

13 апреля в тестовом режиме начали выдавать «цифровые пропуска» власти Ханты-Мансийского автономного округа, причем система должна работать совместно с аппаратно-программным комплексом «Безопасный город», имеющим модуль распознавания лиц [В Югре 2020].

С 16 апреля в Калининградской области всем работающим гражданам необходимо было документально подтверждать свой путь на работу справкой от работодателя. При посещении магазина или аптеки требовалось иметь при себе паспорт или иной документ. Дети до 14 лет должны были перемещаться в сопровождении взрослых [Аксенова 2020].

Подобные меры введены и в других регионах.

Карантин

30 марта 2020 г. из-за эпидемии Астраханская область в соответствии с Федеральным законом «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» ввела карантин [Распоряжение Правительства 2020].

С 18:00 31 марта до 5 апреля жесткий карантин введен в Краснодарском крае. Предусмотрен запрет передвижения на личном автомобиле, исключая поездки на работу по пропуску, а также случаи экстренной медицинской помощи или иные случаи прямой угрозы жизни и здоровью [Белова 2020].

С полуночи 2 апреля карантин ввели в Республике Крым, а на Крымском мосту установили блокпост. По словам главы Республики Крым Сергея Аксенова, предусматривался «стопроцентный досмотр без исключения всего автомобильного транспорта» [Изотов 2020а]. Сотрудники МВД, Росгвардии и Роспотребнадзора должны были проверять весь въезжающий в Крым автомобильный транспорт, а врачи – оценивать состояние здоровья въезжающих, в том числе измеряя температуру. Тем же образом организовывался досмотр железнодорожных пассажиров [Изотов 2020б].

Ранее, 1 апреля, было приостановлено междугороднее автобусное сообщение Республики Крым с Севастополем и Краснодарским краем [Изотов 2020в].

Нарушителям режима карантина грозила уголовная ответственность [Петров 2020].

Обязательное ношение защитных масок

По информации РБК, к 20 мая ношение защитных масок в общественных местах ввели (на всей территории или в отдельных районах обязательно или рекомендательно) все российские регионы, за исключением Республики Дагестан, Республики Калмыкия и Чукотского автономного округа [Калюков, Губернаторов 2020].

В Москве и Санкт-Петербурге ношение масок обязательно с 12 мая.

Обязательное ношение перчаток

В Москве с 12 мая введено обязательное ношение перчаток в общественном транспорте и других публичных местах (наряду с масочным режимом). С той же даты перчатки и маски обязательны в Санкт-Петербурге – на улице и в общественных местах [Евгений Елин 2020].

Аналогичный режим установлен в Республике Татарстан [В Татарстане 2020].

В целом можно сделать вывод, что практически каждый регион РФ с момента начала пандемии на территории Российской Федерации вводил меры по ограничению торговли, сферы услуг и посещения общественных мест, использовал режим самоизоляции или карантина и другие меры. Стоит еще раз отметить, во-первых, масштаб данных мер, во-вторых, их беспрецедентный характер. Те или иные ограничения свободы затронули, пожалуй, каждого гражданина РФ.

Соотношение свободы и справедливости

В данном исследовании я буду отталкиваться от теории справедливости Дж. Роулза. Эта теория сочетает в себе две позиции. С одной стороны, Роулз говорит о том, что можно найти универсальную справедливость (а точнее, выстроить справедливый общественный строй). А с другой стороны, эта справедливость базируется на частных интересах и представлениях о ней. Для этого он прибегает к теории игр, чтобы предсказать действия, стратегии и желания индивидов, дабы потом вывести из них стратегию развития целого общества.

Он предлагает следующий мысленный эксперимент. Представим, что мы собираемся создать сообщество, разработать его законы, базовые принципы и политический строй. При этом нам следует абстрагироваться от того, кто мы есть и при каком общественном строе мы живем или жили до этого. Необходимо представить, что мы находимся в так называемой «оригинальной позиции» или «исходном положении», когда никакого общественного строя еще не существует. Мы же сами как бы находимся за «вуалью неведения», которая скрывает от нас наше собственное общественное положение: наш пол,

гендер, сексуальную ориентацию, расу, вероисповедание, физическое и ментальное здоровье, профессиональные навыки, образование и т. д.

Согласно теории игр, находясь в таком положении неведения, человек предпочтет минимизировать свои риски. Поэтому все захотят выбрать такой строй, при котором у них даже при самом худшем исходе, при самом худшем общественном положении, которое они могли бы занять в выстраиваемой общественной системе, это положение будет лучше, чем наихудшее положение при любом другом строе. При этом разница в доходах, распределении ресурсов и максимально возможном доходе не будет иметь значение, потому что главной задачей станет подстраховка себя на случай наихудшего исхода.

То есть если мы гипотетически сведем всё наше благосостояние к деньгам и разделим общество на три социальных класса: богатых, средних и бедных, – то при выборе социального строя мы будем смотреть только на то, сколько в нем будут получать самые бедные. Они должны получать больше, чем бедные при любом другом строе. И не важно, сколько при этом получают остальные.

На основе идеи об «исходном положении» Роулз формулирует два принципа справедливости, с которыми, по его мнению, согласились бы все разумные индивиды. Первый принцип достаточно прост и широко применяется в демократических странах. Он состоит в том, что все люди должны иметь равные права и свободы.

Второй принцип заключается в том, что социальное неравенство позволено только в случае, когда экономические преимущества для одних людей влекут за собой увеличение благосостояния других. Этот принцип основывается на представлении о справедливости как о честности. Он состоит в том, что люди рассматриваются как рациональные, эгоистичные и незаинтересованные друг в друге. Их должно интересовать только собственное благосостояние, и они не должны посягать при этом на благосостояние других людей. При этом дискриминация по тому или иному признаку индивидам будет невыгодна, тем более что они сами рискуют оказаться в дискриминируемом меньшинстве.

Этот принцип базируется на еще одном важном положении, из которого исходит Роулз. Оно заключается в том, что люди от природы равны, а любое неравное распределение благ и даже талантов является несправедливым, поскольку не зависит от принимаемых индивидами решений, и, по сути дела, оказывается случайным.

Собственно, поэтому второй принцип называется принципом равенства возможностей. Ведь если мои успехи определяются не моими действиями, а обстоятельствами моего рождения, то у меня изначально будет меньше (или больше) возможностей улучшить свое положение и занять более высокую

позицию. То есть у меня будут неравные возможности в сравнении с другими членами сообщества. Таким образом, и сами члены сообщества окажутся неравны между собой. В обществе же, в котором реализуется равенство возможностей, неравенство будет считаться честным, поскольку человек, обладающий большим доходом, заслужил его своим трудом и принимаемыми им решениями.

Обобщая вышесказанное, отметим два принципа, на которых далее будет строиться логика данного исследования: равные права и свободы (конкретизировать этот пункт не имеет большого смысла, так как уже было отмечено, что данный принцип в наше время широко применяется в большинстве стран с демократической формой правления), а также равенство возможностей, то есть любое неравное распределение благ, кроме такого распределения, когда один человек благодаря своим усилиям добился больше другого, будет считаться несправедливым [Финиарель 2020].

Далее в данном исследовании будем считать, что в идеальной ситуации мы должны были бы наблюдать некий баланс между свободой и справедливостью. То есть мы хотели бы иметь равные права и свободы при наличии равенства возможностей и одновременного отсутствия неравного распределения благ между членами общества. И если бы права и свободы индивидов подверглись ограничению в силу тех или иных обстоятельств, принципы справедливости в данном случае были бы соблюдены, что значило бы равномерное распределение благ между членами общества, а также действия всех членов общества по принципу равенства возможностей, то есть успех определяется действиями (здесь стоит вынести за рамки коррупционные действия по типу взяточничества и рассматривать лишь те действия, которые не наносят вреда либо ущерба остальным членам общества, или конкурентам, если говорить экономическим языком).

Проблема исследования

Перейдем к постановке проблемы исследования. Рассматриваться будет пример Российской Федерации.

Учитывая тот факт, что во время пандемии коронавируса, свобода в ее общем виде была радикально ограничена, то насколько был поддержан баланс между свободой и справедливостью, о котором велась речь выше? Для большей ясности приведем здесь еще раз вывод, сделанный на основании теории справедливости Дж. Роулза. Если бы права и свободы индивидов подверглись ограничению в силу тех или иных обстоятельств, а в нашем случае этим обстоятельством стала пандемия коронавируса на территории РФ, принципы справедливости в данном случае были бы соблюдены, что значило бы равномерное распределение благ между членами общества, а также

действия всех членов общества по принципу равенства возможностей, то есть успех определяется действиями

Итак, наблюдалось ли всестороннее и справедливое ограничение свободы для всех и для каждого, – другими словами, были ли блага распределены равномерно в условиях ограничения свободы индивидов?

В конце постараемся ответить также на вопрос о том, что можно было бы сделать для сохранения баланса, если он все-таки был нарушен.

Для ответа на поставленные вопросы рассмотрим два примера.

Пример № 1. Штрафы за нарушение режима самоизоляции

С самого начала пандемии в нашей стране стало понятно, что большинство граждан никакие ограничения самостоятельно соблюдать не намерено. И с этой точки зрения введение штрафов в целях уразуметь население кажется не такой уж и плохой мерой, ведь чем больше людей сидит дома, тем больше вероятность выйти из пандемии быстрыми темпами.

Однако практическое исполнение оставляло желать лучшего. Штрафовали от силы несколько процентов от доли тех, кто нарушал режим самоизоляции. Большинство нарушителей остались безнаказанными, а тех, кого ловили на нарушениях, иногда, прямо скажем, с абсурдной формулировкой, заставляли выплачивать огромные штрафы, и не всегда эта сумма была подъемной для гражданина.

В конце марта Госдума внесла изменения в некоторые статьи Кодекса об административных правонарушениях. Теперь за нарушение самоизоляции – штраф от 1000 до 30 000 рублей, если эти действия не повлекли тяжких последствий. А за повторное правонарушение – от 15 000 до 50 000 рублей. Но если человек инфицирован и не соблюдает предписанный конкретно ему режим или вернулся из эпидемиологически небезопасного региона и не соблюдает обязательного карантина, то это другая статья и другие штрафы – от 15 000 до 40 000 рублей, если никто не пострадал, а если во время «вылазки» из дома кого-то заразили, то от 150 000 до 300 000 рублей [Полозов 2020].

Возникает вопрос о справедливости. По справедливости, если применять подобную систему штрафов при наличии настолько кризисной общественной ситуации, то следовало бы организовать систему, при которой штрафовать будут каждого нарушителя. В наш век цифровых технологий подобные системы не то что разрабатываются, они активно применялись некоторыми странами (в особенности азиатскими странами) во время борьбы с пандемией коронавируса. Для наглядности посмотрим на то, как Южная Корея – одна из немногих стран, которая справилась с пандемией с минимальными потерями, смогла организовать эффективную цифровую систему борьбы с COVID-19.

Южная Корея руководствовалась стратегией тестирования и отслеживания контактов граждан на основе данных мобильных операторов. Если у кого-то из граждан подтверждался COVID-19, все живущие поблизости от зараженного получали текстовые оповещения о необходимости соблюдать карантин. Сообщение было основано на данных о перемещениях заболевшего, которые, в свою очередь, собирались с помощью камер видеонаблюдения и данных об оплате картой. Использовались данные GPS в телефоне и машине, а также записи камер наблюдения с распознаванием лиц совместно с данными о месте покупок по кредиткам.

На сайте Минздрава детально прописана информация о маршрутах заболевших. По заказу правительства разработано несколько приложений для смартфонов. Одно подает сигнал тревоги, если в радиусе 100 м есть место, где был недавно заболевший человек. Другое прокладывает для пешеходов и пассажиров общественного транспорта маршруты по городу, которые не пересекаются с маршрутами недавно заразившихся.

Подобные системы могут эффективно применяться не только для отслеживания заболевших, но и, к примеру, в целях обеспечения безопасности на транспорте.

На основании камер видеонаблюдения с распознаванием лиц в общественных местах можно выявить огромное количество нарушителей, выпишать штраф, что, в свою очередь, положительно скажется как на дальнейшем поведении таких лиц, так и на безопасности остальных пассажиров, которые соблюдают, например, масочный режим и не хотят заразиться. Однако людей штрафовали, по сути, произвольно. Необходимые меры для обеспечения справедливости приняты не были.

Пример № 2. Список отраслей, наиболее пострадавших от пандемии коронавируса

На первый взгляд, это прогрессивная мера, которая в теории должна была помочь бизнесу остаться на плаву путем выделения адресной поддержки, в то время как свобода предпринимательской деятельности была серьезно ограничена.

Практически все предприятия были обязаны перевести часть сотрудников на удаленный формат работы. Но даже эта мера кажется довольно безобидной по сравнению с тем, что предприятиям во многих отраслях экономики попросту запретили работать. Можно привести много примеров, но в основном это были предприятия, связанные со сферой услуг. Это всевозможные фитнес-центры, заведения общепита, развлекательные учреждения по типу кинотеатров и торговых центров. В этих сферах занято огромное количество людей, которые после определенного момента были вынуждены искать

дополнительную работу, так как владельцы уже не могли выплачивать полную зарплату, ведь предприятия простаивали и не приносили прибыль. С другой стороны, даже та помощь, которая должна была быть оказана государством, по мнению абсолютного большинства бизнесменов, оказывалась недостаточной, если она вообще была оказана.

Свыше 4 млн компаний и индивидуальных предпринимателей в России пострадали от распространения коронавирусной инфекции и связанных с ней карантинных ограничений. Об этом говорится в ежегодном докладе бизнес-омбудсмана Бориса Титова, который он направил президенту Владимиру Путину.

«Пандемия COVID-19 в России затронула порядка 4,17 млн компаний и ИП от общего числа 6,05 млн, то есть до 67 % малых, средних и крупных предприятий и ИП», – говорится в докладе. Количество компаний, пострадавших от последствий эпидемии, выведено на основании данных реестра МСП и ЕГРЮЛ. В них учитывалось число малых и средних предприятий по 161 коду общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД), указанного в качестве основного. Причем эти коды определены как обобщение уже признанных правительством пострадавшими кодов ОКВЭД, а также данных уполномоченных по правам предпринимателей в регионах и поступивших обращений.

В докладе отмечается, что малые и средние предприятия, которые столкнулись с падением выручки более чем на 30 %, работают в 65 классах ОКВЭД из 88 существующих. При этом предприниматели жалуются, что не могут получить поддержку, хотя фактически работают в пострадавших от пандемии отраслях. Причина в том, что код ОКВЭД, указанный при регистрации и записанный в государственных реестрах индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП) и юридических лиц (ЕГРЮЛ) как основной вид деятельности, не соответствует виду реально осуществляемой деятельности.

По данным бизнес-омбудсмана, только 26 % опрошенных в ходе мониторинга компаний входит по основному коду ОКВЭД в перечень пострадавших отраслей. Из них лишь 35 % смогли воспользоваться мерами поддержки – это порядка 10 % всех компаний в России. Так, например, зарплатные гранты в размере МРОТ на каждого сотрудника за апрель и май могут получить примерно 1,2 млн малых и средних предприятий, или 29 % от всех нуждающихся, указано в докладе на основании анализа открытых данных ФНС и данных региональных бизнес-омбудсменов. Ранее правительство сообщало, что воспользоваться такой мерой поддержки сможет более 970 тыс. организаций. По оценке ФНС, на субсидию могут претендовать 1,26 млн потенциальных получателей с 4,05 млн сотрудников. Кроме того, большинство мер поддержки не затрагивает вновь созданные малые и средние предприятия,

которых только в официально признанных пострадавшими отраслях более 416 тыс., отмечает Титов. Он предлагает исключить требование о существовании бизнеса более года для предоставления мер поддержки.

Подводя итог, можно отметить, что справедливость при распределении адресной поддержки вновь не была учтена. Несомненно, определенные отрасли были внесены почти моментально – например, сфера пассажирского воздушного транспорта. Однако данный список обновляется до сих пор. Так, только в начале июля, спустя почти три месяца после начала пандемии в РФ, в данный список были включены сферы железнодорожных и водных пассажирских перевозок [Правительство включило 2020]. Перечень отраслей, включенных лишь через пару месяцев, можно продолжать и далее. Выходит, какие-то отрасли получают поддержку моментально, другие же должны ждать месяцами. Возможно, для тех, кто был вынужден покинуть бизнес, а таких было огромное количество, адресная поддержка могла бы кардинальным образом поменять ситуацию.

Что можно было предпринять?

Итак, суть, кажется, понятна. Баланс между свободой и справедливостью действительно был кардинально нарушен по многим направлениям. Однако можно ли было предотвратить подобное развитие событий? Пожалуй, да, и существует огромное количество мер, которые могли бы использоваться для поддержания баланса свободы и справедливости в случае COVID-19, однако были приняты властями лишь отчасти.

Обдуманность действий. При ограничении свободы миллионам, при желании выйти из пандемии как можно быстрее, необходимо по крайней мере стараться штрафовать всех нарушителей. В век цифровых технологий правительство должно в максимально короткие сроки быть способным создавать системы, которые смогли бы быстро оказать посильную помощь в пресечении правонарушений.

Необходимо было и проведение широкого обсуждения как ограничений, так и мер поддержки во всех органах власти, приоритетно в Госдуме, включение в дискуссию максимального количества партий, общественных деятелей, организаций, бизнеса – в общем, требовалось взаимодействие с гражданским обществом, чего сделано не было. По сути, всем распоряжался один специально созданный комитет, что привело к огромному количеству недоработок и ограниченному кругозору на происходящие события.

Грамотное прогнозирование и взвешивание всех рисков. В начале пандемии было твердо сказано, что резервного фонда РФ хватит на несколько лет вперед. Однако никто не спешил выделять из данного фонда то количество денежных средств, которое было так необходимо бизнесу, чтобы остаться

на плаву. Думали, что все обойдется и все сами выкарабкаются. К сожалению, такого не произошло, и затяжки в помощи и невыплаты пострадавшим отраслям со стороны правительства будут сказываться на экономике РФ на протяжении длительного времени.

Использование лучших практик и опыта других стран. В настоящей статье был приведен пример того, как Южная Корея на начальных этапах борьбы с пандемией смогла разработать и эффективно внедрить различные цифровые системы, которые позволили избежать случаев массового заражения, а также способствовали сохранению социальной справедливости в условиях ограничения свобод граждан. Это было ярко продемонстрировано в ходе выборов 15 апреля. Правящий блок во главе с партией «Тобуро» получил 179 мест из 300 кресел в национальном собрании.

Заключение

Хочется отметить, что практически в любой ситуации, как и в ситуации с пандемией, без сомнения, существуют меры, принятие которых способно поддержать баланс между свободой и справедливостью. Как мы, однако, видим, данные меры не всегда принимаются, в связи с чем страдает либо свобода, либо справедливость, как можно убедиться на примере Российской Федерации в условиях борьбы с пандемией коронавируса. Были жестко ограничены права и свободы членов общества, однако при этом наблюдалось отсутствие равенства возможностей и наличие неравного распределения благ между членами общества.

В итоге принципы справедливости не были соблюдены, и можно сказать, что успех определялся действиями, однако не теми, которые мы хотели бы наблюдать, опираясь на теорию справедливости, а в большинстве своем – коррупционными действиями. И здесь уже все зависит от стабильности политического режима. Ведь если российский режим сегодня имеет возможности устоять даже при раскладе полнейшего нарушения мыслимой свободы и справедливости, то с демократиями все может вылиться в куда менее позитивную историю. В связи с этим полезно было бы в дальнейшем провести исследования, которые бы касались ситуации сохранения баланса между свободой и справедливостью в странах с демократическим политическим режимом.

Источники

Аксенова И. 2020. В Калининградской области ужесточаются меры по контролю за передвижениями граждан. – *Вести-Калининград*. 14 апреля. URL: <http://vesti-kaliningrad.ru/v-kaliningradskoj-oblasti-uzhestochayutsya-mery-po-kontrolyu-za-peredvizheniyami-grazhdan/> (дата обращения: 27.11.2020).

Белова И. 2020. В Краснодарском крае введен жесткий карантин. – *Российская газета*. 31 марта. URL: <https://rg.ru/2020/03/31/reg-ufo/gubernator-kubani-vvel-v-krae-zhestkij-karantin.html> (дата обращения: 27.11.2020).

В Германии прошли протесты против ограничений прав из-за коронавируса. 2020. – *DW.COM*. 9 мая. URL: <https://p.dw.com/p/3bzC5> (дата обращения: 27.11.2020).

В каких странах не обнаружен коронавирус SARS-CoV-2. 2020. – *DW.COM*. 30 апреля. URL: <https://p.dw.com/p/3bcP2> (дата обращения: 27.11.2020).

В Калифорнии прошла акция протеста против карантина. 2020. – *Голос Америки*. 21 апреля. URL: <https://www.golosameriki.com/a/protest-in-california-against-stay-at-home-orders/5383222.html> (дата обращения: 27.11.2020).

В Мичигане прошли массовые протесты против усиления карантина. 2020. – *Корреспондент.net*. 16 апреля. URL: <https://korrespondent.net/world/4218247-v-mychyhane-proshly-massovye-protesty-protyv-usyleniya-karantyna> (дата обращения: 27.11.2020).

В Москве аннулируют около миллиона пропусков. 2020. – *РИА «Новости»*. 14 апреля. URL: <https://ria.ru/20200414/1570020424.html> (дата обращения: 27.11.2020).

В Москве началась выдача пропусков на передвижение в городе с использованием личного и общественного транспорта. 2020. – *Эхо Москвы*. 13 апреля. URL: <https://echo.msk.ru/news/2624254-echo.html> (дата обращения: 27.11.2020).

В Москве продлили действие пропускного режима. 2020. – *РИА «Новости»*. 18 апреля. URL: <https://ria.ru/20200418/1570244027.html> (дата обращения: 27.11.2020).

В России разработали национальный план по борьбе с коронавирусом. 2020. – *ТАСС*. 31 января. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7657905> (дата обращения: 27.11.2020).

В Татарстане с 12 мая отменяют пропускной режим. 2020. – *Коммерсантъ*. 10 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4341635> (дата обращения: 27.11.2020).

В Югре ввели цифровые пропуска для контроля режима самоизоляции. 2020. – *РИА «Новости»*. 13 апреля. URL: <https://ria.ru/20200413/1569975262.html> (дата обращения: 27.11.2020).

Вальченко С., Трофименко Д., Петрова М., Микрюков С., Погребной Д., Чижевская Н., Самсонова В., Сорокина К. 2020. Германия: демонстрация против ущемления прав и основных свобод граждан во время пандемии. – *МК Германия*. 19 апреля. URL: <https://www.mknews.de/social/2020/04/19/germaniya-demonstraciya-protiv-ushhemleniya-prav-i-osnovnykh-svobod-grazhdan-vo-vremya-pandemii.html> (дата обращения: 27.11.2020).

Веселовский А. 2020. Дайте мне право заразиться: по США прокатилась волна протестов против карантина. – *НТВ.Ру*. 21 апреля. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2327420/> (дата обращения: 27.11.2020).

Вооруженные протестующие в Мичигане пошли на штурм Капитолия штата. 2020. – *Взгляд*. 1 мая. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fvz.ru%2Fnews%2F2020%2F5%2F1%2F1037383.html> (дата обращения: 27.11.2020).

Вступительное слово Генерального директора на пресс-брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. 2020. – *Всемирная организация здравоохранения*. 11 марта. URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения: 27.11.2020).

Евгений Елин рассказал, как Смольный будет снижать цены на маски. 2020. – *Санкт-Петербургский дневник*. 13 мая. URL: <https://spbndevnik.ru/news/2020-05-13/evgeniy-elin-rasskazal-kak-smolnyy-budet-snizhat-tseny-na-maski> (дата обращения: 27.11.2020).

Забродина Е. 2020. Первомай в Берлине завершился массовыми протестами против карантина. – *Российская газета*. 2 мая. URL: <https://rg.ru/2020/05/02/pervomaj-v-berline-zavershilsia-massovymi-protestami-protiv-karantina.html> (дата обращения: 27.11.2020).

Изотов И. 2020а. Аксенов рассказал о режиме работы блокпоста на Крымском мосту. – *Российская газета*. 1 апреля. URL: <https://rg.ru/2020/04/01/reg-ufo/aksenov-rasskazal-o-rezhime-rabota-blokposta-na-krymskom-mostu.html> (дата обращения: 27.11.2020).

Изотов И. 2020б. В Крыму со 2 апреля введут режим карантина. – *Российская газета*. 1 апреля. URL: <https://rg.ru/2020/04/01/reg-ufo/v-krymu-so-2-aprelia-vvedut-rezhim-karantina.html> (дата обращения: 27.11.2020).

Изотов И. 2020в. Крым отменил автобусы в Севастополь и Краснодарский край. – *Российская газета*. 31 марта. URL: <https://rg.ru/2020/03/31/reg-ufo/respublika-krym-otmenila-avtobusy-v-sevastopol-i-kuban.html> (дата обращения: 27.11.2020).

Калюков Е., Губернаторов Е. 2020. СМИ назвали регионы России с наибольшей нехваткой масок. – *РБК*. 12 мая. URL: <https://www.rbc.ru/society/12/05/2020/5ebab3919a79477c8e369172> (дата обращения: 27.11.2020).

Калюков Е., Тадтаев Г. 2020. Путин из-за коронавируса продлил нерабочие дни до 30 апреля. – *РБК*. 2 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/society/02/04/2020/5e85df929a7947f6488780b4> (дата обращения: 27.11.2020).

Ломейко А., Фишер А. 2020. Россия закрылась от китайских туристов. Но не стала выгонять уже приехавших. – *Телеканал 360°*. 28 января. URL: <https://360tv.ru/news/puteshestviya/rossija-zakrylas-ot-kitajskih-turistov-no-ne-stala-vygonjat-uzhe-priehavshih/> (дата обращения: 27.11.2020).

Мишустин создал штаб для борьбы с коронавирусом. 2020. – *Коммерсантъ*. 27 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4233959> (дата обращения: 27.11.2020).

О национальном плане по предупреждению завоза и распространения коронавирусной инфекции. 2020. – *Правительство России*. 3 февраля. URL: <http://government.ru/news/38907/> (дата обращения: 27.11.2020).

Операция «Пробка». В Мичигане врачам не верят и выступают против карантина. 2020. – *BFM.ru*. 17 апреля. URL: <https://www.bfm.ru/news/441621> (дата обращения: 27.11.2020).

Петров И. 2020. В полиции разъяснили, чем карантин отличается от режима самоизоляции. – *Российская газета*. 31 марта. URL: <https://rg.ru/2020/03/31/v-policii-raziasnili-chem-karantin-otlichaetsia-ot-rezhima-samoizolii.html> (дата обращения: 27.11.2020).

Полозов А. 2020. В КоАП и УК внесены «карантинные» поправки. Кого, за что и какие ждут наказания. – *Znak.com*. URL: https://www.znak.com/20200401/v_koap_i_uk_vneseny_karantinnye_popravki_kogo_za_chno_i_kakie_zhdut_nakazaniya (дата обращения: 27.11.2020).

Полякова В. 2020. Мишустин распорядился полностью закрыть границы России. – *РБК*. 28 марта. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/03/2020/5e7f58fe9a79475dfb4ce184> (дата обращения: 27.11.2020).

Правительство включило новые отрасли в список пострадавших от коронавируса. 2020. – *Lenta.ru*. 28 июня. URL: <https://lenta.ru/news/2020/06/28/korona/> (дата обращения: 27.11.2020).

Президент Бразилии вышел на демонстрацию против карантина. 2020. – *Forbes.kz*. 20 апреля. URL: https://forbes.kz/news/2020/04/20/news-id_223712 (дата обращения: 27.11.2020).

Путин поручил сохранить режим самоизоляции для граждан старше 65 лет. 2020. – *РИА «Новости»*. 16 мая. URL: <https://ria.ru/20200516/1571532197.html> (дата обращения: 27.11.2020).

Распоряжение Правительства Астраханской области от 30 марта 2020 года № 103-Пр «О введении на территории Астраханской области ограничительных мероприятий (карантина)». 2020. – *Российская газета*. 30 марта. URL: <https://rg.ru/2020/03/30/astrahan-rasp103-reg-dok.html> (дата обращения: 27.11.2020).

Россия ограничит с 18 марта въезд иностранцев. 2020. – *РИА «Новости»*. 17 марта. URL: <https://ria.ru/20200316/1568696533.html> (дата обращения: 27.11.2020).

Сахаров А. 2020. Россия перестала принимать группы китайских туристов из-за коронавируса. – *Телеканал 360°*. 28 января. URL: <https://360tv.ru/news/puteshestviya/rossija-perestala-prinimat-gruppy-kitajskih-turistov-iz-za-koronavirusa/> (дата обращения: 27.11.2020).

Совещание по вопросам развития ситуации с коронавирусной инфекцией и мерам по ее профилактике. 2020. – *Президент России*. 7 апреля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63173> (дата обращения: 27.11.2020).

Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2020 № 239. Официальное опубликование правовых актов. 2020. – *Официальный интернет-портал правовой информации*. 2 апреля. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004020025> (дата обращения: 27.11.2020).

Финиарель А. 2020. Теория справедливости. – *Научно-популярный журнал SciencePop*. 1 сентября. URL: <https://sciencepop.ru/chto-takoe-spravedlivost/> (дата обращения: 27.11.2020).

Яшлавский А. 2020. Карантин расколол Америку: люди выходят на митинги против самоизоляции. – *Московский комсомолец*. 19 апреля. URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/04/19/karantin-raskolol-ameriku-lyudi-vyk-hodyat-na-mitingi-protiv-samoizolyacii.html> (дата обращения: 27.11.2020).

Dennis N. 2020. Novel human virus? Pneumonia cases linked to seafood market in China stir concern. – *Science*. 6 July. URL: <https://www.sciencemag.org/news/2020/01/novel-human-virus-pneumonia-cases-linked-seafood-market-china-stir-concern> (accessed: 27.11.2020).

Naming the coronavirus disease (COVID-19) and the virus that causes it. 2020. – *World Health Organization*. 11 February. URL: [https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/technical-guidance/naming-the-coronavirus-disease-\(covid-2019\)-and-the-virus-that-causes-it](https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/technical-guidance/naming-the-coronavirus-disease-(covid-2019)-and-the-virus-that-causes-it) (accessed: 27.11.2020).

Воробьева Елизавета

Влияние эпидемии COVID-19 на президентские выборы в США в 2020 году

Воробьева Елизавета Евгеньевна –

студентка 3-го курса
бакалаврской программы
«Зарубежное регионоведение
и политэкономический анализ»
ИОН РАНХиГС, Москва.

Для связи с автором:
lizvorobyeva@gmail.com

Для цитирования:

Воробьева Е.Е. Влияние эпидемии COVID-19 на президентские выборы в США в 2020 году // Публичная политика. 2020. Т. 4. № 2.
<https://doi.org/10.31856/jpp/2020.2.4>

Аннотация

Работа фокусируется на оценке влияния мер, проводимых в рамках борьбы с эпидемией COVID-19 в США на исход президентских выборов 2020 г. При анализе рассматривается система здравоохранения США в целом и ее недостатки, выявленные в условиях эпидемии. Проводится оценка мер, принятых правительством США и, в частности, президентом Дональдом Трампом, а также предложения кандидата в президенты Джо Байдена для борьбы с коронавирусом. В работе сравниваются предложения кандидатов по реформе здравоохранения и их взгляды на систему. В результате анализа было выявлено, что шансы кандидата от Демократической партии Байдена на предстоящих выборах выше, чем у действующего президента.

Ключевые слова: президентские выборы, США, система здравоохранения, COVID-19, «обамакер», Дональд Трамп, Джо Байден.

Vorobieva Elizaveta

The impact of the COVID-19 pandemic on the 2020 US presidential election

Vorobieva Elizaveta Evgenievna –

*Ranepa Institute for Social Sciences,
Moscow*

3rd year student Moscow Russia

To contact the author:

lizvorobyeva@gmail.com

Abstract

The work focuses on assessing the impact of measures taken to outcome the COVID-19 pandemic in the US on the outcome of the 2020 Presidential Election in the USA. The article features the analysis of the US healthcare system as a whole and its shortcomings identified in the context of the epidemic. The measures that were taken by the US government, and in particular by President Donald Trump, as well as the proposals of presidential candidate Joe Biden to combat the coronavirus are being evaluated. The article compares the candidates proposals for health care reform and their views on the system. The conclusion is that the chances of the democratic candidate Joe Biden in the upcoming election are higher than those of the incumbent president.

Keywords: presidential election, USA, healthcare, COVID-19, Obama-care, Donald Trump, Joe Biden.

Здравоохранение является одной из главных тем предвыборных кампаний кандидатов в президенты США, будучи одной из наиболее спорных сфер в стране. В США отсутствует всеобщая система здравоохранения. Для получения медицинских услуг пациент может воспользоваться страховкой, которая покрывает часть стоимости услуг, или оплатить счет самостоятельно. Одним из главных недостатков системы является дороговизна услуг: средняя цена за три дня, проведенных в больнице, составляет 30 000 долларов. Страхование также имеет множество недостатков: страховые планы постоянно дорожают, 10–20 % взрослого населения остаются незастрахованными [Witters 2020], компании отказывают людям с хроническими заболеваниями или исключают такое лечение из страхового покрытия. С середины XX века государство начало принимать меры, делающие здравоохранение более доступным для населения, а также обсуждался переход к системе всеобщего здравоохранения [A Brief History 2018]. В 1965 г. были приняты законы об оказании неотложной медицинской помощи всем нуждающимся, о страховании работодателями, созданы федеральные программы *Medicare* (для людей старше 65 лет и инвалидов) и *Medicaid* (для людей с низким уровнем дохода).

Одним из самых важных этапов на пути к более доступному здравоохранению стал Закон о защите пациентов и доступном здравоохранении, принятый в 2010 г. и известный как *Obamacare*. Этот закон обязал всех жителей США иметь медицинскую страховку, иначе грозил штраф. Для малоимущих предусматривались субсидированные планы (снижение стоимости для тех, чей доход составляет от 100 до 400 % от Федерального уровня бедности, и льготное страхование для тех, чей доход ниже 138 % от Федерального уровня бедности). Также страховым компаниям запрещалось отказывать заявителям по причине наличия хронических заболеваний. Закон установил «потолок»: при достижении определенной суммы при оплате медицинских услуг застрахованным лицом оставшуюся сумму оплачивает страховая компания вне зависимости от стоимости [111th Congress Public 2010]. После начала действия этого закона в 2013 г. количество людей без медицинской страховки в США уменьшилось с 18 % до 11,9 % к середине 2015 г. [Levy 2020]. В 2018 г. 11,8 млн американцев продолжили участие в программе, а 27 % из всех участников программы делали это впервые [Fact Sheet Health 2020].

Obamacare вызвал множество споров: противники закона упоминали его дороговизну для государства, незаконность навязывания страховок и др. Трамп, став президентом в 2016 г., попытался отменить закон, но на сегодняшний день процесс все еще не завершен. Неудачи в борьбе с *Obamacare* привели к негативным последствиям на промежуточных выборах 2018 г. для республиканцев [Scott 2018]. Конгресс согласился отменить пункт об обязанности американцев покупать страховку и уменьшить субсидии для людей с низким

доходом. Более того, был уменьшен период подачи документов для получения страховки по программе *Obamacare*. Затем вопрос был отправлен в суд. Спикер палаты представителей Нэнси Пелоси призвала президента отказаться от исков против *Obamacare*, так как в условиях пандемии COVID-19 защита, гарантируемая этим законом, крайне важна [Пелоси призвала Трампа 2020].

В настоящее время из-за эпидемии коронавируса в США проблемы американской системы здравоохранения обостряются. Большинство медицинских учреждений в стране нефедеральные, большая их часть частные, остальные принадлежат штату или муниципалитету. Частные и государственные больницы распределены неравномерно, есть крупные города, в которых очень мало государственных больниц: например, в Филадельфии, штат Пенсильвания, таких всего две – федеральная для ветеранов и муниципальная [About PA Hospitals 2019]. Это усугубляет нехватку мест для больных. Не все частные больницы готовы предоставить койко-места людям, которые не могут заплатить за их услуги (в Филадельфии это более 20 % населения) [The State of Philadelphians 2019]. Многие больницы пустуют, но есть и закрытые учреждения. Они обанкротились и перестали работать, но согласны предоставлять места, если правительство оплатит аренду (так поступают муниципальные власти в Лос-Анджелесе). Тот факт, что в США большинство госпиталей не контролируется федеральным правительством, может привести к трагическим последствиям – тысячи заболевших не получают необходимую медицинскую помощь.

Администрация президента Трампа начала предпринимать меры для борьбы с эпидемией уже в январе, когда стало известно о вирусе, но не все из них показали высокую эффективность. 31 января было объявлено о введении чрезвычайной ситуации в области здравоохранения и ограничений на путешествия из Китая. Но при этом сам президент публично преуменьшал опасность эпидемии, говоря, что «всё под контролем», пока ситуация не ухудшилась. В середине марта Трамп публично признал, что ситуация не контролируется, и выделил деньги из федерального бюджета для борьбы с распространением вируса. На момент написания этой статьи США находятся на первом месте в мире по количеству заболевших COVID-19. Президент объясняет это системой тестирования, которая, по его словам, лучше, чем у остальных стран, но, согласно статистике, пропорция проведенных тестов на количество населения меньше, чем во многих других странах [Reported Cases 2020].

Еще одной проблемой является недостаток медицинских товаров и средств защиты. С началом пандемии штаты и федеральное правительство стали соперниками при их закупках, а затем проявилась нехватка товаров

[Whalen et al. 2020]. По просьбе медицинских организаций президент подписал указ, по которому федеральное правительство может регулировать производство некоторых товаров.

Действия Трампа в условиях пандемии могут оказать сильное негативное влияние на результат его участия в предвыборной гонке. Часть его публичных заявлений не соответствуют правде или, более того, являются антинаучными. Например, заявление, что противомаларийные препараты могут быть использованы при лечении COVID-19, вызвало покупательскую панику в США и Европе, а позднее было обнаружено, что применение данных лекарств при лечении вируса повышает вероятность летального исхода [Mehra et al. 2020]. Рекомендация делать инъекции дезинфицирующих препаратов для лечения от вируса стала объектом критики ученых и врачей. Отказ президента продолжить финансирование ВОЗ и обвинение в сокрытии информации о вирусе в Китае также привели к негативной огласке в прессе и падению рейтингов. В апреле в ответ на критику его действий в период пандемии Трамп заявил, что сделал все возможное, и обвинил в проблемах СМИ (за преувеличение проблем и критику), администрацию президента Обамы (за недостаточную подготовку), демократов, ВОЗ, губернаторов, больницы [Phillips 2020]. Такие действия президента можно рассматривать в контексте переноса ответственности за неудачные действия в начале эпидемии на внешние факторы для сохранения собственного электората. Непоследовательность президента и конфликты с учеными и правительствами штатов негативно сказываются на его имидже в условиях предвыборной гонки.

При борьбе с вирусом президент передал большую часть полномочий правительствам штатов, отказал в получении страховки по программе *Obamacare* незастрахованным гражданам. Более того, Трамп не только прекратил финансирование ВОЗ, но заявил о выходе США из организации. Он также подписал указ, благодаря которому уменьшились расходы граждан при тестировании на коронавирус, при профилактике и в дальнейшем при вакцинации. Этот указ также продлил оплачиваемые больничные и увеличил страховку для безработных.

Кандидат в президенты Байден предложил ученым и медикам напрямую общаться с населением, возложить основную ответственность в борьбе с вирусом на федеральное правительство, установить дополнительные выплаты работникам служб жизнеобеспечения, а также налоговые льготы для расходов на здравоохранение в период пандемии для работодателей. Он выступал за разрешение на получение страховки по программе *Obamacare* для ранее не застрахованных.

Взгляды республиканцев и демократов на здравоохранение традицион-но разные. Члены Республиканской партии и их электорат видят систему здравоохранения как отрасль бизнеса. Отмена платы за эти услуги считается нарушением прав работников данной сферы на честную оплату их труда. Демократы, напротив, считают право на доступное здравоохранение важным для граждан в развитом государстве. Именно представители этой партии часто предлагают различные планы по улучшению доступности медицинских услуг. Среди них – *Obamacare*, *Medicare*, *Medicaid* и идея системы здравоохранения с «единым плательщиком» – государством. Единственный кандидат от Демократической партии на выборах 2020 г. Байден предлагает вариант государственного медицинского страхования. Предполагается создание государственной страховой компании, которая будет конкурировать с частными страховщиками. Это достаточно нейтральный вариант, который может удовлетворить и демократов, и республиканцев. Опрос общественного мнения 2020 г. показал, что 44 % американцев поддерживают такую опцию (23 % были против), но так как опрос был проведен до выхода Берни Сандерса из гонки, то, скорее всего, электорат, поддерживающий его предложение – всеобщее здравоохранение (26 %), – поддержат опцию Байдена [Kearney et al. 2020]. Байден также поддерживает сохранение Закона о защите пациентов и доступном здравоохранении. Трамп, напротив, выступает против *Obamacare* и предлагает заменить его другой государственной программой в сфере здравоохранения, которая вынудит страховые компании конкурировать между собой за людей, что приведет к снижению цен.

Предпочтения избирателей также показывают, что действия администрации президента непопулярны. С февраля 2020 г. в опросах общественного мнения процент избирателей, готовых переизбрать Трампа, упал с 45,6 % до 42,4 % – уровня периода импичмента. У Байдена показатели сначала выросли с 50,4 % до 51,2 %, а затем упали до 50,3 %, но в целом он стабильно опережает действующего президента. Также рейтинг одобрения Трампа в период с февраля 2020 г. упал с 49 % до 42 % к середине августа [Biden vs Trump 2020]. С конца мая по конец июня этот показатель составлял 38–39 % [Presidential Approval Ratings 2020]. Несомненно, стоит учитывать влияние прочих факторов (в частности, протестов в США) на данные показатели. Но при рассмотрении этих показателей в период с февраля по май (до начала протестов) данные тенденции сохраняются.

Пандемия COVID-19, несомненно, окажет сильное влияние на политическую ситуацию в США в целом и на президентские выборы 2020 г.

в особенности. Малоуспешные меры администрации Трампа по борьбе с эпидемией, задержка реакции правительства, а также громкие выражения привели к падению рейтингов одобрения президента. В то же время из-за пандемии более социально направленная политика в сфере здравоохранения, присущая Демократической партии, привела к росту количества избирателей, поддерживающих эту партию. Хотя программа единственного кандидата-демократа Байдена и не решает всех проблем, имеющихся в системе, в сравнении с республиканской программой Трампа она более выигрышная.

Согласно опросам общественного мнения, для американцев крайне важно здравоохранение при голосовании – 26 % избирателей сказали, что для них здравоохранение является главным критерием при выборе кандидата в президенты. Также к марту 2020 г. 55 % избирателей поддерживали *Obamacare*, что является историческим максимумом. 85 % поддерживающих – демократы, а 77 % республиканцев не поддерживают этот закон [Kearney et al. 2020].

В условиях эпидемии президент Трамп не сможет опираться на привычные для него способы ведения предвыборной кампании – выступления на массовых партийных мероприятиях. Более того, электорат Республиканской партии (и в частности, Трампа) – пожилые белые мужчины, которым сложнее приспособиться к онлайн-формату избирательной кампании, чем более молодым сторонникам демократов. Однако эпидемия способствует отодвиганию в общественной памяти проблем с импичментом, вмешательством в выборы и конфликтами с другими странами на второй план. Для демократов это возможность привлечь больше избирателей на свою сторону, но они этого не делают. Вместо выдвижения на первый план предвыборной кампании медицины Байден занимается активной критикой действий Трампа, что может от вернуть независимых избирателей.

Сейчас, скорее всего, ситуация мало изменится: даже если действующий президент кардинально поменяет политику или дискурс в сфере здравоохранения, это вряд ли поможет ему на выборах в основном из-за других крупных событий в США, где действия Трампа были крайне непопулярными.

На данный момент можно сказать, что Демократическая партия США имеет большие шансы на победу на президентских выборах. По последним данным, 269 выборщиков готовы проголосовать за Байдена и 122 за Трампа, остальные 147 колеблются (для победы на выборах необходимо 270 голосов) [Biden vs Trump 2020]. Таким образом, если за действующего президента проголосуют все представители колеблющихся штатов, то их позиции сравняются. Но вероятнее всего, хотя бы один такой штат проголосует за Байдена, а это обеспечит ему победу. Правда, сейчас отставание Трампа в предвыборной гонке медленно начинает сокращаться, но как долго такая тенденция будет сохраняться и на сколько он догонит конкурента – сказать нельзя.

Источники

Пелоси призвала Трампа отказаться от иска против «Обамакер». 2020. – *Голос Америки*. 24 марта. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/pelosi-trump-aca/5342131.html>.

111th Congress Public Law 148: Patient Protection and Affordable Care Act. 2010. – *U. S. Congress*.

A Brief History: Universal Health Care Efforts in the US. 2018. – *Physicians for a National Health Program*. 17 April. URL: <https://pnhp.org/a-brief-history-universal-health-care-efforts-in-the-us/>.

About PA Hospitals. 2019. – *The Hospital & Healthsystem Association of Pennsylvania*. URL: <https://www.haponline.org/About-PA-Hospitals/Interactive-Map>.

Biden vs Trump: US Presidential Election Poll Tracker. 2020. – *Financial Times*. 4 September. URL: <https://ig.ft.com/us-election-2020/>.

Fact Sheet Health insurance exchanges 2018 open enrollment period final report. 2020. – *Centers for Medicare & Medicaid Services*. URL: <https://www.cms.gov/newsroom/fact-sheets/health-insurance-exchanges-2018-open-enrollment-period-final-report>.

Kearney A. et al. 2020. KFF Health Tracking Poll – February 2020: Health Care in the 2020 Election. – *Kaiser Family Foundation*. 24 February. URL: <https://www.kff.org/health-reform/poll-finding/kff-health-tracking-poll-february-2020/>.

Levy J. 2020. In U. S., Uninsured Rate Dips to 11,9 % in First Quarter. – *Gallup*. 5 January. URL: <https://news.gallup.com/poll/182348/uninsured-rate-dips-first-quarter.aspx>.

Mehra MR et al. 2020. Retracted: Hydroxychloroquine or Chloroquine with or without a Macrolide for Treatment of COVID-19: a Multinational Registry Analysis. – *Lancet* (London, England) (U. S. National Library of Medicine). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32450107/>.

Phillips A. 2020. Everyone and Everything Trump Has Blamed for His Coronavirus Response. – *The Washington Post*. 31 March. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/03/31/everyone-everything-trump-has-blamed-his-coronavirus-response/>.

Presidential Approval Ratings – Donald Trump. 2020. – *Gallup*. 17 August. URL: <https://news.gallup.com/poll/203198/presidential-approval-ratings-donald-trump.aspx>.

Reported Cases and Deaths by Country, Territory, or Conveyance. 2020. – *Worldometer*. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/>.

Scott D. 2018. Trump's Biggest Midterm Blunder: Embracing Obamacare Repeal. – *Vox*. 7 November. URL: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2018/11/7/18070152/midterm-elections-2018-results-trump-obamacare-repeal>.

The State of Philadelphians Living in Poverty. 2019. – *The Pew Charitable Trusts*.

Whalen J. et al. 2020. Scramble for Medical Equipment Descends into Chaos as U. S. States and Hospitals Compete for Rare Supplies. – *The Washington Post*. 25 March. URL: <https://www.washingtonpost.com/business/2020/03/24/scramble-medical-equipment-descends-into-chaos-us-states-hospitals-compete-rare-supplies/>.

Witters D. 2020. U. S. Uninsured Rate Rises to Four-Year High. – *Gallup*. 30 August. URL: <https://news.gallup.com/poll/246134/uninsured-te-rises-four-year-high.aspx>.

Попов Юрий

Политические изменения в государственном развитии США: традиции и современность

Попов Юрий Аркадьевич –

аспирант кафедры государственного, муниципального управления и политики

Забайкальского государственного университета, г. Чита.

Для связи с автором:
beydina@inbox.ru

Для цитирования:

Попов Ю.А. Политические изменения в государственном развитии США: традиции и современность // Публичная политика. 2020. Т. 4. № 2. <https://doi.org/10.31856/jpp/2020.2.5>

Аннотация

В статье характеризуются социально-политические изменения в государственном развитии США в современный период нарастания пандемии. Отмечено, что существует взаимосвязь политических изменений и политического процесса, даны характеристики нового миропорядка, в том числе динамики американской экономики, пропагандистской деятельности и военно-стратегического развития США.

Ключевые слова: США, политические изменения, COVID-19, политическое лидерство, военно-стратегическое развитие, мягкая сила.

Popov Yuri

Political changes in the state development of the USA: traditions and modernity

Popov Yuri Arkadievich –

*Transbaikal State University,
postgraduate student of
the Department of State, municipal
government and policy, Chita, Russia.*

*To contact the author:
beydina@inbox.ru*

Abstract

The article describes the socio-political changes in the state development of the United States in the modern period of the growing pandemic. Noted that there was a relationship between political changes and the political process, the characteristics of the new world order and describes the dynamics of the American economy, advocacy and strategic development of the USA.

Keywords: USA, political changes, COVID-19, political leadership, military-strategic development, soft power.

Проблему политических изменений актуализирует пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, которая способствует изменению лидерства в современных международных отношениях в связи с тем, что США лидируют по количеству смертей от COVID-19. Оценка изменений с позиции лидерства государства в международных отношениях многообразна. Интерпретации лидерства различны. Так, А.Д. Богатуров определяет страну-лидера следующим образом: «Под “типичным” лидером понимается государство, обнаруживающее объективную способность и выраженную волю, во-первых, навянуть свое видение перспективы международного развития, оптимальных способов обеспечения мира и стабильности другим странам, сообществу государств в целом или какой-то его части; во-вторых, противостоять аналогичным устремлениям других лидеров или игнорировать их, не подрывая при этом основы его собственной выживаемости в политическом и страновом качестве» [Богатуров, Косолапов, Хрусталеv 2002]. В редакционном сборнике под руководством Т.А. Шаклеиной по поводу лидерства отмечено: «Это деятельность, обязательно востребованная со стороны тех, кого лидер собирается за собой вести» [Шаклеина 2002: 445]. Подобное страновое и государственное многообразие в оценке политического лидерства доказывает необходимость его изучения с точки зрения динамики социально-политических изменений США.

Политические изменения – это нарастание нового в структурных и функциональных особенностях политических явлений, что обеспечивает как само воспроизводство, так и обновление общественно-политического процесса в количественном и качественном развитии. Следовательно, «политический процесс» и «политические изменения» связаны между собой. Процесс и изменения в своей взаимозависимости обеспечивают «политическое развитие». Это один из подходов в политологии. Кроме того, существует другой подход, связанный с типологизацией политических изменений, который пролегал по линии «внутрисистемных» или «транзитных» преобразований.

Безусловно, способ политических изменений – это развитие, которое характеризует базовые параметры политических явлений. С другой стороны, наоборот, развитие может быть реализовано через изменения. Такой двухсторонний характер политических изменений содействует повышению соответствия политической системы изменениям в других сферах общественной жизни, совершенствованию ее способностей к применению гибких стратегий и технологий властвования с учетом усложнения интересов различных социальных групп и граждан. Изменения в обществе оценивал Р. Даль, который, ссылаясь на Д. Истона, характеризовал изменения как сложный комплекс процессов по расширению пространства [Даль 1997: 613]. Практика политической жизни в большой мере показывает, что изменения могут расширять

и сжимать пространство. Политические изменения – это изменения во властной регуляции общества, это трансформации политических институтов, обусловленные социальными характеристиками. Данный подход оправдывает концепт «социально-политические изменения». Наша авторская позиция сводится к следующему определению: социально-политические изменения – это наращивание нового в социально-политических областях, разного рода трансформации в экономической, социальной, политической, стратегической сферах. Социально-политические изменения могут носить двухсторонний характер, выполняя как позитивные, так и деструктивные свойства.

Социально-политическое развитие может осуществляться не только как переход из одного политического состояния в другое, качественно более совершенное, от простого к более сложному, но и приобретать регрессивную направленность в целом или в отдельных сферах социально-политической реальности. Следует отметить, что термином «политическое развитие» целесообразно обозначать не однонаправленное развитие. Политическое развитие – процесс, имеющий несколько эволюционных альтернатив, выбор которых зависит от конкретной совокупности влияющих на него факторов. Тем более у политического развития нет единого заданного алгоритма. Таким образом, к политическому развитию не применимы понятия типа «тупиковая ветвь развития». Кроме того, политическое развитие осуществляется не линейно. Исследователи отмечают циклический, волнообразный, дискретный характеры политического развития. Таким образом, политическое развитие можно охарактеризовать как процесс, идущий разными путями с различными конкретными результатами и факторами влияния. Развитие связано с модернизацией. Теория политической модернизации сосредотачивает внимание на анализе «технологии» политических изменений в переходный период. Проведенный анализ политических концептов исследования позволяет отметить, что политические изменения связаны в основном с властными ресурсами и взаимодействуют с политической модернизацией, с ориентацией на устойчивое развитие базового основания.

Ведутся широкие дискуссии о новом миропорядке, о роли и месте в нем Соединенных Штатов, их национальных интересах, целях и методах внутренней и внешней политики в изменившихся условиях. Важным стратегическим преимуществом США остается их выгодное географическое положение, третье место по людским ресурсам после Китая и Индии. К.А. Носкова в статье «Человеческий капитал» США: проблемы иммиграции» отмечает: «По данным исследования отчета JP Morgan “U. S. Recession and Repression Are Only in Our Minds” запас “человеческого капитала” составляет примерно \$ 70 трлн физических и финансовых активов, принадлежащих американским домохозяйствам. “Человеческий капитал” является экономическим достижением,

который неравномерно распределен по всему миру. “Человеческий капитал” достаточно существует в США, но есть огромные запасы, потенциал “человеческого капитала” за пределами Соединенных Штатов» [Носкова 2012]. Данные преимущества США обуславливают приоритет в функционировании индустрии частного военного сектора. Частные военные компании (далее – ЧВК) в конечном итоге превратились в целую индустрию предоставления разнообразных услуг военного характера и стали весьма прибыльным бизнесом. С этой точки зрения злободневность проблемы ЧВК только возрастает и требует тщательного изучения, в том числе с точки зрения политических изменений в США.

США излучают мощное цивилизационное воздействие по всему миру, названное политологом Дж. Наем «мягкой мощью». Речь идет об экспансии американской массовой культуры (голливудских фильмов, телепрограмм, поп- и рок-музыки, стиля поведения и т. п.), глобализации СМИ и информационных систем по образцам США (яркие примеры – Си-эн-эн и интернет). «Мягкая мощь» – самый экономичный способ влияния. Особенно важна роль этого фактора для сверхдержавы, поскольку он делает ее преобладание не только многомерным, но и более приемлемым, «легитимным», а следовательно, гораздо более устойчивым. Кроме того, «мягкую мощь» (в отличие от «жесткой») невозможно уравновесить совместными усилиями других государств, а ее значение растет во внутренней политике США в связи с дискредитацией института президентства.

По силе воздействия на политический процесс в США ничто не сравнится с американским лоббизмом. Это явление политической жизни в США, в отличие от других государств, достигло небывалого масштаба и влияния. Причина тому политическое устройство США, в котором изначально заложено наличие так называемых «точек доступа» – рычагов влияния на принятие политических изменений. «К концу XX – началу XXI в. отмечается резкое увеличение числа лоббистских организаций, изменение направленности лоббистской деятельности (помимо воздействия на законодательную и исполнительную власти, лоббисты все больше апеллируют к общественному мнению)»¹.

Таким образом, существует взаимосвязь политического процесса и политических изменений в США. Динамика политических изменений в США связана с функционированием ЧВК, мягкой мощью, развитием лоббистских организаций. Действуют как внешние, так и внутренние факторы, которые влияют на социально-политический процесс в США. При характеристике социально-политических изменений необходимо отметить, что США

¹ Субъекты и механизмы современного политического процесса в США. URL: <http://www.dissercat.com/content/subekty-i-mekhanizmy-sovremennogo-politicheskogo-protssessa-v-ssh/>.

обладают набором как твердых, так и мягких ресурсов на всех первостепенных полях мировой конкуренции. Из твердых ресурсов, помимо ЧВК, необходимо отметить повышение роли американского государства в сотрудничестве с экстремистскими оппозиционными силами по смене политических режимов для продвижения своих интересов, «гибридные войны», использование санкций по отношению к неугодным странам. Мягкая мощь подкреплена идеологическими ресурсами США. Именно эта многомерность американского преобладания дает им решающее преимущество над другими державами.

Расширение глобальной инфраструктуры, военного присутствия США и наращивание потенциала «проецирования мощи» – важные составляющие общей переориентации военно-политической стратегии страны с условий биполярного мира на «однополярный», в котором США, опираясь на свою военную мощь и вооруженные силы союзников, фактически берет на себя ответственность за «поддержание порядка» во всех основных регионах мира. США постоянно переходят к более новым сверхтехнологиям, использование которых возможно лишь при сочетании с информационными технологиями. По данным Е. Эшби: «Американская экономика характеризуется комплексным развитием современных производственных отраслей, инновационными технологиями, высоким уровнем занятости населения и образования» [Ashbee 2010: 252].

Основную часть промышленного производства США составляют Северные районы, включая крупнейшие промышленные центры: Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфию, Бостон. Около 15 % общего производства приходится на юго-восточную часть США с крупнейшим центром Атланта. Побережье Мексиканского залива с крупнейшим промышленным центром – Хьюстоном – производит около 13 % общей промышленности. Также около 12 % производится на западном побережье США, в штате Калифорния. Здесь следует отметить промышленные центры Сан-Франциско и Лос-Анджелес.

Показав значимость экономики США и масштабы ее изменений, мы выделяем доминирующий экономический показатель сравнения США и КНР. Из него вытекает военный параметр доминирования. В работе «Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство» Зб. Бжезинский пишет: «Американская мощь достигла беспрецедентного уровня, о чем свидетельствует глобальный охват военных возможностей Америки и ключевое значение ее экономической жизнеспособности. Все это придает Америке не имеющий аналогов политический вес глобального масштаба» [Бжезинский 2004: 7]

На государственное устройство воздействует пропагандистская деятельность как средство манипулирования, реализуемая через содержание идеологии. Уникальная Конституция США основывалась на историческом опыте молодых американских колоний, отраженном в идеалах Т. Джефферсона,

Дж. Мэдисона, А. Гамильтона и других «отцов-основателей». Конституция США [Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. 1993] состоит из преамбулы и семи основных статей, частью Конституции стали десять поправок под названием «Билль о правах» (“Bill of right”). Первые три статьи Конституции устанавливают формы власти: законодательную (Конгресс, состоящий из Сената и палаты представителей), исполнительную (президент) и судебную (Верховный суд). Автор рассматривает административно-территориальное деление США, которое является фактором, способствующим иерархии государства. «Государство состоит из 50 штатов, которые служат равноправными субъектами федерации, столичного федерального округа Колумбия и зависимых территорий. Каждый штат имеет свою конституцию, законодательную, исполнительную и судебную власти. Большинство названий штатов происходят от названий индейских племен и имен королей Англии и Франции» [Алентьева]. Таким образом, США – страна с многообразным уникальным административным делением, которое может показаться нелогичным и запутанным, однако благодаря именно такому построению государственной власти Америка остается сильным государством с развитой инфраструктурой и высоким уровнем жизни.

На особенности пропагандистской деятельности США влияют политические партии. Очевидно, что основная роль в избирательном политическом процессе принадлежит республиканцам и демократам, попеременно ведущим борьбу за завоевание. На *рис. 1* мы можем наблюдать быстрорастущую тенденцию к увеличению роста так называемых независимых избирателей.

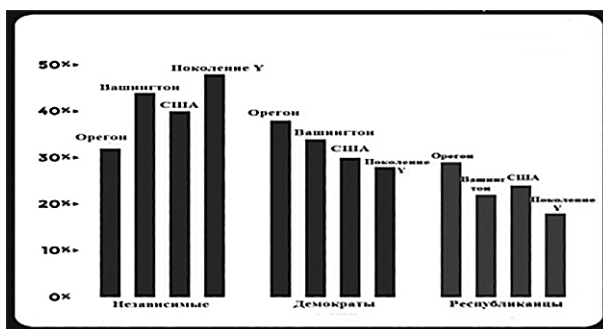

Рис. 1. Показатели роста независимых избирателей в США²

² Pew Research Center. U. S. Politics & Policy. URL: <http://www.people-press.org/2014/06/26/the-political-typology-beyond-red-vs-blue/> (Перевод слов на рисунке осуществлен автором настоящей статьи.)

Разнообразие политических взглядов проявляется и в особенностях пропагандистской деятельности США, ориентированной на манипулирование общественным сознанием и влияние на происходящие изменения в США. Правительство США уделяет большое внимание пропаганде, осуществляемой как государственными органами, так и большим количеством общественных организаций и отдельных лиц с целью не только эффективного снижения градуса социального недовольства, но и формирования государственного имиджа США.

По мнению американского международника Дж. Ная, это осуществляется с помощью экономической и военной мощи, а также массовой культуры, которая понимается широко и включает идеологическую составляющую.

Особое значение для политического уровня США в 2018 г. приобрели три темы:

- безопасность в Европе (в первую очередь в связи с террористическими угрозами);
- развитие событий в Сирии и Ираке, а также динамика противоборства с международным терроризмом;
- политическая и экономическая ситуация на Украине.

«Также важными регионами для США являются страны, с которыми они имеют общие границы, – это Канада и Мексика»³. Канада является развитой страной и партнером США в торгово-экономическом и политическом планах. Она – единственный крупнейший иностранный поставщик энергии в США. Инвестиционные отношения Канады и США – одни из крупнейших в мире. США являются доминирующим иностранным инвестором в Канаде, и Канада – третий по величине иностранный инвестор в США. По свидетельству Бюро восточных дел: «Инвестиции США в Канаду – это инвестиции в горно-металлургические производства, нефтепродукты, химические вещества, производство машин и транспортного оборудования и финансов. Канадские инвестиции в Соединенных Штатах сосредоточены в области финансов и страхования, производства, банковского дела, информации и розничной торговли»⁴. Очевидно, что важным современным ресурсом «мягкой силы» является производственный потенциал. Решоринг (возвращение производства) и локализация производства в США связаны со стремительным развитием робототехники и систем искусственного интеллекта.

В основе динамизма американской экономики лежит глобальное научно-техническое лидерство страны. На ее долю устойчиво приходится около половины затрат и научных кадров «большой восьмерки»; ей принадлежит

³ U. S. Relations With Mexico Bureau of western hemisphere affairs, Fact Sheet. 2015. 8 May. URL: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/35749.htm>.

⁴ Там же.

первенство в мировой передаче высоких технологий и экспорте соответствующей продукции, количестве патентов и изобретений. К началу XXI в. США не только сохранили свое лидерство на ряде важных новых направлений научно-технического прогресса – в создании сверхмощных компьютеров нового поколения, авиаракетной и лазерной техники, ядерных реакторов, в биотехнологиях, – но и укрепили его (прежде всего в развитии и применении новейших информационных технологий).

Инновационной, несмотря на деструктивные функции, является и деятельность ЧВК. Опыт США в использовании ЧВК как средства достижения военных целей и эффективность этого позволяют применять военизированные структуры для продвижения и защиты своих общенациональных целей и задач. На основании проведенного исследования можно с уверенностью сказать, что индустрия ЧВК со временем будет только развиваться и в обозримом будущем не уйдет с мирового рынка предоставления услуг военного характера. Это обусловлено нарастанием напряженности во многих регионах мира, в особенности на Ближнем Востоке и в отношении к России.

Особое положение США связано с тем, что они вошли в XXI в. беспспорным лидером в экономическом и военно-стратегическом плане. Вместе с тем эксперты указывают на то, что формируются политико-экономические предпосылки выстраивания новой иерархии государств. Этот процесс связан прежде всего с продолжающейся социально-хозяйственной глобализацией и ее неравномерным развитием. Война в Ираке подтолкнула к новым сдвигам в политическом миропорядке. Она высветила накопившиеся проблемы в отношениях США с остальным миром, не замеченные ранее риски системного характера, а также ошибки прежних администраций. Она подорвала имидж и репутационный капитал США в мире. Война в Ираке и Афганистане отразилась на экономике США. Она разогнала гонку вооружений, привела к значительному бюджетному дефициту. По оценке Дж. Стиглица, «суммарная стоимость войн в Ираке и Афганистане составила для США 3 трлн долл»⁵. Эти войны заставили США по-новому взглянуть на проблему борьбы с терроризмом и поставить вопрос о приоритетах национального военного строительства.

На оценку перспектив социально-политических изменений США влияют общенациональные социальные проблемы. К их числу относятся: разрыв в уровнях доходов бедных и богатых, «провалы» в системе школьного образования (отсюда высокая доля так называемой функциональной безграмотности населения), трудности с ассимиляцией новых волн иммигрантов (новая миграционная политика Д. Трампа), необходимость реформ здравоохранения, а также государственного социального обеспечения в связи со старением

⁵ США во второй половине XX века – начале XXI века. URL: http://histerl.ru/kurs_sssp/podrobno/sha_vo_vtoroi_polovine_20_veka.htm.

населения. Для анализа социального положения в государстве служит множество показателей. Главный из них – уровень безработицы. В 2016 г. в США он впервые достиг величины 2008 г. – последнего докризисного периода. Сейчас его величина составляет около 5,2 %, но наблюдается тенденция постепенного снижения показателя. Статистические органы США следят за этим показателем, но он усугубляется миграцией. Особенностью современного этапа миграции является преобладание латиноамериканцев (в особенности мексиканцев), – по разным оценкам, они составляют от половины до четырех пятых от числа нелегальных мигрантов.

В США созданы новые государственные институты (Министерство внутренней безопасности, Министерство торговли), а также отмечается нарушение равновесия в системе сдержек и противовесов в сторону возвышения исполнительной власти. Повышение роли исполнительной власти и политического плюрализма является спецификой политических изменений США. Системный подход к проблеме социально-политических изменений США позволил выделить следующие факторы: экономический и политический, в котором доминируют государственные институты и модернизированная двухпартийная система.

Таким образом, сегодня Соединенные Штаты, бесспорно, занимают позицию лидера, обладающего беспрецедентной экономической и военной мощью, широким спектром ресурсов и инструментами влияния на другие страны. США действуют в двух направлениях: применяя как жесткую, так и мягкую силу, используя концепцию управляемого хаоса и цветных революций. Но подъем новых акторов на уровень влияния актуализирует вопрос о смене мирового политического лидера, которому способствует COVID-19.

Источники

Алентьева Т.В. США в новое время: общество, государство и право. URL: <http://search.rsl.ru/ru/record/01002487918>.

Бжезинский З. 2004. *Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство*. М.: Международные отношения.

Богауров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. 2002. *Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений*. М.: НОФМО.

Даль Р. 1997. Полиархия, плюрализм и пространство. – *Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2: Зарубежная политическая мысль XX в.* М.: Мысль.

Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. 1993. – Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / сост. В.И. Лафитский; ред. О.А. Жидков. М.: Прогресс-Универс.

Носкова К.А. 2012. «Человеческий капитал» США: проблемы иммиграции. – *Экономика и менеджмент инновационных технологий*. № 10. URL: <http://profashion.ru/news/159587/>.<http://ekonomika.snauka.ru/2012/10/1334>.

Субъекты и механизмы современного политического процесса в США. URL: <http://www.dissercat.com/content/subekty-i-mekhanizmy-sovremennogo-politicheskogo-protssessa-v-ssha>.

США во второй половине XX века – начале XXI века. URL: http://histerl.ru/kurs_sssp/podrobno/sha_vo_vtoroi_polovine_20_veka.htm.

Шаклеина Т.А. 2002. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002). М.: Институт США и Канады РАН.

Ashbee E. 2010. *The US economy today*. Manchester. New York.

Pew Research Center. U. S. Politics & Policy. URL: <http://www.people-press.org/2014/06/26/the-political-typology-beyond-red-vs-blue/>.

U. S. Relations With Mexico Bureau of western hemisphere affairs, Fact Sheet. 2015. 8 May. URL: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/35749.htm>.

Балаян Александр, Томин Леонид

Цифровая автократия. Институциональная специфика отношений государства и IT-компаний¹

Балаян Александр Александрович –

кандидат политических наук, доцент
департамента политологии и междуна-
родных отношений НИУ ВШЭ – СПб.

Для связи с автором:
alexandr1138@mail.ru

Томин Леонид Владимирович –

кандидат политических наук, доцент
кафедры политического управления
Санкт-Петербургского
государственного университета.

Для связи с автором:
leopolit@yandex.ru

Для цитирования:

Балаян А.А., Томин Л.В. Цифровая
автократия. Институциональная
специфика отношений государства
и IT-компаний // Публичная политика.
2020. Т. 4. № 2.

<https://doi.org/10.31856/jpp/2020.2.6>

Аннотация

Статья посвящена исследова-
нию генеалогии моделей цифровых
автократий как исторической кон-
стелляции экономических, полити-
ческих и технологических факторов.
Они сформировались как ответ на
ряд вызовов: адаптация к трансфор-
мирующейся неолиберальной эконо-
мической системе, сохранение
социально-политической стабильно-
сти в условиях дальнейших рыночных
реформ и реакция на ряд внешнепо-
литических конфликтов.

Ключевые слова: цифрови-
зация, управляемость, автократия,
большие данные, неолиберализм.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФ «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости» № 19-18-00210.

Balayan Alexandr, Tomin Leonid

Digital autocracy. Institutional specifics of relations between the state and IT companies^{*}

Balayan Alexandr Aleksandrovich –

*Associate professor,
Department of Political Science and
International Affairs
HSE Campus in St. Petersburg.*

*To contact the author:
alexandr1138@mail.ru*

Tomin Leonid Vladimirovich –

*Associate professor,
Department of political governance
St. Petersburg University.*

*To contact the author:
leopolit@yandex.ru*

Abstract

The article is devoted to the study of the genealogy of models of digital autocracies as a historical constellation of economic, political and technological factors. They were formed as a response to a number of challenges: adaptation to the transforming neoliberal economic system, the preservation of socio-political stability in the context of further market reforms and a reaction to a number of foreign policy conflicts.

Keywords: digitalization, governability, autocracy, big data, neoliberalism.

^{*} This work was supported with a grant from the Russian Science Foundation (grant 19-18-00210 “Political ontology of digitalization: Study of institutional bases for digital forms of governability”).

Одним из эффектов политики государств по контролю над перемещением населения в условиях пандемии коронавируса стало осознание многими гражданами механизмов мониторинга и контроля повседневной жизни посредством цифровой инфраструктуры [Rule, Cheng 2020]. Экстраординарные меры, предпринятые правительствами, воплотили в реальность алармистские прогнозы итальянского философа Д. Агамбена о «биополитике» как новой формирующейся модели управления и «перманентном чрезвычайном положении» [Agamben 2005].

В последние годы вышло множество работ, посвященных различным негативным эффектам цифровизации: растущему государственному и корпоративному контролю над жизнью граждан [Zuboff 2019; Bloom 2019], растущему экономическому неравенству [Eubanks 2018] и непрозрачности цифровых алгоритмов управления [Pasquale 2015; Bridle 2019]. Большинство подобных исследований посвящено государствам, которые в различных индексах (Polity IV, Freedom House) относят к демократиям. Цифровизация в условиях кризиса неolibеральной политико-экономической модели способствует дополнительному усилению ее технократических (и немажоритарных) практик управления [Майр 2019: 23–27].

Существуют отдельные работы, посвященные китайской системе социального кредита, но пока недостаточно концептуально осмыслен сам феномен использования цифровых технологий различными автократиями (однопартийными, популистскими, электоральными). Одной из центральных тем подобных будущих исследований может стать цифровизация государственного управления и экономики в автократиях. Ряд уже имеющихся работ демонстрирует, что цифровизация дает автократическим и гибридным режимам новые механизмы управления и социального контроля [Морозов 2014; Howard 2011].

В последние годы появляются эмпирические исследования механизмов функционирования цифровых автократий, осуществленные на примерах ряда стран [Burgers, Robinson 2016; Meissner, Wübbecke 2016]. Политологи для именования этой новой модели используют различные названия: «цифровой авторитаризм» (*digital authoritarianism*), «сетевой авторитаризм» (*networked authoritarianism*) [Pearce, Kendzior 2012]. Тема «возвышения цифровых автократий» отмечена как главная в ежегодном докладе организации Freedom House, посвященном свободе интернета (2018 г.) [Freedom on the Net 2018]. События последних лет демонстрируют, что одним из механизмов стабилизации и легитимации режима правящие элиты автократий выбрали управляемую и контролируруемую сверху цифровизацию.

В 1990-е – начале 2000-х гг. в обсуждении цифровизации и влияния интернета доминировала оптимистическая (иногда даже утопическая)

точка зрения. Интернет описывался как децентрализованная (анархическая, ризоморфная) система, формирующая новую прогрессивную модель экономики (открытая, коллаборативная, экологичная) и политики (сетевые модели управления, возрождение прямой демократии). Авторитариям с их системами цензуры в этом цифровом мире не было места, считалось, что они не смогут выжить в условиях свободно циркулирующих информационных потоков. Кибероптимисты полагали, что для либерализации и демократизации необходимо лишь повсеместное распространение интернета и помощь гражданскому обществу [Томин, Балаян 2016: 61–64].

В тот период лишь отдельные исследователи отмечали амбивалентную роль интернета в процессе демократизации политического режима. В 2003 г. Ш. Калатхил и Т. Боас писали: «Основываясь на систематическом исследовании восьми кейсов: КНР, Куба, Сингапур, Вьетнам, Мьянма, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Египет, мы утверждаем, что интернет не обязательно представляет угрозу авторитарным режимам. Некоторые виды использования интернета могут формировать политические вызовы авторитарным правительствам и служить политическим изменениям в будущем. Несмотря на это, другие виды использования интернета укрепляют авторитарное правление, многие авторитарные режимы активно продвигают развитие интернета, служащего интересам, установленным государством» [Kalathil, Boas 2003].

Формирование политико-экономической модели цифровых автократий необходимо рассматривать в связи с особенностями адаптации ряда государств к неолиберализму. Появление цифровых автократий не было результатом изначального плана правящего класса по политическому использованию интернета. Это констелляция множества факторов, связанных с трансформацией неолиберализма и адаптацией к этому стран в различных регионах, с технологическим развитием экономики больших данных и конфликтами на международной арене.

Прежде чем перейти к анализу цифровых автократий, необходимо описать глобальные экономические изменения, сформировавшие цифровую инфраструктуру для экономики больших данных («капитализм платформ», «надзорный капитализм»). В качестве методологической основы для исследования трансформации неолиберализма, формирования платформенной экономики мы используем концепции неомарксистских теоретиков: Н. Срничека, Дж. Б. Фостера, Р. МакЧесни.

По мнению этих авторов, модель «капитализма платформ» (или «надзорного капитализма») стала результатом длительной трансформации капиталистической экономики под воздействием внутренних структурных противоречий. В 1960-е – начале 1970-х гг. в странах капиталистического ядра

произошел значительный спад уровня прибыли в промышленности, в середине 1970-х – 1980-е гг. в ходе неолиберальных реформ началась финансиализация экономики, позволившая поддержать рынки и отложить кризис [Срничек 2019: 18–20]. Произошел фундаментальный сдвиг от экономики, основанной на промышленном производстве, к доминированию финансового сектора. Однако эти меры не стабилизировали экономику в среднесрочной перспективе, финансовый капитал в погоне за прибылью стал создавать пузыри в различных секторах, сделав кризисное состояние перманентным [Foster, McChesney 2014].

Важнейшими структурными предпосылками формирования экономики больших данных были приватизация интернета и дерегулирование рынка телекоммуникаций. В США приватизация интернета проходила в несколько этапов и завершилась только в 1995 г. [Levine 2019: 116–128]. После приватизации National Science Foundation Network интернет-инфраструктура перешла во владение частных компаний. В 1996 г. администрация Б. Клинтона утвердила «Закон о телекоммуникациях», ликвидировавший многие регуляторные меры и ограничения. Итогом изменений стало повышение уровня концентрации во многих сферах. Например, большинство средств массовой информации оказались в руках всего нескольких медиакорпораций (Fox Corporation, AT&T, Comcast, ViacomCBS). В 1999 г. был принят «Закон о финансовой модернизации», в результате произошла еще большая концентрация капитала и финансиализация экономики.

В условиях возросшей финансиализации избыточному капиталу были необходимы новые сферы вложения, одной из них стала интернет-экономика. Первый бум «новой экономики» (1995–2001) продлился недолго – эйфория закончилась, когда лопнул пузырь доткомов. Итогом схлопывания пузыря доткомов стала концентрация и централизация капитала в интернет-экономике, по мечтам о децентрализованной экономике стартапов и небольших компаний был нанесен ощутимый удар. После мирового финансового кризиса 2008 г. IT-компании привлекли огромные объемы инвестиций, позволив на время решить проблему вложения избыточного капитала и поддержки финансового рынка [Срничек 2019: 35–36].

Дж. Б. Фостер и Р. МакЧесни отмечают: «...с конца 2010-х гг. интернет играет ключевую роль в процессе накопления капитала, компании, доминирующие в интернете, являются практически монополиями. Это не означает, что данные компании контролируют все 100 % объема продукции, – скорее, они продают достаточное количество, чтобы контролировать цену продукта и уровень конкуренции. В 2014 г. три из четырех крупнейших американских корпораций (по рыночной стоимости): Apple, Microsoft и Google – были интернет-монополиями. <...> Эти компании используют “сетевые эффекты”,

технические стандарты, патентное право и старые добрые входные барьеры для сохранения своей рыночной власти» [Foster, McChesney 2014].

Основа бизнес-модели платформенных компаний – монетизация пользовательских данных. Их сбор осуществляется посредством продуктов и сервисов, предоставляемых бесплатно (социальные сети, поисковые системы, приложения). Сформировалась интегрированная цифровая инфраструктура, постепенно включающая в себя традиционную физическую инфраструктуру. «В промышленную эпоху экономическая деятельность строилась на физической инфраструктуре, которая представлена железными дорогами, автодорогами и аэропортами. Для цифровых технологий нужна новая инфраструктура – информационная: сети и облачные вычисления. Развитие цифровой экономики расширило понятие цифровой инфраструктуры, включив в него широкополосные, беспроводные сети, а также цифровизацию традиционной физической инфраструктуры – например, установку датчиков на водопроводной магистрали, цифровые системы выключения, цифровые транспортные системы» [Хуатэн и др. 2019: 24].

В последние годы инфраструктура сбора данных стала многоуровневой. На нижнем уровне существуют продукты, способные извлекать данные из повседневной жизни индивидов (смартфоны, «умные часы», фитнес-браслеты). На среднем уровне – так называемый «умный дом» или интегрированная экосистема интернета вещей. Верхний уровень включен в существующие отдельные элементы системы «умных городов» (камеры видеонаблюдения, Wi-Fi, система датчиков).

Цифровая инфраструктура сбора данных является важнейшим маркетинговым инструментом: например, сайты с помощью cookie-файлов отслеживают интернет-серфинг и на основе его анализа предлагают персонализированную рекламу. Одна из проблем сегодня состоит в том, что сложно провести границу корпоративным (коммерческим) и государственным использованием пользовательских данных. На рынке больших данных, помимо платформенных компаний, активно действуют органы государственной власти и близкие к ним дата-корпорации (самый известный пример – Palantir).

Желание собирать данные о поведении и потребительских предпочтениях индивидов само по себе не является отличительной чертой «надзорного капитализма». Журналист и общественный деятель В. Паккард в 1964 г. писал об использовании в рекламных целях различных технологий сбора информации о частной жизни американцев [Packard 2014]. После публикации проблема защиты частной жизни была признана серьезной – был создан специальный подкомитет Конгресса США по проблеме вторжения в частную жизнь (Special Subcommittee on the Invasion of Privacy). Особенность нынешнего

времени заключается в том, что сейчас они располагают для этого наиболее эффективным инструментарием.

Генеалогия «цифровых автократий»

Формирование моделей цифровых автократий мы проанализируем на двух примерах: Сингапура и Китайской Народной Республики (КНР). Проект Polity IV – комплексный индекс оценки политического режима, оценивает КНР как автократию, а Сингапур как «закрытую анократию» (*closed anocracy*) [Polity IV Project]. Концептуально «закрытая анократия» – более жесткий тип электоральной автократии, политического режима, где проводятся выборы, но к ним допускаются только партии и кандидаты от правящей элиты.

Если обратиться к международным индексам, оценивающим уровень цифровизации экономики и управления, мы увидим, что обе страны занимают достаточно высокие места, особенно когда оцениваются технологические или экономические показатели.

В Мировом рейтинге цифровой конкурентоспособности (The IMD World Digital Competitiveness) Сингапур два года подряд (2019, 2020) занимает 2-е место, а КНР (+Гонконг) в 2019 г. – 13-е, в 2020 г. – 11-е [The IMD World Digital Competitiveness 2020]. В Глобальном индексе сетевого взаимодействия (Global Connectivity Index), разработанном компанией Huawei, Сингапур в 2019 г. занял 4-е место, а КНР – 26-е [Global Connectivity Index 2019]. По Индексу развития электронного правительства (EGDI) Сингапур занимал в 2018 г. 7-е место, в 2020 г. – 11-е, а КНР (+Гонконг) в 2018 г. – 65-е, в 2020 г. – 45-е [E-Government Development Index 2020].

В индексах и рейтингах свободы интернета и свободы прессы картина совсем иная. В докладе Freedom House «Свобода в сети – 2020» КНР занимает 10-е место, Сингапур – 54-е [Freedom on the Net 2020]. По методике расчета рейтинга, чем выше место страны, тем хуже эксперты оценили уровень свободы в интернете. В рейтинге международной организации «Репортеры без границ» КНР занимает одно из последних мест – 177-е, а Сингапур – 158-е. В экспертном комментарии о Сингапуре подчеркивается использование государством элементов и практик, аналогичных китайской модели контроля интернета [Reporters without borders 2020].

В условиях цифровой автократии как специфического ассамбляжа (или исторической констелляции) складывается институциональная комплементарность – интегрированная цифровая инфраструктура, задачей которой является извлечение данных, эффективно функционирует как часть инструментария социального контроля для государства и механизм получения прибыли для компаний. Автократии могут выстраивать различные модели контроля над цифровой инфраструктурой от «суверенного интернета» до более мягких

форм – посредством аффилированных с государством IT-компаний. Автократии Восточной и Юго-Восточной Азии легитимируют проекты «цифровизации сверху» посредством ряда нарративов: технократического (технологические инновации), нарратива «общественной безопасности» и цивилизационного («азиатские ценности» – «социальная гармония», «лояльность и уважение к авторитетам»).

Рассмотрим подробнее формирование китайской и сингапурской моделей «цифровой автократии». Для этого необходимо остановиться на нескольких вопросах: адаптация политико-экономической системы страны к неолиберальному экономическому контексту, стратегия государства и аффилированных с ним IT-компаний по цифровизации экономики и управления и внешнеполитические и торговые конфликты, оказавшие влияние на формирование модели «цифровой автократии».

Сингапур

После обретения независимости монополюно управляющая страной партия «Народное действие» и ее генеральный секретарь и одновременно премьер-министр Ли Куан Ю сделали ставку на популярную в ту эпоху среди развивающихся и постколониальных стран модель – «государство развития» (*developmental state*). Это разновидность государственного капитализма, где правительство, используя индикативное планирование, определяет и финансирует развитие стратегически важных отраслей и человеческого капитала [Leftwich 1995: 402–404].

В период холодной войны многие страны использовали ее для ускоренной модернизации, с одной стороны, в качестве альтернативы либеральной рыночной экономике, а с другой – советской модели «государственного социализма». Сингапур, как и большинство «государств развития», имел автократический режим и модель экономического дирижизма, где крупные компании частного сектора сильно аффилированы с политической элитой. В подобных условиях возникает проблема коррупции, и в публичном пространстве широко известны «рецепты» Ли Куан Ю по борьбе с данным явлением [Ли Куан Ю 2010: 147–152].

Преимуществом Сингапура, помимо его геоэкономического положения, была рабочая сила – квалифицированная, дисциплинированная и относительно дешевая. Контроль и политическая интеграция рабочей силы осуществлялся через связанный с правящей партией единый официальный профсоюз. В 1990-е гг. перед Сингапуром и другими странами Юго-Восточной Азии встала необходимость адаптироваться к меняющемуся глобальному экономическому контексту. В этот период происходило перемещение производств из стран ядра капиталистической экономики в регионы с дешевой

рабочей силой, прежде всего в Восточную и Юго-Восточную Азию. У Сингапура, учитывая размер его территории и количество населения, не было возможности конкурировать с соседями по региону (КНР, Вьетнам) в качестве производственной базы корпораций.

Сингапур к этому времени благодаря своему геоэкономическому положению стал важнейшим региональным транспортным хабом. В этой ситуации правительство решило, что рациональнее всего продолжать развивать дальше эту модель. Возникла идея продвигать Сингапур как «ворота на рынок Юго-Восточной Азии» для международных компаний. Правительство страны для адаптации экономики к глобальному неолиберальному контексту начинает дерегулирование отдельных секторов, при этом сохраняя основные институты и практики «государства развития».

Ш. Калатхил и Т. Боас отмечают: «...региональный фактор, повлиявший на распространение интернета в Юго-Восточной Азии, – давление в пользу неолиберальных экономических реформ, которые включали бы в себя дерегулирование ключевых секторов. После Азиатского экономического кризиса в конце 1990-х гг., многие страны в Азии стали воплощать, кто добровольно, кто не совсем, экономические реформы из арсенала международных финансовых институтов, таких как Международный валютный фонд (МВФ). Рекомендации МВФ обычно включали в себя дерегулирование и открытие для инвесторов ряда секторов, в частности телекоммуникаций, одним из эффектов этого в дальнейшем и стало распространение интернета в регионе» [Kalathil, Boas 2003: 72].

Открытие сектора телекоммуникаций для инвесторов сыграло важнейшую роль в дальнейшем развитии цифровой инфраструктуры. Несмотря на частичное дерегулирование, государство продолжало играть основную роль в развитии цифровой инфраструктуры, помимо прочего создавая специальные экономические зоны с рядом налоговых, административных преференций для IT-стартапов.

Исследовав стратегию ряда государств по «цифровизации сверху» (на примерах Сингапура, Турции и Малайзии), Ф. Ховард отметил: «...они (Сингапур, Турция и Малайзия. – А. Б., Л. Т.) активно продвигают использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в экономической сфере. Они разрабатывают и реализуют меры по улучшению эффективности ценовых сигналов и прозрачности рынков, в то же время агрессивно препятствуют использованию ИКТ для повышения прозрачности политического процесса или формирования общественного мнения онлайн» [Howard 2011: 80].

Потенциал цифровой инфраструктуры как инструмент контроля актуализируется в социотехническом ассамбляже автократий нового типа. Ф. Ховард отметил, что «калифорнийская Кремниевая долина создала не только

продукты для распространения информации, но и технологии для ограничения информационных потоков. Кувейт, Оман, Саудовская Аравия, Судан, Тунис и ОАЭ используют Secure Computing, Йемен – Websense, а Сингапур – SurfControl. На Западе корпоративные клиенты используют эти программы для борьбы с игрой в интернет-казино и просмотром порнографии на рабочем месте. Клиенты из государственного сектора тоже могут блокировать доступ к сайтам, продвигающим пороки, но, кроме этого, они получают возможность цензурировать политический контент. Например, Websense предлагает опцию по блокировке сайтов групп интересов (*advocacy group*), описываемых как «продвигающие изменения или реформы публичной политики, общественного мнения, социальных практик, экономической активности и отношений» [Howard 2011: 173].

Обобщая список основных инструментов социального и политического контроля, связанных с цифровой инфраструктурой, прежде всего можно выделить:

1. Контроль государства и аффилированных с ним IT-компаний над цифровой инфраструктурой – в частности, интернет-провайдерами и операторами мобильной связи.

2. Использование цифровой инфраструктуры как инструмента контроля над обществом (системы камер с технологией распознавания лиц, сбор и анализ данных интернет-серфинга).

3. Специальное законодательство, работающее в условиях автократии как политический инструмент: акт о телерадиовещании (*broadcasting act*), закон о так называемых «фейковых новостях» (*Protection from Online Falsehoods and Manipulation*).

4. Контроль над цифровой инфраструктурой позволяет создать новую технологически оснащенную модель цензуры (блокировка сайтов средств массовой информации, правозащитных и антикоррупционных НГО, удаление контента со стриминговых сервисов).

Пример Сингапура особенно интересен тем, что он лишает последних аргументов кибероптимистов с их технодетерминистскими теориями демократизации посредством распространения интернета. Сингапур – один из мировых лидеров по индексам сетевого взаимодействия, «цифровой конкурентоспособности» и развития электронного правительства. Кибероптимисты долгое время утверждали, что автократии в цифровую эпоху смогут сохраниться, только став еще одной Северной Кореей, технологически отсталой страной, самоизолировавшейся от экономических и технологических эффектов глобализации.

Для Восточной и Юго-Восточной Азии в последние десятилетия Сингапур является очень важным ориентиром в вопросе экономической и политической

адаптации к неолиберизму. В 1980–1990-е гг. многие государства ориентировались на сингапурский пример при переходе от «государства развития» или «государственного социализма» к политико-экономической системе, которую ряд авторов называют авторитарным капитализмом [Каган 2010].

Политико-экономическая система авторитарного капитализма предполагает контролируемые сверху постепенные рыночные реформы в экономике с сохранением политического и социального контроля. Однопартийная (КНР, Вьетнам) или система с доминирующей партией (Сингапур) приспосабливается к новой среде за счет кооптации организаций, новых возникших в ходе реформ или существовавших ранее, но чья роль изменилась в ином социально-экономическом контексте [Диксон 2005: 85–107].

В процессе адаптации капиталистических автократий Восточной, Юго-Восточной Азии и других регионов к новой информационной среде, возникшей благодаря распространению интернета, Сингапур также играл ключевую роль. Ш. Калатхил и Т. Боас писали в начале 2000-х гг.: «Сингапур заслуживает особого внимания, поскольку правительство страны смогло достичь того, что многие считали невозможным: обширное развитие информационно-коммуникационных технологий с незначительной эрозией политического контроля. Важность этого достижения подчеркивается тем фактом, что другие авторитарные режимы, особенно КНР, проявили активный интерес к опыту Сингапура. <...> Пример Сингапура, возможно, демонстрирует стратегии, которые другие авторитарные и полуавторитарные режимы воплотят в будущем» [Kalathil, Boas 2003: 73].

Китайская Народная Республика

О необходимости регулирования интернета власти КНР говорили с середины 1990-х гг., когда началось его активное распространение в стране. В 1997 г. была подготовлена система правил, регулирующая использование интернета и запрещающая его использование в целях «нанесения ущерба интересам государства или общества», «подрыва национального единства». После конфликта официальных властей страны с рядом американских IT-компаний, произошедшем из-за политики цензурирования сетевого контента, было принято решение о форсированном развитии общенациональной системы кибербезопасности – проекта «Золотой щит», разработка которого началась еще в 1998 г. На начальном этапе развития проект представлял собой интегрированную систему баз данных, аккумулирующую и упорядочивающую информацию о гражданах страны.

Важнейшей частью «Золотого щита» стал так называемый «Великий китайский файрвол» – система фильтрации интернет-контента. Система фильтрации постоянно совершенствуется, изначально она могла в основном

осуществлять блокировку доменных имен и IP-адресов, затем появилась технология фильтрации по ключевым словам, в последнее время основное внимание уделяется борьбе с обходом системы фильтрации с помощью VPN.

Одним из поворотных моментов формирования китайской модели управления интернетом стал запрет и блокировка крупнейших зарубежных социальных сетей и сервисов (Facebook, Instagram, Twitter, Tumblr, Pinterest), поисковиков (Google, Yahoo), видеохостингов (YouTube, Vimeo). Блокировка данных сервисов сопровождалась развитием китайских альтернативных продуктов, технологически и юридически встроенных в национальную систему управления интернетом (Renren, Baidu, Sina Weibo, Youku). Такие условия в интересах не только официальных властей; свою выгоду получают и IT-компании, не имеющие иностранных конкурентов на огромном китайском рынке.

Развитие цифровой инфраструктуры создало условия развития – системы социального кредита, общенационального индикатора оценки поведения граждан, основанного на обработке больших данных. Она собирает и обрабатывает «цифровые следы», оставленные гражданином в различных сферах (счета, налоги, кредиты, штрафы, покупки, интернет-поиск, активность в социальных сетях).

Государственная система социального кредита разработана на основе продукта компании Alibaba (Sesame Credit). Sesame Credit на основе анализа поведения пользователей начисляла им специальные баллы, позволяющие получать кредиты на льготных условиях, скидки на онлайн-покупки и т. д. Контроль государства над цифровой инфраструктурой позволил на основе маркетингового инструмента создать новую социотехническую модель управления.

В системе социального кредита центральным элементом сотрудничества государства и частных IT-компаний (Alibaba, Tencent) является программа развития «умных городов». Данная программа охватит около 500 городов, среди них почти все провинциальные центры и города уровня автономных префектур. Власти интегрировали в систему социального кредита сеть государственных и частных камер наблюдения (около 176 млн), оснащенных технологией распознавания лиц. С 2018 г. к гражданам, обладающим низким социальным рейтингом, стали применяться различные санкции [Томин, Балаян 2019: 79].

Протесты, в Гонконге начавшиеся в 2019 г., продемонстрировали новые модели массового протеста граждан в условиях цифровых автократий [Дудиков 2019]. Протестующие в Гонконге понимали, что цифровая инфраструктура (например, уличные камеры, оснащенные технологией распознавания лиц) – это репрессивный инструмент, используемый полицией.

В этой ситуации рождались новые практики сопротивления от простых (разрушение «умных столбов», оснащенных камерами и датчиками) до более сложных (очки с LED-лампами или арт-метод CV Dazzle).

Модель цифровой автократии, доказав свою эффективность в контроле информационных потоков и повседневной жизни граждан, предоставляет политическим элитам новый инструментарий управления и воспроизводства политического режима. Неудивительно, что данная модель или ее отдельные элементы начали стремительно распространяться по миру. В докладе о свободе интернета за 2018 г. эксперты Freedom House исследовали вопрос экспорта китайскими компаниями, аффилированными с государством, технологий и практик их использования по трем пунктам: цифровая инфраструктура, интегрированные системы камер с технологией распознавания лиц, тренинги для официальных лиц и журналистов. По всем трем пунктам идет сотрудничество с Пакистаном, Шри-Ланкой, Зимбабве, Замбией, Кенией, Венесуэлой. В 38 стран поставляется цифровая инфраструктура, в 18 – интегрированные системы камер с технологией распознавания лиц и в 36 странах проводятся тренинги официальных лиц и журналистов. Интересно, что из 57 исследованных стран, согласно докладу «Свобода в сети – 2018», 11 – свободные, 28 – частично свободные и 18 – несвободные [Freedom on the Net 2018].

Аналогично описывает положение ежегодный доклад «Международный индекс свободы прессы – 2020» организации «Репортеры без границ». В частности, в нем утверждается: «...опираясь на масштабное использование новых технологий, председатель Си Цзиньпин установил в КНР социальную модель, основанную на системе контроля над новостями и информацией и онлайн-слежке (*online surveillance*) за гражданами. Кроме того, он пытается экспортировать эту репрессивную модель, продвигая “новый мировой медиапорядок” основанный на влиянии КНР» [Reporters without borders 2020].

Важную роль в формировании цифровых автократий в последние годы сыграла политизация вопроса о контроле над цифровой инфраструктурой. Речь идет о политике администрации президента США Д. Трампа в отношении китайских IT-компаний (Huawei, TikTok, WeChat) и борьбе вокруг вопроса поставки, установки и налаживания работы сети мобильной связи пятого поколения (5G). У стран Европейского союза по отношению к экспансии китайской цифровой инфраструктуры однозначной политики нет. Из государств постсоветского пространства с КНР активно сотрудничают Российская Федерация, Беларусь, Казахстан и Азербайджан. В контексте пандемии коронавируса и последних политических событий в ряде стран региона можно предположить интенсификацию технологического сотрудничества с КНР и дальнейшую адаптацию сингапурской модели «умного города» для крупных городов.

Источники

Диксон Б. 2005. *Красные капиталисты в Китае. Партия, частные предприниматели и перспективы политических перемен*. М.: Олимп-Бизнес.

Дудаков М. 2019. «Цифровая» революция в Гонконге. Роль онлайн-инструментов в массовых протестах 2019 г. Аналитический доклад Центра изучения новых коммуникаций. URL: <https://zn.center/upload/img/1452421253.pdf> (дата обращения: 10.08.2020).

Каган Р. 2010. *Возвращение истории и конец мечтаний*. М.: Прогресс-Традиция.

Ли Куан Ю. 2010. *Сингапурская история. 1965–2000 гг. Из третьего мира в первый*. М.: МГИМО-Университет.

Майр П. 2019. *Управляя пустотой. Размывание западной демократии*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Морозов Е. 2014. *Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети*. М.: АСТ; CORPUS.

Срничек Н. 2019. *Капитализм платформ*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Томин Л.В., Балаян А.А. 2016. Интернет и социальные медиа в современном политическом процессе: по ту сторону киберутопизма. – *Публичная политика – 2015*. С. 60–68.

Томин Л.В., Балаян А.А. 2019. Цифровой паноптикум. Как автократии используют технологическую инфраструктуру? – *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. № 3 (29). С. 77–83.

Хуатэн М., Чжаоли М., Дели Я., Хуалей В. 2019. *Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики*. М.: Интеллектуальная литература.

Agamben G. 2005. *State of Exception*. Chicago: Chicago University Press.

Bloom P. 2019. *Monitored: Business and Surveillance in a Time of Big Data*. Polity.

Bridle J. 2019. *New Dark Age. Technology and the End of the Future*. Verso.

Burgers T., Robinson D. 2016. Networked Authoritarianism Is on the Rise. Sicherheit und Frieden (SF). – *Security and Peace*. Vol. 34. N 4. P. 248–252.

E-Government Development Index. 2020. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/Data-Center> (дата обращения: 10.06.2020).

Eubanks V. 2018. *Automating Inequality. How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor*. St. Martin's Press.

Foster J.B., McChesney R. 2014. *Surveillance capitalism. Monthly Review*. URL: <https://monthlyreview.org/2014/07/01/surveillance-capitalism/> (дата обращения: 10.06.2020).

Freedom on the Net 2018. The Rise of Digital Authoritarianism. Freedom House. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/10192018_FOTN_2018_Final_Booklet.pdf (дата обращения: 10.06.2020).

Freedom on the Net 2020. The Pandemic's Digital Shadow. Freedom House. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-10/10122020_FOTN2020_Complete_Report_FINAL.pdf (дата обращения: 11.10.2020).

Global Connectivity Index. 2019. URL <https://www.huawei.com/minisite/gci/en/> (дата обращения: 10.06.2020).

Howard P. 2011. *The Digital Origins of Dictatorship and Democracy. Information Technology and Political Islam.* Oxford: Oxford University Press.

Kalathil S., Boas T. 2003. *Open Networks, Closed Regimes. The Impact of the Internet on Authoritarian Rule.* Carnegie Endowment for International Peace.

Leftwich A. 1995. Bringing politics back in: Towards a model of the developmental state. – *Journal of Development Studies.* Vol. 31. Issue 3. February. P. 400–427.

Levine Y. 2019. *Surveillance valley: the secret military history of the internet.* Icon Books Ltd.

Meissner M., Wübbecke J. 2016. IT-backed authoritarianism: Information technology enhances central authority and control capacity under Xi Jinping. MERICS Papers on China. URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/MPOC/MPOC_ChinasCoreExecutive.pdf (дата обращения: 10.08.2020).

Packard V. 2014. *The Naked Society.* Ig Publishing; Revised ed. edition.

Pasquale F. 2015. *The Black Box Society. The Secret Algorithms That Control Money and Information.* Harvard: Harvard University Press.

Pearce K., Kendzior S. 2012. Networked Authoritarianism and Social Media in Azerbaijan. – *Journal of Communications.* Vol. 62. Issue 2.

Polity IV Project. URL: <https://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (дата обращения: 10.08.2020).

Reporters without borders. 2020. World Press Freedom Index. URL: <https://rsf.org/en/china>, <https://rsf.org/en/singapore> (дата обращения: 10.08.2020).

Rule J. B., Cheng H. 2020. *Coronavirus and the Surveillance State.* Dissent Magazine. Summer.

The IMD World Digital Competitiveness Ranking. 2020. URL: https://www.imd.org/globalassets/wcc/docs/release-2020/digital/digital_2020.pdf (дата обращения: 10.08.2020).

Zuboff S. 2019. *The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power.* PublicAffairs.

Балобанов Александр

К пониманию концепта «Публичная политика»

**Балобанов Александр
Евгеньевич –**

*заведующий кафедрой
государственного
управления и публичной политики
Института общественных наук
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ.*

*Для связи с автором:
abalobanov@gmail.com*

Для цитирования:

*Балобанов А.Е. К пониманию
концепта «Публичная политика» //
Публичная политика. 2020. Т. 4. № 2.
[https://doi.org/10.31856/
jpp/2020.2.7](https://doi.org/10.31856/jpp/2020.2.7)*

Аннотация

Обращаясь к размышлению над вопросом о том, что побуждает нас говорить о публичной политике, автор характеризует ценностно-онтологические основания интереса к концепту «публичная политика» и прослеживает развитие его составляющих в европейской культуре. Среди основных тезисов статьи – фиксация принципиально публичного характера политики как таковой и в связи с этим утверждение о том, что вопрос о публичной политике – это вопрос не о частных составляющих политических взаимодействий, но о том, какими должны быть «правильные» социально-политические отношения, отвечающие современным запросам и требованиям.

Ключевые слова: публичность, политика, публичная политика.

Balobanov Alexandr

Understanding the concept of “public policy”

Balobanov Alexandr Evgenievich –

*Head of the Department of Public
Administration and Policy
of the Institute for Social Sciences
of the Russian
Academy of National Economy
and Public Service.*

*To contact the author:
abalobanov@gmail.com*

Abstract

Reflecting on the question what motivates to talk about public policy, the author characterizes the value-ontological foundations of interest to the concept of “public policy” and traces the development of its components in European culture. Among the main points of the article is the statement of the fundamentally public nature of politics as such, and, in connection with this, the assertion that the issue of public policy is not a question of local components of political interactions, but a question of what should be the “right” social-political relations that could meet modern needs and requirements.

Keywords: public, policy, public policy.

Что побуждает нас сегодня вновь и вновь говорить о публичной политике и разбираться с вопросами, возникающими в этом тематическом поле?

Одним из ключевых истоков этого интереса представляются демократически окрашенные ценностные установки, связанные с интенциональностью соучастия – поиском таких форм организации человеческого общежития, в которых каждый член этого общежития не угнетается, свободен, имеет возможности для реализации своих устремлений, участвует в распределении общественных благ и обязанностей на справедливой основе и т. д. и т. п. Любая из таких ориентаций уязвима для критики с точки зрения возможностей ее практической реализации, но это не мешает им оставаться идеалами, организующими активность большого количества самых разных людей. И если сравнивать общества, достаточно отдаленные друг от друга историческим временем, невозможно не заметить, что в результате этих усилий человеческое общежитие действительно становится более справедливым, дающим больше возможностей своим членам.

Расширению круга возможностей, доступных всем членам человеческого общежития, противостоит частный интерес, определяющий стремление человека максимально использовать доступные ему возможности для удовлетворения своих частных запросов, невзирая на те следствия, которые вызываются этим для других членов человеческого общежития, а то и прямо нанося им непосредственный ущерб. При этом возможны как минимум две версии такой «ущербноанносящей деятельности»: целенаправленная (когда осуществляющий ее человек понимает ее последствия, но не останавливается перед ними) и опосредованная (ненамеренная, когда такие последствия проявляются помимо воли действующего – по недосмотру или отсутствию возможности оценить все потенциальные эффекты, производимые осуществляемой деятельностью).

Публичная политика в этом контексте выступает как совокупность механизмов, обеспечивающих (1) возрастание возможностей реализации интересов членов сообщества, (2) обнаружение действий, в результате которых этому наносится ущерб ради возможности удовлетворения частных стремлений отдельных людей, (3) прояснение потенциально негативных для этого последствий тех или иных действий.

В российском общественно-политическом пространстве двух последних столетий эти демократически окрашенные установки отчетливо выражались в разных идеологических дискурсах – от народничества XIX в. и апелляции к общенародным и общественным интересам в идеологии социализма до современных версий славянофильства, а также специфической общественной заостренности на острой критике и неприятии действий органов власти.

Еще одной особенностью российского дискурса, в котором происходит тематизация публичной политики, выступает то, что многие составляющие интеллектуального культурного пространства России в силу разных обстоятельств носят заимствованный, западноцентричный характер. В этом плане публичная политика – это калька англоязычного *public policy*, вошедшая в российские дискуссии в эпоху перестройки 1990-х гг. [см., например: Шестопал 1999: 11–12]. Ее появление в российском дискурсе – отражение интеллектуально-политического настроения того времени, ориентированного на стремление к открытости, гражданскому участию, необходимости осмыслить сложности, выявленные в разнообразных попытках воплотить это настроение. Сегодня этот концепт работает в анализе возможностей и вариантов общественного участия в делах страны, а также в формировании представлений о политическом, не замыкающихся узкими рамками политической элиты или политического класса [см., например, анализ понятия политического в смысле К. Шмитта и Х. Арндт: Каплун 2020].

Дополнительным обстоятельством, определяющим особенности анализа и реализации публичной политики в современной России, возможно, выступает недостаточность дискурсивных практик и инструментов обсуждения общезначимых вопросов, присущая отечественной общественно-политической культуре вообще [От общественного к публичному 2011] и воспринимаемая особенно заостренно по отношению к современному периоду [“Синдром публичной немоты” 2017].

В отношении современных «западных влияний» в сфере представлений о публичной политике можно указать на несколько источников, принадлежащих разным традициям. Помимо уже упомянутой *public policy*, укорененной в американской традиции [Публичная политика 2008; Беляева 2011; Мирошниченко 2014], это как минимум совокупность представлений о публичной сфере Ю. Хабермаса (немецкая традиция) [Красин 2004; Беляева 2011; концепция социального пространства П. Бурдьё (французская традиция); Якимец 2004; Мирошниченко 2014]. Существенным по отношению к этим представлениям всегда остается вопрос о возможностях и ограничениях их использования для понимания российской действительности¹. Безусловно, все эти подходы, каждый по-своему, помогают ориентироваться в интересующем нас поле, хотя, с другой стороны, столь же безусловно то, что они не могут рассматриваться как абсолютные и выступают инструментами и помощниками в формировании представлений о публичной политике, а не законченными ответами на вопрос, что она есть такое.

¹ Из недавних обзоров работы с концептуализацией и пониманием публичной политики в отечественных условиях см. также: [Публичная политика 2018; Сунгуров 2017].

Представляется, что пониманию проблематики может помочь движение сквозь различные концептуализации с их помощью к реалиям («характеристикам существования»), которые складывают в поле публичной политики.

Первое, на что кажется важным обратить внимание в попытке такого движения, – базовая природа ключевого феномена, складывающего интересующий нас предмет – политику. Обращение к его исходным значениям, отвлекающееся от современных концептуализаций, открывает, на первый взгляд, несколько неожиданную вещь. Конструкция публичной политики в определенном смысле оказывается «маслом масляным», поскольку греческое *πολιτικά*, производное из *πόλις* – город – обозначает взаимодействие людей по поводу их общих интересов, обращенное к вопросам, имеющим значение для жизнедеятельности всех жителей. В этом плане по своему предмету политика публична по определению, поскольку обращена к вопросам, имеющим общее значение для всех граждан государства-полиса². Более того, так понимаемая *πολιτικά* выступает естественным стремлением каждого (свободного) человека: поскольку его предназначением является жизнь в полисе, то есть в политике, где он может достичь возможной полноты своего развития³.

К той же предметности – вопросам, имеющим общее значение, определяющим жизнь всех граждан, – отсылает латинское *publicus*, исходное для понятия «публичный»⁴. В античном Риме оформляется представление о республике (*republic*) как общественном объединении, представляющем предмет заботы (общее дело, общую вещь) всех граждан (*public*). Отсюда, в частности, вырастает и требование о том, что общие заботы должны выноситься на суд граждан – становиться публичными не только в смысле общего их обсуждения, но и в смысле информирования граждан о них – их публикации. В связи с этим формируется та часть содержания понятия, которая в сегодняшнем мире трактуется как требование открытости и доступности (транспарентности) дел, осуществляемых государственной машиной.

Конечно, в реальной политике отношения строятся, мягко говоря, не только в ориентации на «высокие идеалы» или аналитические обобщения. Уже в античных описаниях появляется фигура политика, который печется не об общем благе, а, пользуясь прикрытием общезначимости, преследует те или иные частные цели. Правда, здесь эта фигура появляется в качестве антипода «правильному» пониманию политики, призванного помочь лучше

² См. об этом также: [Балобанов 2016: 83–97].

³ «Человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [Аристотель 1983: 378].

⁴ См. анализ истории понятий «публичность» и «политика» в: [Словарь 2014].

разобраться в сути дела. Но проявляются и другие грани вопроса: борьба различных социальных групп, ориентированных на принципиально разные интересы, личные амбиции активных деятелей, необходимость скрывать обстоятельства от «глаз врага», дефицит знания... Все эти обстоятельства, имеющие самое серьезное значение в реальной политике, работают на разрушение ее публичности, превращают ее из общего дела и общения в разработку и реализацию стратегий действия локальных (и в этом смысле – частных) политических сообществ. Политика становится уделом аристократии, втягивая более широкий круг участников лишь в кризисные моменты. И в Греции, и в Риме, прежде чем они ушли в историю, доминирующими оказались не демократические, а имперские форматы политической организации. Политика и публичность разминувшись.

В последующем развитии европейской цивилизации содержание понятия «публичный» (*public*) менялось, высвечиваясь достаточно различными гранями, проявляющими глубину и сложность предмета [Хельшер 2014: 297–388]. В разное время *public* означало:

- то, что связано с общими интересами, общественное благо (в оппозицию интересам частным – *privatus*);
- природный, исторический, христианский порядок (в позднем Средневековье);
- то, что связано с политическим порядком (правом, системой и органами власти и др.);
- область права (*ius publicum*, *публичное право*);
- государственный порядок (в Новое время);
- доступное для образованного сообщества и само это сообщество (читающая публика, театральная публика и т. п.);
- сфера здравого морального смысла (общественное мнение);
- явленное (в противоположность скрытому).

Менялось и представление о политике, расщепляясь и выделяя ставшие современными значения организации деятельности по реализации заботы об «общем благе» (*policy*), борьбы за обладание возможностью реализовывать свои представления о том, в чем именно состоит это благо, в конечном счете – борьбы за власть (*politics*), институционального оформления порядка власти (*polity politia/policia*).

С формированием государства, ориентированного на всеохватное регулирование всех сфер человеческой жизни, *public* приобретает значение государственного, то есть относящегося к делам, регуляция которых важна с точки зрения общих (теперь – государственных) нужд. В этой парадигме появляются такие конструкции, как *public law* – регулирование общегосударственных вопросов, *public funds* – государственные средства, *public service* –

государственная служба, *public enemy* – враг народа и др., разворачивается представление о публичном праве – *ius publicum*, субъект которого эволюционирует от империи к народу и гражданскому обществу. В XX в. «общественная составляющая» содержания слова *public* отчетливо дает о себе знать также в конструкции *public relations*.

В результате слово «публичный» стало отсылать к сложному динамично-му единству государственного управления и социальных отношений, в котором деятельность государства постоянно критикуется (в российской культуре это положение фиксирует дихотомия «государство – общество»). Публика в этом смысле стала национально-определенным гражданским обществом в рамках рационально организованного («естественного») государственно-общественного устройства, а публичность начала рассматриваться как гарантия «устранения недоверия к политическим максимам» [Кант 1966: 309]. Одной из ключевых характеристик публичности стала *гласность*, призванная выводить деятельность государственного управления из потаенности, представлять ее обозрению широкой публики.

Современная конструкция *public policy* в англоговорящем мире вошла в оборот в США в XX в. Важным шагом в этом движении было представление о разделении сфер государственного управления и политики, сделанное В. Вильсоном в ставшей знаменитой статье о науке государственного управления [Wilson 1887]. Особенность ситуации состояла в том, что США, не имея богатого исторического опыта государственности, целенаправленно складывали свою систему государственного управления как практики, так и ее осмысления, теории. Этот процесс выражался, в частности, в интенсивной работе по рефлексии накапливавшегося опыта государственного управления и разработке новых подходов к более оптимальному его осуществлению⁵. Если в европейской культуре Нового времени феномен публики (и будущего гражданского общества) складывался в относительно длительном «естественном» процессе отстраивания сложных комплексов общественно-государственных отношений, то в США, вступивших на путь созидания своей социальности и государственности, в определенном смысле «с чистого листа» он в значительной мере создавался в результате целенаправленных «искусственных» усилий. Американская конструкция “*public policy*” – один из результатов таких усилий, направленных на формирование общественно-государственных отношений, адекватных представлениям XX в.

В этой логике тезис В. Вильсона стал предметом внимательного анализа последующих исследователей государственного управления, сформировав постановку вопроса о «политико-административной дихотомии»: структурах

⁵ Это хорошо видно, например, в текстах, представленных в антологии: [Classics of Public Administration 1978].

и механизмах взаимоотношений между управлением (*public administration*) и политикой (*public policy*), определяющих жизнедеятельность государства. Это понимание в соответствии с современными демократическими принципами предполагает центральную объединяющую и направляющую роль государства, ориентированного в своей деятельности общественными (публичными) интересами. В русских переводах слово "*public*", используемое в подобных конструкциях, проявляет эту амбивалентность, представляя и как *государственный*, и как *общественный*⁶.

Последующие исследования практики государственного управления и дискуссии, связанные с ней, выявили неоднозначность политико-административной дихотомии: с одной стороны, профессиональные государственные управляющие в своей деятельности всегда в той или иной степени оказываются вынуждены принимать решения, которые с точки зрения теории должны принадлежать сфере политики, с другой – попытка их исключения из политики лишает последнюю их профессиональных компетенций, а самих управляющих – их гражданских прав. Помимо этого, невозможно представить разработку реальной политики, абсолютно отделенной от ее реализации, поскольку такая разработка требует серьезной аналитической работы, связанной с полевыми исследованиями и политическими взаимодействиями, а сформированная политика в ходе ее реализации постоянно корректируется и уточняется. Наконец, нельзя не учитывать и такого явления, как возможность использования как государственными управляющими, так и политиками имеющихся у них профессиональных компетенций в частных интересах. В этом случае они выступают как *непубличные* политики, результатом чего является возникновение систем отношений, маркируемых, в частности, словами «бюрократизм» и «коррупция».

Исследовательская работа в этой сфере к середине XX в. оформилась в специальное направление *policy sciences* (см. об этом: [DeLeon 2006: 39–57]). В период президентства Дж. Кеннеди эта проблематика получила дополнительный серьезный импульс, связанный с деятельностью команды тогдашнего министра обороны США Роберта Макнамары, когда системные аналитики корпорации РЭНД, оттачивавшие свое мастерство в ходе исследования операций (*operation research*) во время Второй мировой войны, разработали для Министерства обороны США высокорациональную систему

⁶ Например, в официальном переводе Европейской хартии местного самоуправления "*public affairs*" передается как «государственные дела»: [European Charter of Local Self-Government 1985]. В хрестоматии [Классики теории государственного управления 2003] название книги И. Пендлтона Херинга "*Public Administration and the Public Interest*" в одном месте переведено как «Государственное управление и интересы государства» (с. 89), а в другом – как «Государственное управление и общественные интересы» (с. 99).

организации деятельности «Планирование – программирование – бюджетирование» (*Planning, Programming, and Budgeting System, PPBS*) [Program Budgeting 1967]. Эта работа дала начало общепринятым сегодня программным подходам в государственном управлении и поставила специализированную задачу подготовки специалистов, способных работать с инструментами управления такого рода. В рамках решения этой задачи *public policy* оформилась как специализированное направление профессиональной подготовки (см.: [Allison 2006: 58–79]).

Ключевая фокусировка в этом понимании *public policy* связана с вопросом о том, как должно строиться государственное управление, отвечающее современным запросам, предъявляемым к государству. В построении ответа на этот вопрос особенно значимыми являются составляющие управления, определяющие, с одной стороны, его эффективность (и соответствующую экономичность использования задействуемых ресурсов), с другой – вовлеченность в процесс управления всех заинтересованных в нем участников в соответствии с базовыми принципами современного демократического государственного устройства. При этом в условиях современного мира ведущая роль в так понимаемой публичной политике принадлежит структурам системы государственного управления⁷.

Краткий очерк развития представлений о *public policy* показывает, что содержание понятия «публичная политика» не является чем-то неизменным «данным от века». Оно меняется в соответствии с изменениями социальных и политических взаимодействий людей в различных точках пространства-времени⁸. При этом, так или иначе, вопрос о публичной политике включает в себя вопросы о целом, составляющем предмет заботы этой политики (город, государство, сообщество, сфера и т. п.), о тех, кто вовлечен в эту заботу (горожане, граждане, единомышленники и т. д.), и о том, каким образом

⁷ В качестве примера можно привести определение публичной политики, данное в популярной (в 2010 г. вышло 7-е издание) книге Дж. Андерсона: «Публичная политика – политика, производимая правительственными чиновниками и органами власти и затрагивающая существенное количество людей» [Публичная политика 2008: 12].

⁸ В качестве примера, демонстрирующего различное понимание предмета в разных культурных пространствах, небезынтересно отметить, что «Словарь основных исторических понятий» [Словарь 2014], обращенный к анализу истории понятий, связанных прежде всего с немецким языком, хотя и с опорой на достаточно широкий общеевропейский контекст, вообще не содержит конструкции «публичная политика», несмотря на наличие развернутых статей «Публичность / гласность / публичная сфера / общественность» и «Политика». Англо- и русско-немецкие словари чаще всего переводят “*public policy*” или «публичная политика» как “*öffentliche Ordnung*” – «общественный порядок», иногда как “*Staatstätigkeit*” – «деятельность правительства».

предмет заботы входит в поле внимания и размышлений тех, кто вовлечен в эту заботу (предъявленность, гласность, прозрачность и проч.). Публичная политика и сегодня, как в Античности, формируется как динамичное взаимодействие заинтересованных участников по поводу предметов их общего интереса и форматов, организующих их взаимодействие. Особенностью сегодняшней ситуации является при этом предельно высокий уровень разнообразия субъектов такого взаимодействия, а также способов и форматов его организации⁹. Это делает современную публичную политику пространством высокого уровня сложности¹⁰.

Важным здесь является также наше отношение к той действительности, которую мы маркируем как публичная политика. В частности, является ли оно исследовательски-аналитическим или проектно-созидательным. В первом срезе нам нужны концептуальные средства, позволяющие выделять и удерживать публичную политику как специфический объект, во втором мы решаем задачи организации нашего социального общежития и нам требуется инструментарий, помогающий достигать намеченных целей. Научная/академическая позиция традиционно строится вокруг первой из этих фокусировок, формируя себя в пространстве *политологии*, деятельная – вокруг второй, формируя себя в пространстве *политики*.

В конечном же измерении, вопрос о публичной политике в современной России – это вопрос о том, какими сегодня должны быть «правильные» социально-политические взаимодействия в нашей стране.

Источники

Аристотель. 1983. Политика. – *Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4.* М.: Мысль, 1983.

Балобанов А.Е. 2016. Социальный порядок и государственность. – *Пути России. Новый старый порядок – вечное возвращение?* Сборник статей. Т. XXI. / ред. М.Г. Пугачева. М.: Новое литературное обозрение.

Беляева Н.Ю. 2011. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам. – *Полис. Политические исследования.* № 3. С. 72–87.

⁹ Существуют оценки, говорящие о том, что современный человек за месяц или даже неделю получает объем информации, сопоставимый с тем, который человек XVII–XVIII вв. получал за всю свою жизнь.

¹⁰ Это не уникальная характеристика публичной политики. Резкое увеличение сложности выступает общей характеристикой сегодняшней социальности. Принципиальным вопросом здесь оказывается то, насколько существующие формы организации взаимодействий (политических в том числе) окажутся адекватными этой растущей сложности.

Кант И. 1966. К вечному миру. – *Сочинения: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана*. М.: Мысль.

Каплун В. 2020. *Ханна Арендт о «Понятии политического» Карла Шмитта*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=f_Dklj5-dm4 (дата обращения: 04.07.2020).

Классики теории государственного управления: американская школа. 2003. М.: Изд-во МГУ.

Красин Ю.А. 2004. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении. – *Полития*. № 3. С. 5–23.

Мирошниченко И.В. 2014. Публичная политика как зонтичная концепция политической науки. – *Государственное управление. Электронный вестник*. Вып. № 47. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/47_2014miroshnichenko.htm (дата обращения: 04.07.2020).

От общественного к публичному / науч. ред. О.В. Хархордин. 2011. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Публичная политика: институты, цифровизация, развитие. Коллективная монография / под ред. Л.В. Сморгунова. 2018. М.: Аспект Пресс.

Публичная политика: от теории к практике / сост. и науч. ред. Н.Ю. Данилова, О.Ю. Гурова, Н.Г. Жидкова. 2008. СПб.: Алетейя.

«Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / отв. ред. Н.Б. Вахтин, Б.М. Фирсов. 2017. М.: Новое литературное обозрение.

Словарь основных исторических понятий: избранные статьи в 2 т. / ред. Ю.Т. Арнаутова. Т. 1. 2014. М.: Новое литературное обозрение.

Сунгуров А.Ю. 2017. Публичная политика: основные направления исследований (мировой и российский опыт). – *Публичная политика*. № 1. С. 8–28.

Хельшер Л. 2014. Публичность / гласность / публичная сфера / общественность (Öffentlichkeit). – *Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: в 2 т. Т. 1*. М.: Новое литературное обозрение.

Шестопал Е.Б. 1999. Мировая политология в российском контексте. – *Политическая наука: новые направления*. М.: Вече.

Якимец В.Н. 2004. *Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы*. М.: URSS.

Allison G. 2006. Emergence of schools of public policy: reflections by a founding dean. – *The Oxford Handbook of Public Policy / eds. M. Moran, M. Rein, R.E. Goodin*. Oxford: Oxford University Press.

Classics of Public Administration. 1978. By Jay M. Shafritz, Albert C. Hyde 1st edition: Oak Park, Ill.: Moore Pub. Co.; русский перевод: *Классики теории государственного управления: американская школа*. М.: Изд-во МГУ, 2003.

DeLeon P. 2006. The historical roots of the field. – *The Oxford Handbook of Public Policy* / eds. M. Moran, M. Rein, R.E. Goodin. Oxford: Oxford University Press.

European Charter of Local Self-Government. 1985. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/122> (дата обращения: 04.07.2020).

Program Budgeting: Program Analysis and the Federal Budget. 1967 / ed. D. Novick. Harvard University Press.

Wilson W. 1887. The Study of Administration. – *Political Science Quarterly*. Vol. 2. N 2. P. 197–222; русский перевод: В. Вильсон. Наука государственного управления. – *Классики теории государственного управления: американская школа*. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 24–43.

Томин Леонид

Политические сети в контексте неолиберальной правительности¹

Томин Леонид Владимирович –

кандидат политических наук,
доцент кафедры политического
управления

Санкт-Петербургского
государственного университета.

Для связи с автором:

leopolit@yandex.ru

Для цитирования:

Томин Л. В. Политические сети
в контексте неолиберальной
правительности // Публичная
политика. 2020. Т. 4. № 2.
[https://doi.org/10.31856/
jpp/2020.2.8](https://doi.org/10.31856/jpp/2020.2.8)

Аннотация

В статье анализируется генеалогия и контекст формирования понятия *governance* (управления) и теории сетей публичной политики в контексте проникновения неолиберальной политической рациональности в теорию и практику государственного управления, а также научное описание социально-экономических и политических трансформаций 1980–2000-х гг.

Ключевые слова: политические сети, неолиберализм, демократия, правительность, политическая рациональность.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия» № 18-011-00705.

Tomin Leonid

Policy networks in the context of neoliberal governmentality*

Tomin Leonid Vladimirovich –

*Associate professor,
Department of political governance
St. Petersburg University.*

*To contact the author:
leopolit@yandex.ru*

Abstract

The paper analyzes the genealogy and context of the formation of the concept of governance and the theory of policy networks in the context of the penetration of neoliberal political rationality into the theory and practice of public administration, and a scientific description of the socio-economic and political transformations of the 1980s – 2000s.

Keywords: policy networks, neoliberalism, democracy, governmentality, political rationality.

* This paper was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Explanatory potential of network theory in political research: methodological synthesis as an analytical strategy” N 18-011-00705.

В последнее десятилетие вышло множество работ, посвященных отрицательным последствиям господства неолиберальной политики: росту уровня бедности [Harvey 2019], кризису городов [Kotkin 2014] и разрушительным эффектам политики жесткой экономии [Политика в эпоху жесткой экономии 2015]. Эти проблемы стали настолько очевидны, их наличие признают мейн-стримные политики и эксперты [Флорида 2018].

Слабостью многих известных критических исследований неолиберализма является его анализ как экономической доктрины или набора практических мер, рекомендуемого международными организациями, прежде всего МВФ (приватизация, дерегулирование, сокращение социальных расходов и т. д.). Однако неолиберализм – это намного более сложный феномен, не просто экономическая теория или идеология свободного рынка, а новая политическая рациональность и даже способ существования [Dardot, Laval 2017: 3]. Неолиберальная политическая рациональность интернализирована в качестве деполитизированного здравого смысла: руководством основных право- и левоцентристских партий, экспертами и журналистами [Mirowski 2014: 8].

С конца 1990-х – начала 2000-х гг. социальные движения в различных странах выступали против неолиберальной модели глобализации и поддерживающих ее международных институций. В ходе этих протестов высказывался еще один важный тезис: неолиберализм, несмотря на свои декларации о «свободе выбора», на практике часто внедряется и воспроизводится недемократическими мерами и так называемыми «немажоритарными институтами». После мирового финансового кризиса 2008 г. финансовая система была спасена за счет денег налогоплательщиков и роста государственных долгов, политика жесткой экономии только усилилась. Многие исследователи стали говорить об «антидемократичности» неолиберализма [Brown 2019: 39–46] или «неолиберальной атаке на демократию» [Dardot, Laval 2019: 1–8].

Возникает необходимость исследования генеалогии и составных элементов неолиберальной политической рациональности и особенно процесса трансформации государства и практик управления. Традиционная критика неолиберализма в этом вопросе часто попадает в ловушку, воспроизводя идеологический нарратив его самоописания. Они полагают, что неолиберализм – это «уход государства», подчинение структур управления логике рынка, глобальной конкуренции или возвращение к либеральным принципам XVIII в. – модели «чистого» капитализма.

Говоря о понятии «управление», мы обращаемся к концептуальному инструментарию «исследований правительности» (*governmentality studies*), развивающемуся в последние годы концептуальному подходу, вдохновенно-му посмертной публикацией лекционных курсов Мишеля Фуко [Фуко 2010; Дин 2016]. Проблематика «исследований правительности» предлагает,

что изучать управление «значит анализировать практики, которые пытаются формировать, определять, мобилизовывать и действовать через пристрастия, желания, устремления, потребности и образы жизни индивидов и групп. Такая перспектива пытается связать вопросы управления, политики и администрирования с пространствами тел, жизней, самостей и личностей» [Дин 2016: 73]. Подобная аналитика управления включает в себя: исследование дискурсивных практик и процессов производства знания, легитимирующей модель управления, генеалогию типов субъективности, формируемых для ее функционирования и воспроизводства, и, наконец, практик сопротивления [Дин 2016: 101].

Возвращаясь к мифу об «уходе государства», следует заметить, что неолиберализм, в отличие от классического либерализма, не устанавливает пределы вмешательства государства в экономику или частную жизнь индивида, он генерализирует рыночные принципы, делая их моделью для государственного управления и регулирования всех сфер жизни общества. Другим важным отличием является понимание рынка не как естественной саморегулирующейся системы, автономии которой должно признать государство. Неолиберальная система управления сформирована специфическим типом вмешательства государства и закрепления ее принципов в политической и правовой системе, а главное, в самом социуме [Фуко 2010: 172].

Идея закрепления принципов рыночной конкуренции в системе права сначала появилась у представителей фрайбургской школы ордолиберализма. Это получило название «экономической конституции», которая определяла способы государственного вмешательства в экономическую жизнь в соответствии с логикой создания и поддержания конкурентной рыночной среды. Ордолибералы, а вслед за ними представители других направлений (австрийская и чикагская школы, теория общественного выбора) уделяли много внимания обоснованию необходимости конституционализации неолиберальных принципов и формирования рамки из немажоритарных структур, способных защитить рыночные принципы от «популистского» давления масс и представительных органов власти. Они утверждали, что усиление государственного вмешательства в экономику, бюрократизация управления и политика перераспределения доходов – негативный эффект влияния мажоритарных институтов, возникающий из-за чрезмерного давления избирателей и охоты за голосами избирателей, политиков, дающих все больше необоснованных предвыборных обещаний.

Одним из ключевых элементов неолиберальной политической рациональности в отношении к государственному управлению стали идеи теории общественного выбора (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок). Ее представители предложили новую модель описания и анализа действий государства и бюрократии.

Государственная политика и решения бюрократии рассматриваются в логике, аналогичной поведению акторов, максимизирующему полезность в процессах рыночного обмена [Меркуро, Медема 2019: 290–296]. Согласно данной теории, государственные служащие действуют исходя не из принципов «общего блага», а преследуя прежде всего собственные и корпоративные интересы своего ведомства или бюрократии в целом. Поэтому их основными интересами являются: усиление государственного контроля над экономикой и обществом, увеличение бюджетного финансирования [Стедмен-Джоунз 2017: 167–172].

Неолиберальная политическая рациональность проникла в повседневность, став деполитизированным «здравым смыслом». Диспозитив, состоящий из экономических, социальных, политических, юридических элементов, проникнутых общей неолиберальной логикой, воспроизводит определенные модели субъективации индивидов [Lazzarato 2012: 38–42].

Во-первых, происходит генерализация предпринимательской логики, индивид субъективизируется – формируется и постоянно помещается в логику, в рамках которой он мыслит и действует как предприниматель (человек – фирма).

Во-вторых, происходит генерализация потребительской логики, все сферы и отношения в них рассматриваются по модели «производитель – потребитель». Механизм оценки индивидом посредством потребительского выбора эффективности акторов в любой из сфер понимается как основа свободного общества. Происходит эрозия солидарности и декомпозиция коллективных идентичностей, на которых основаны структуры коллективного действия – прежде всего профсоюзы.

В-третьих, финансиализация всех сфер жизни формирует особый тип субъективности – должник (ипотека, образовательный кредит). Долг в неолиберальной системе выполняет не столько экономическую функцию, он форма биополитической власти, позволяющая власти управлять и осуществлять контроль более экономно. Поскольку индивид, помещенный в логику «жизни в кредит», начинает дисциплинировать сам себя [Lazzarato 2012: 128–137].

Практическими примерами применения неолиберальной политической рациональности в процессах трансформации системы государственного управления являются реформы, проведенные в 1980–1990-е гг. сначала в Великобритании и США [Leys 2003: 32–35; Лахман 2020: 265–270]. Они стали основой практики реформирования государственной службы и социальной политики во многих странах, ее проводили в жизнь как право-, так и левоцентристские партии. Данные принципы были закреплены и на уровне международных организаций и стали стандартной рекомендацией экспертов Всемирного банка, МВФ и Организации экономического сотрудничества и развития.

Неолиберальная модель реформирования государственного управления, помимо приватизации, аутсорсинга и сокращения числа чиновников, предусматривала следующие меры: создание конкуренции между государственными и частными поставщиками услуг; создание квазирыночных организационных форм путем дробления традиционных бюрократических структур, получающих относительную самостоятельность в своей деятельности; соотношение бюджетных затрат с результатами деятельности, выраженными в количественных показателях (с ответственностью за их выполнение), а не как ранее с использованными ресурсами [Osborne, Gaebler 1992].

Разрушение структурной целостности и относительной организационной закрытости органов государственной власти многие авторы рассматривают как позитивное изменение [Роудс 2008: 70]. По их мнению, создаются условия для новой «сетевой» модели политического управления («управление без правительства», «управление без центра»), позволяющей более эффективно инициировать новые проекты, согласовывать интересы государственных и негосударственных акторов, обмениваться идеями и опытом и собирать ресурсы.

Подобные концепции, по мнению П. Дардо и К. Лавалья, можно отнести к «левому неолиберализму». Этим термином они обозначают исследователь левоцентристской направленности, отрицающих возможность возвращения к кейнсианской политике *welfare state* и по факту принимающих основные постулаты неолиберализма [Dardot, Laval 2017: 245]. Выступая за открытые рынки, приватизацию и конкуренцию, они говорят лишь о необходимости отдельных мер по исправлению негативных эффектов «свободного рынка». Классический пример – социолог Э. Гидденс, игравший важную роль не только внутри академии, но и как идеолог нового лейборизма [Giddens 1998].

Важным моментом в интернализации политической рациональности неолиберализма явилось не критическое принятие концепции *governance*. Это зонтичный термин, обозначающий сдвиг в сфере государственного управления и публичной политики. Концепция *governance* делает попытку описать ситуацию, возникшую после реформ государственного управления и экономики 1980–1990-х гг. [Роудс 2008: 53–55]. Их итогом стала приватизация части секторов экономики, маркетизация и фрагментация системы госуправления и эрозия организации коллективного действия (прежде всего профсоюзов), которые были системами классового компромисса в системе кейнсианского *welfare state*.

В концептуальном сдвиге от *government* (правительства) к *governance* (управлению) центральную роль играют две ключевые идеи начала 1990-х гг. Во-первых, благодаря глобализации (формированию открытых рынков, экономической взаимозависимости и развитию транснациональных информа-

ционных потоков) происходит ослабление национального государства. Во-вторых, после окончания холодной войны и сдвига традиционных левоцентристских партий на позиции «левого неолиберализма» наступает эпоха постгегемонистской (*posthegemonic*) политики межпартийного консенсуса [Davies 2011: 11].

Governance, или децентрированная теория управления (термин М. Бевира), полагает, что государство «опустошенное» и фрагментированное реформами 1980–1990-х гг., представляет из себя не структурную целостность, а открытую совокупность институтов и практик управления. Государство перестает быть главным субъектом управления, формируется система, где оно выступает лишь в качестве координатора сложного процесса принятия решений и аккумуляции ресурсов. Возникает идея соуправления, в котором политика осуществляется как совместный процесс «открытой координации», государственные ведомства находятся в сетевом взаимодействии с бизнесом и организациями гражданского общества. И понятие *governance* как раз обозначает процессы соуправления, осуществляемые на разных уровнях и с помощью разных механизмов координации (государство, рынок и сети публичной политики).

В Великобритании в этот период появилась теория, дополняющая на политическом уровне сдвиг от *government* к *governance*. Часть исследователей, близких к новому лейборизму, предложила теорию «сетей публичной политики», или политических сетей (*policy networks*). Критикуя доминировавшие до этого в политологии теории корпоративизма и плюрализма, они выдвинули идею, что данные подходы не могут описать новую реальность. Отношения государства и рынка в новой ситуации нельзя описать как взаимодействие бюрократической вертикали и свободной рыночной координации. Государство, потеряв структурную целостность, может координировать процессы управления, вступая в гибридные соглашения с бизнесом и неправительственными организациями.

Теория «сетей публичной политики» была предложена для исследования процессов формирования, динамики и результата взаимодействий в одной или нескольких сетях, каждая из которых представляет собой гетерогенный кластер акторов. Согласно Р. Родсу, динамика сетей публичной политики зависит от трех факторов: относительная стабильность членства (сила и состав акторов), относительная замкнутость сети (открытость сети к подключению новых акторов) и ресурсная созависимость (наличие стимулов к взаимодействию акторов).

Для неолиберальных теоретиков обычно существует две модели координации: *государство* (иерархия) и *рынок* (свободное взаимодействие на основе контрактов). Представители «левого неолиберализма» выдвинули в качестве третьей модели *сети публичной политики*. В этом состояла не только

их теоретическая, но и политическая позиция. Не соглашаясь полностью с неолиберальной программой реформ консерваторов периода премьерства М. Тэтчер, они не считали нужным возвращаться к послевоенной социал-демократической модели лейборизма.

Концепция сетей публичной политики, возможно, и подходила в качестве теории «среднего уровня» для описания периода 1990-х гг., когда действительно управление осуществлялось на основании постполитического консенсуса основных политических сил. Процессы начала XXI в.: усиление государства, политическая поляризация, появление новых социальных движений, выступающих против неолиберализма, – лишают теорию сетей публичной политики оснований; реальности, которую она пыталась описать, больше нет. Лишившись оснований, она может существовать только в качестве нормативной теории или идеологии.

По справедливому замечанию Дж. Дэвиса, так называемые сети публичной политики лучше исследовать, используя понятие «интегральное государство» А. Грамши. Временная потеря структурной целостности государства и необходимость координировать политику с другими акторами не означает децентрализацию и демократизацию процессов управления [Davies 2011: 104–106]. Это не третья относительно автономная модель координации с сетевым взаимодействием равноправных акторов, а специфическая модель неолиберальной гегемонии.

П. Дардо и К. Лаваль справедливо отмечают, что следование неолиберальным принципам фактически означает «захват государства» (*state capture*) крупнейшими корпорациями. «Сейчас государство несет важную обязанность – осуществлять материально-техническую и инфраструктурную поддержку олигополий, привлекать крупнейшие из них на управляемую им национальную территорию. Это затрагивает самые разные области: научные исследования, университеты, транспорт, налоговые льготы, культурную среду и урбанизацию, гарантию рынков сбыта. <...> Конкурентоспособное государство – это не государство как арбитр между интересами, а государство как партнер олигополистических интересов в глобальной экономической войне» [Dardot, Laval 2017: 243–246].

В условиях, когда неолиберальная политическая рациональность интернализирована основными представителями политической элиты, у избирателей почти отсутствует реальный выбор. Право- и левоцентристские партии, придя к власти, проводят одинаковую политику (приватизация, дерегулирование, сокращение бюджетных расходов и социальных гарантий). К. Крауч назвал это «постдемократией», появление и укрепление которой стало возможно после разрушения баланса сил между трудом и капиталом [Крауч 2010: 35–46].

Реальную структуру неолиберального политического консенсуса 1990–2000-х гг. исследовали П. Майр и Р. Кац и предложили концепцию «картельных партий». Они отмечают, что произошло «существенное снижение ставок в традиционной избирательной конкуренции в результате, во-первых, уменьшения воспринимаемой остроты идеологического раскола между левыми и правыми, лежащего в основе большинства западных партийных систем и прямо или косвенно подпитываемого идеологическим расколом времен холодной войны; во-вторых, передачи контроля и компетенций наверх к технократической и непартийной системе Европейского союза; в-третьих, даже после передачи полномочий Европейскому союзу или ВТО подчеркивания того, что при новой системе компетенций традиционно занимавшие центральное место политические проблемы инфляции и безработицы стали теперь неподконтрольными национальным правительствам, а следовательно, и партиям, которые составляли эти правительства» [Кац, Майр 2009: 172].

В неолиберальной модели управления на основе доминирующих интересов и общей идеологии происходит взаимопроникновение партий и государства и формирование межпартийного сговора, создающих систему без реальной альтернативы. Подъем популизма в последние годы явился спонтанной неартикулированной реакцией части избирателей на герметизацию политического универсума. Эпоха после окончания холодной войны, совпавшая с относительно мирной фазой глобализации, породила ряд оптимистических теорий, отодвинувших на задний план традиционный анализ государства как инструмента гегемонии правящего «исторического блока» и аппарата, обладающего монополией на легитимное насилие. Текущее положение, когда государство не просто вернулось в качестве основного субъекта политического процесса, но и когда усиливается его репрессивный аппарат, требует возвращения к теориям, концептуально способствующим реалистичному описанию происходящих процессов.

Источники

Дин М. 2016. *Правительственность: власть и правление в современных обществах*. М.: Издательский дом «Дело».

Кац Р., Майр П. 2009. Картельная партия: пересмотр концепции. – *Прогнозис*. № 3–4. С. 169–194.

Крауч К. 2010. *Постдемократия*. М.: Изд-во Высшей школы экономики.

Лахман Р. 2020. *Государства и власть*. М.: Издательский дом «Дело».

Меркуро Н., Медема С. 2019. *Экономическая теория и право: от Познера к постмодернизму и далее*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Политика в эпоху жесткой экономии. 2015. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Роудс Р. 2008. Новый метод управления: управление без правительства. – *Публичная политика: от теории к практике*. СПб.: Алетейя. С. 51–74.

Стедмен-Джоунз Д. 2017. *Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер*. М.; Челябинск: Социум; Мысль.

Флорида Р. 2018. *Новый кризис городов: джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать*. М.: Издательская группа «Точка».

Фуко М. 2010. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978/1979 учебном году*. СПб.: Наука.

Brown W. 2019. *In the Ruins of Neoliberalism The Rise of Antidemocratic Politics in the West*. Columbia University Press.

Dardot P., Laval C. 2017. *The New Way of the World: On Neoliberal Society*. Verso.

Dardot P., Laval C. 2019. *Never-Ending Nightmare. The Neoliberal Assault on Democracy*. Verso.

Davies J.S. 2011. *Challenging governance theory. From networks to hegemony*. Policy Press.

Giddens A. 1998. *The Third Way. The Renewal of Social Democracy*. Cambridge. Polity.

Harvey D. 2019. *Spaces of Global Capitalism. A Theory of Uneven Geographical Development*. Verso.

Kotkin J. 2014. *The New Class Conflict*. Telos Press.

Lazzarato M. 2012. *The making of the indebted man: an essay on the neoliberal condition*. Semiotext(e).

Leyš C. 2003. *Market-driven politics. Neoliberal Democracy and the Public Interest*. Verso.

Mirowski P. 2014. *Never Let a Serious Crisis Go to Waste. How Neoliberalism Survived the Financial Meltdown*. Verso.

Osborne D., Gaebler T. 1992. *Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector*. Addison-Wesley Publishing Company.

Памяти
Михаила Бениаминовича Горного
(09.03.1949 – 18.01.2021)

Уже в процессе сдачи этого номера в печать пришла печальная весть о смерти после продолжительной болезни члена редколлегии и одного из основателей нашего журнала Михаила Бениаминовича Горного. Я знал его с 1987 г., когда мы оба были членами Межрегионально-межпрофессионального клуба «Перестройка». Михаил тогда был одним из двух координаторов секции производственного самоуправления. Потом мы были вместе депутатами Ленсовета (1990–1993 гг.), где он являлся председателем постоянной комиссии по вопросам самоуправления, работы Советов и государственному строительству, возглавлял рабочие группы по межрегиональным связям, по разработке Устава Санкт-Петербурга, представлял Санкт-Петербург в Союзе российских городов и в правлении Союза городов Северо-Запада России.

Однако наше более плотное сотрудничество, которое переросло в крепкую дружбу, началось чуть позже, весной 1994 г., когда он стал исполнительным директором в Санкт-Петербургском гуманитарно-политологическом центре «Стратегия» (где я был уже президентом). И далее более десяти лет действовал наш уверенный тандем, в котором мы во многих случаях могли подменить друг друга. Параллельно с деятельностью в нашем центре Горный был членом рабочей группы по подготовке Устава Санкт-Петербурга, в 1996–1997 гг. – советником губернатора Санкт-Петербурга по вопросам местного самоуправления, а также в течение ряда лет – председателем партийного арбитража партии «Яблоко».

В 2006 г., вскоре после создания в Санкт-Петербургском филиале Высшей школы экономики кафедры и отделения прикладной политологии, он начал читать здесь отдельные курсы, а с 2011 по 2018 г. работал доцентом этой кафедры, читая авторские курсы по местному самоуправлению, по сравнительной политологии и другим темам. Его глубокое практическое знание современной российской политики, острый и аналитический ум кандидата физико-математических наук, а также искреннее внимание и доброжелательность, соединенные со своеобразным чувством юмора, привлекали к нему очень многих студентов. В преподавательской же среде он был своеобразным камертоном ответственного и человеческого отношения друг к другу.

Ну и конечно, здесь нельзя не вспомнить его непосредственное участие в создании нашего журнала «Публичная политика», бессменным членом редколлегии которого он был с 2017 г., а до этого, с 2006 г., – соредактором предшественника журнала – одноименного альманаха, издававшегося с 2005 г.

Всем нам будет очень не хватать Михаила Бениаминовича Горного.

Александр Сунгуров

Правила оформления текстов в журнале «Публичная политика»

1. Рукописи, присылаемые в редакцию журнала «Публичная политика», должны быть оригинальными научными исследованиями. Тексты, представляющие собой параграфы или главы из уже опубликованных статей и монографий или иных научных работ, к печати не принимаются.

2. В начале статьи указываются на русском и английском языках ее название, фамилия, имя и отчество автора, место работы, занимаемая должность, ученая степень, город, страна, e-mail, пишутся аннотация (не более 200 знаков) и ключевые слова.

3. Тексты статей представляются на русском или английском языке объемом от 0,7 до 1 п.л. без пробелов (для обзоров и рецензий от 0,2 до 0,5 п.л. тыс. знаков), включая сведения об авторе, аннотацию, ключевые понятия, список литературы, references. Текст должен быть в формате Word 2003–2016, кегль 14 “Times New Roman”, интервал 1,0. Поля страницы обычные: верхнее и нижнее по 2 см, правое – 1,5 см, левое – 3 см.

4. Ссылки на литературу оформляются по чикагской системе – в квадратных скобках (например, [Лейпхарт 1997: 277], [Huntington 1996: 5]), в конце статьи – список научных источников в алфавитном порядке (сначала российские, затем зарубежные). Ссылки на законодательные акты, публицистику или статистические данные нужно оформлять постранично в виде сносок. Для нормативных актов указываются начальная и последняя редакции. При ссылках на несколько работ одного автора за один год нужно в тексте и литературе к году приписать буквы (а, б, в... – в русскоязычной части списка; a, b, c... – в иноязычной части). При ссылке на источники, размещенные в сети Интернет, дается их библиографическое описание (при наличии опубликованного варианта), указываются название и адрес сайта, а также в круглых скобках дата обращения.

В списке литературы:

– при оформлении книг указываются фамилия и инициалы автора, год издания, название книги, место издания, издательство, общее количество страниц;

– при оформлении научных статей указываются фамилия и инициалы автора, год издания, название статьи и журнала, том и номер, страницы

расположения статьи, электронный адрес и дата обращения, если речь идет об интернет-публикации;

– название периодического издания, монографии, сборника или главы книги выделяется курсивом.

Примеры:

1. При описании книг:

На русском: Голосов Г.В. 2006. *Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 300 с.

2. Книга коллектива авторов:

На русском: *Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке* / под ред. Е.А. Ларина. 2012. М.: Наука. 767 с.

3. Переводная книга:

На русском: Пшеворский А. 2000. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М.: РОС-СПЭН. 320 с.

4. Статья из периодического издания:

На русском: Капустин Б.Г. 2003. К понятию политического насилия. – *Политис. Политические исследования*. № 6. С. 6–26.

5. Кроме статьи, в редакцию высылаются отдельным файлом следующие данные:

- 1) Ф.И.О. (указывается полностью);
- 2) должность и место работы или учебы, ученая степень;
- 3) почтовый адрес с индексом;
- 4) адрес электронной почты и контактный телефон.

ISSN 2541-8351

9 772541 835007

>